

ЭЙПРИЛ ЖЕНЕВЬЕВА ТУХОЛКИ

BOOKREADS

МЕЖДУ
ДЬЯВОЛОМ
И ГЛУБОКИМ
СИНИМ
МОРЕМ

Страх перед дьяволом исчезает, когда ты держишь его за руку... Ничего особо интересного не происходит в сонном приморском городке Вайолет Уайт... до появления Ривера Уэста. Он снимает дом за хлипким поместьем Вайолет, и когда вокруг начинают происходить жуткие, мрачные события, девушка подозревает парня, живущего на ее заднем дворе. Не может ли Ривер оказаться просто лжецом с кривоватой улыбкой, красивыми глазами и загадочным прошлым? А может, в нем скрыто нечто большее? Бабушка Вайолет часто предупреждала ее о Дьяволе, но она никогда не говорила, что он может оказаться темноволосым парнем, дремлющим под солнцем, любящим кофе и целующимся с тобой на кладбище... и вызывающим желание ответить на поцелуй. Девушка уже так погрузилась в свою влюбленность, что не может судить здраво. И это очень на руку Риверу.

Переплетая черты декадентства и волнующий страх готических ужасов, Эйприл Женовьева Тухолки создает восхитительный, закрученный и современный романтический узор, рассказанный в равной степени великолепно и устрашающе, — наслаждайтесь дебютом.

Эйприл Женевьева Тухолки

Между Дьяволом и глубоким синим морем

Книга 1

Посвящается всем юным читателям

Страх перед дьяволом исчезает, когда ты держишь его за руку...

*Мне стоило бы ненавидеть тебя,
Но, похоже, я люблю тебя,
Я застрял между дьяволом,
И глубоким синим морем.*

Кэб Кэллоуэй

Переводчики: Анастасия Харченко

Оформление обложки: Ксения Левченко

«Страх перед дьяволом исчезает, когда ты держишь его за руку».

Эти слова сказала мне Фредди, когда я была совсем ещё ребёнком.

Все звали мою бабушку по прозвищу, даже родители. Не мама или бабушка. Просто Фредди. Как она говорила: «Это сокращение от Фредрик».

Затем она спросила, люблю ли я своего брата.

— Люк — чёртов задира, — ответила я.

Посмотрела на большую старинную лестницу, по которой мы вместе поднимались. По розовому мрамору разбегались чёрные разветвления, напоминавшие мне варикозные вены на бледных ногах Фредди. Помню, как думала, что лестница, должно быть, стареет вместе с ней.

— Не упоминай чёрта всеу, Вайолет.

— Ты упоминаешь, — «Притом постоянно». — Люк однажды столкнул меня с этой чёртовой лестницы, — сказала я, глядя на мраморные ступеньки. Падение меня не убило, если он на то рассчитывал, но я выбила два зуба и заработала ушиб на лбу, который адски болел и кровоточил.

— Я не люблю брата. И мне плевать, что по этому поводу думает Дьявол. Это правда.

Тогда Фредди окинула меня суровым взглядом; несмотря на возраст, её голландские глаза были ясно-голубого цвета. Они передались мне по наследству, как и светлые волосы.

Фредди положила свои морщинистые руки поверх моих.

— Есть правда, а есть *правда*, Вайолет. И некоторая чёртова правда не должна произноситься вслух, иначе Дьявол услышит и придёт за тобой. Аминь.

Когда Фредди была молодой, то носила меха и часто посещала вечеринки, где пила коктейли и знакомилась с художниками, которых позже спонсировала. Она рассказывала мне дикие истории, включающие в себя выпивку, доступных женщин, плохих парней и много неприятностей.

Но затем что-то случилось. Что-то, о чём Фредди никогда не рассказывала. Что-то нехорошее. У многих людей имелась парочка жутких историй в запасе, но если они начинали жаловаться и навязываться всем, кто соглашался их выслушать, то всё это оказывалось выдумкой. По крайней мере отчасти. Люди с историями, которые действительно могут впечатлить, или даже ранить, не будут ими делиться. Никогда.

Иногда я ловила Фредди за тем, что она что-то писала поздними вечерами: быстро и упорно, да так, что я слышала звук рвущейся бумаги под напором шариковой ручки, но был ли это дневник или письма друзьям, я не знала.

Возможно, моя бабушка стала такой правильной и религиозной из-за того, что её дочь утонула в юном возрасте. Возможно, дело было в чём-то другом. Но что бы ни случилось, Фредди искала способ заполнить зияющую в ней дыру. И нашла она Бога. Бога и Дьявола. Поскольку один не существовал без другого.

Фредди постоянно разглаговольствовала о Дьяволе, будто он был чуть ли не её лучшим другом или старой любовью. Тем не менее, я ни разу не видела, чтобы бабушка молилась.

В отличие от меня.

Я молилась Фредди. Особенно после её смерти. За последние пять лет я делала это так часто, что ритуал перешёл на подсознательный уровень, словно дуть на горячий суп, чтобы

остудить его. Я молилась ей о родителях, исчезнувших из моей жизни, о заканчивающихся деньгах, о периодически накатывающем чувстве одиночества. Даже чёртов морской бриз, завывающий в моё окно, казался мне ближе, чем брат, живущий наверху.

И я молилась Фредди о Дьяволе. Просила держать его подальше от меня. Просила уберечь меня от зла.

Но, несмотря на все молитвы, Дьявол всё равно меня нашёл.

Я жила со своим братом-близнецом Люком. И всё. Нам было всего семнадцать, и жить одним в таком возрасте, в принципе, незаконно, но никто не пытался исправить ситуацию.

Наши родители художники — Джон и Джоели Айрис Уайт. Мастера своего дела. Они нас, конечно, любили, но искусство — больше. Прошлой осенью они отправились в путешествие на поиски музыки, посещая различные европейские кафе и замки и, естественно, тратя последние гроши семейного богатства. Я надеялась, что мама с папой вскоре вернуться, если не по иным причинам, то хотя бы для того, чтобы мне хватило денег поступить в престижный университет: в какое-нибудь милое местечко с зелёными лужайками и белыми колоннами, а также огромными библиотеками и профессорами с заплатками на локтях.

Но я уже не особо на это рассчитывала.

Мои прабабушка с прадедушкой были промышленниками Восточного побережья и заработали огромную кучу денег в чертовски юном возрасте. Затем вложили деньги в железнодорожное производство — то, что было актуально в их время. А после этого передали их по наследству моему дедушке, которого мне так и не довелось увидеть.

В своё время Фредди и дедушка были самыми богатыми людьми в Эхо, насколько это вообще могло иметь значение в нашем городке. Бабушка говорила, что Гленшипы были богаче нас, но, как по мне, богачи и в Африке богачи. Дед построил большой дом прямо на краю скалы, над грохочущими волнами. Затем женился на моей безумной бабушке и забрал её жить к себе, чтобы плодить детишек на краю Атлантического океана.

Наш дом был величественным и элегантным, большим и красивым.

В то же время он был обветшалым, покрытым пятнами соли, заросшим и заброшенным, как стареющая балерина, которая издалека казалась молодой и гибкой, но вблизи на висках её виднелась седина, у глаз — морщинки, а на щеке — шрам.

Фредди назвала наш дом «Ситизен Кейн» в честь старого фильма с идеальным Орсоном Уеллесом в кадре, который щеголял по округе и разговаривал басом. Но я, по большей части, считала этот фильм депрессивным. Безнадёжным. К тому же, дом был построен в 1929 году, а «Гражданин Кейн» вышел только в 1941, значит, у бабушки ушли годы на то, чтобы дать ему имя. Возможно, увиденный фильм что-то для неё значил, но, если честно, никто толком не знал, по каким причинам Фредди делала то или иное. Даже я.

Фредди и дедушка жили в «Ситизене» до самой смерти. После отъезда родителей в Европу я переехала в старую спальню бабушки на втором этаже. Её вещи я не тронула. Даже не вытащила платья из шкафа.

Мне нравилась моя спальня: туалетный столик с кривым зеркалом, приземистость стульев без подлокотников, ширма для переодевания в восточном стиле. Нравилось сворачиваться на бархатном диванчике со стопкой книг на коленях, отодвинув на окна пыльные занавески в пол, чтобы видеть небо. А по ночам абажур с фиолетовой бахромой окрашивал комнату в различные тона — от лилового до тёмно-сливового.

Спальня Люка находилась на третьем этаже. И мне кажется, нам обоим нравилось иметь свободное друг от друга пространство. Этим летом у нас наконец закончились деньги, которые оставляли родители, уезжая в Европу много месяцев назад. «Ситизен Кейн» нуждался в новой крыше, поскольку ветер с океана жестоко поизмывался над нынешней, да и нам с Люком нужна еда. Поэтому мне пришла в голову гениальная идея — сдать в аренду

гостевой дом. Да, у Ситизена был гостевой дом, оставшийся с тех дней, когда Фредди спонсировала голодающих художников. Они переезжали туда на пару месяцев, творили шедевры, а затем двигались дальше, в новый город, к следующему богачу — очередному джину из бутылки.

Я развесила объявления по Эхо, думая, что ничего из этого не выйдет.

Но что-то вышло.

Это был ранний июньский день, дул нежный ветерок, который я сравнила с летом, что даёт пощёчину весне. В воздухе чувствовался запах морской соли. Я сидела на ступеньках перед домом, глядя на дорогу, уходящую в голубую даль. Две каменные колонны обрамляли большие входные двери, а между ними располагалась лестница. С моего места наш запущенный, давно позабытый хозяевами газон доходил до края грунтовой дороги. За ним был обрыв и бушующие волны.

Так я и сидела, поочередно читая короткие рассказы Натаниэля Готорна и наблюдая за небом, перемежающимся с далекими волнами, когда на мою улицу свернула новая-старая машина, проехала мимо дома Саншайн и припарковалась на округлом дворике. Я назвала её старой, поскольку она была из 50-х, — большая, красивая и с явно скудным пробегом. Но выглядела она новенькой, будто только с витрины, блестящая, как лицо ребёнка на Рождество.

Машина остановилась. Из неё вышел мальчик. Он был примерно одного со мной возраста, но я всё равно не могла серьёзно назвать его *мужчиной*. Потому да, *мальчик*. Выйдя из машины, он посмотрел прямо на меня, словно я позвала его по имени.

Но я этого не делала. Он не знал меня. А я не знала его. Он не был высоким — примерно ниже 180 см, — зато сильным и стройным. У него были густые тёмно-коричневые волосы, волнистые, с пробором сбоку, но это до тех пор, пока очередной порыв морского ветра не спутал их, и пробор исчез. Мне мгновенно понравилось его лицо. И загорелая, явно пребывавшая ежедневно на солнце кожа. И карие глаза. Он посмотрел на меня, а я на него.

— Ты Вайолет? — спросил мальчик и не стал дожидаться ответа. — Да, думаю, это ты. Я Ривер. Ривер Уэст, — он провёл рукой по воздуху перед собой. — А это, должно быть, Ситизен Кейн.

Он смотрел на дом, потому я склонила голову и тоже оглянулась. В моих представлениях это были ослепляюще-белые колонны, бирюзовая отделка вокруг больших квадратных окон, ухоженные кустарники и расставленные со вкусом обнажённые статуи в центре главного фонтана. Но фонтан, который я наблюдала сейчас, был мшистым и грязным, а у одной статуи бедной раздетой девушки не хватало носа, груди и трёх пальцев. Яркоголубая краска стала серой и осыпалась с рамы. Кустарники же превратились в дикие трёхметровые джунгли.

Я не стыдилась Ситизена, поскольку он всё ещё оставался чертовски восхитительным домом. Но теперь я задавалась вопросом: может, мне стоило подстричь кусты, или почистить голых девушек в фонтане, или перекрасить оконные рамы?

— Довольно большой дом для светловолосой девушки, любящей читать, — сказал мальчик после долгой минуты разглядывания дома. — Ты одна? Или твои родители где-то поблизости?

Я закрыла книгу и встала на ноги.

— Мои родители в Европе, — я сделала паузу. — А где *твои* родители?

Он улыбнулся.

— Туше.

Наш городок был достаточно маленьким, и у меня выработался здоровый интерес к незнакомцам — для меня они были увлекательными подарками судьбы, полными возможностей. Сладкий запах других далеких мест вился за ними шлейфом, как одеколон. Потому Ривер Уэст, незнакомец, не вызвал во мне ни капли страха, а лишь поток возбуждения, напоминавший ощущение перед большой бурей, когда воздух трещал от напряжения.

Я улыбнулась в ответ.

— Я живу со своим братом-близнецом Люком. Он, по большей части, проводит свое время на третьем этаже. Если мне везет, — я подняла взгляд, но окна третьего этажа были не видны из-за крыши. — Так как ты узнал мое имя?

— Увидел в объявлении, глупышка, — сказал Ривер и улыбнулся. — *«Сдаётся в аренду гостевой дом. Обращайтесь к Вайолет из Ситизен Кейна»*. Я поспрашивал местных, и они отправили меня сюда.

Он не сказал «глупышка», как делал это Люк, с сощуренными глазами и снисходительной улыбкой. Ривер произнёс это слово, как какую-нибудь ласку. Что и сбило меня с толку, в каком-то смысле. Я выскользнула из сандали на правой ноге и постучала пальцами по каменной ступеньке, от чего моя жёлтая юбка сморщилась на коленях.

— Так... ты хочешь снять гостевой дом?

— Ага.

Ривер облокотился на свою блестящую машину. На нём были чёрные льняные штаны — такие, которые, по-моему, носили лишь испанцы с квадратной челюстью в европейских фильмах, снятых у моря, — и белая рубашка на пуговицах. На ком-то другом такой наряд мог бы смотреться странно. Но ему всё это полностью шло.

— Ладно. Мне нужна арендная плата за первый месяц, наличкой.

Он кивнул и потянулся в задний карман. Ривер достал кожаный кошелек, в нём находилась очень толстая пачка денег. Такая толстая, что, когда он отсчитал нужную сумму, то едва смог вновь его закрыть. Ривер Уэст подошёл ко мне, взял меня за руку и вложил пять сотен долларов мне в ладонь.

— Ты даже не хочешь вначале осмотреть дом? — спросила я, не отрывая взгляда от зелёных бумажек. Я позволила своим пальцам крепко сомкнуться вокруг них.

— Нет.

Я ухмыльнулась. Ривер ухмыльнулся в ответ, и я заметила, что его нос был прямым, а улыбка — кривоватой. Мне это нравилось. Я наблюдала, как он завилял бёдрами, да, завилял своими узкими бёдрами к багажнику, откуда достал парочку старомодных чемоданов — те, которые с пряжками и ремнями вместо молний. Затем скользнула обратно ногой в сандаль и пошла по узкой заросшей дорожке через кусты, мимо обвитых плющом окон, мимо простого деревянного гаража, к задней части Ситизен Кейна.

Я оглянулась лишь единожды. Ривер шёл за мной.

Далее проследовала мимо разрушенного теннисного корта и старой теплицы — каждый раз, когда я их видела, они становились все хуже и хуже. Всё пошло в тартарары после смерти Фредди, и дело не только в нашем денежном затруднении. Фредди удавалось как-то ухаживать за домом и без денег, она не знала усталости, самостоятельно чинила вещи, самостоятельно обучалась рудиментарной сантехнике и занималась столярными изделиями, стирая пыль, подметая, убирая изо дня в день. Мы же ничего не делали. Лишь рисовали. И то

на полотнах, а не на стенах, заборах или оконных рамах.

Папа говорил, что покраска стен и заборов была для Тома Сойера и других немых сирот. Я не знала, шутит ли он. Скорее всего, нет.

Теннисный корт зарос ярко-зелёной травой, пробивавшейся сквозь цементный пол, а сетка была свалена на земле и покрыта листьями. Кто в последний раз играл здесь в теннис? Не могла вспомнить. Стеклопанная крыша теплицы тоже прогнулась — отломанные куски валялись на земле, а экзотические растения синего, зелёного и белого оттенка пучками торчали из здания, вытягиваясь к небу. Раньше я ходила туда читать. У меня было много тайных местечек в Ситизене. До того, как я бросила рисовать, они были моими источниками вдохновения.

Мы замедлили шаг, приблизившись к гостевому дому. Это был двухкомнатный дом из красного кирпича, обвитый плющом, как и все остальные постройки здесь. Водопровод был неплохой, а вот с электричеством всё было не так хорошо. Здание стояло под прямым углом к Ситизену. Если бы океан был ртом, тогда Ситизен был бы широким белым носом; гостевой дом — правым глазом; потрепанный лабиринт — левым; а теннисный корт и теплица — двумя родинками над правой скулой.

Мы зашли внутрь и осмотрелись. Дом был пыльным, но уютным и довольно милым: большая кухня со сколотыми чашками в жёлтых ящичках, лоскутное церковное покрывало на мебели в стиле ар-деко и отсутствие телефона.

У нас с Люком давно закончились деньги на оплату счетов, потому в Ситизене тоже не было рабочего телефона. Вот почему я не написала номер в объявлении.

Я не могла вспомнить, кто и когда в последний раз жил в гостевом доме. Какие-то божественные друзья моих родителей, очень давно. На подоконниках лежали тюбики с засохшей масляной краской, а в раковине валялись кисточки — чистые и позабытые. По другую часть лабиринта находилась родительская студия, которая на деле была сараем, все свои работы они всегда творили там. Сарай был наполнен незаконченными холстами и весь пропах скипидаром. Для меня этот запах одновременно был успокаивающим и раздражающим.

Я схватила кисти, планируя выкинуть их, но, коснувшись, почувствовала влагу. Значит, они не принадлежали старым приятелям моих родителей, их недавно использовали.

Я заметила, что Ривер наблюдает за мной, но ничего не говорил. Положив кисти на место, я вошла в главную спальню, немного отстранившись в сторону, чтобы Ривер мог кинуть чемоданы на кровать. Мне всегда нравилась эта комната с красными стенами, выцветшими до розового оттенка, и жёлтыми занавесками в белую полосу. Ривер огляделся и подметил каждую деталь своими шустрыми карими глазами. Парень подошёл к шкафу, открыл верхний ящик, заглянул внутрь и закрыл его. Затем прошёл в другую часть комнаты, раздвинул занавески и открыл створки окна с видом на море.

Внутри комнаты проникли лучи солнца и солёный морской воздух. Я сделала глубокий вдох, как и Ривер; его грудь поднялась, и я смогла рассмотреть обтягиваемые рубашкой рёбра.

Гостевой дом находился дальше от океана, чем Ситизен, но толстая линия синей-пресиней синевы всё равно виднелась в окне. Я заметила большой корабль на фоне горизонта и задумалась, куда же он держит путь, или откуда возвращается. Мне иногда хотелось оказаться на одном из таких кораблей и уплыть в какое-нибудь холодное или же экзотическое место. Но в данный момент во мне не было этого зудящего чувства.

Ривер подошел к кровати и снял чёрный деревянный крест, висевший над её изголовьем.

Затем поднёс его к шкафу, открыл верхний ящик, положил крест внутрь и задвинул ящик бедром.

— Ситизен Кейн построил мой дедушка, — сказала я, — но этот коттедж построила бабушка Фредди. К старости она стала очень религиозной, — мой взгляд был сосредоточен на темно-красном контуре, оставшемся на стене, где крест защищал её от солнечного света, из-за которого выцвела краска на открытых участках. — Наверное, она повесила этот крест десятилетия назад, с тех пор он там и висел. Ты атеист? Поэтому его снял? Мне очень любопытно, следовательно, я и задаю вопросы.

Я дёрнулась. Следовательно? Моя привычка читать больше, чем общаться, привела к тому, что я использовала странные слова в бытовых разговорах, даже не задумываясь.

Но не похоже, что Ривер это заметил. Под «этим» я имею в виду, что он, похоже, замечал во мне всё, как и в комнате, потому я не знала, заметил ли он моё не к месту использованное «следовательно».

— Нет, не атеист. Я просто тот, кто не любит спать с крестом над головой, — он вновь взглянул на меня. — Итак, сколько тебе... семнадцать?

— Да. Хорошее предположение. Брат говорит, что я всё ещё выгляжу на двенадцать.

— Значит, мы однолетки, — пауза. — Мои родители отправились в Южную Америку пару недель назад. Они археологи. На это время они решили отправить меня сюда. В Эхо у меня живёт дядя. Но мне не хотелось оставаться у него. Затем я увидел твоё объявление, и вот я здесь. Немного странно, что у нас обоих родители уехали и бросили нас, тебе не кажется?

Я кивнула. Мне хотелось спросить, кто его дядя, откуда Ривер, и как долго он пробудет в моём гостевом доме. Но он стоял и смотрел на меня так, что я просто не могла заставить себя вымолвить хоть слово.

— Так где твой брат?

Ривер поднял руку к волосам и хорошенько взъерошил их. Я уставилась на парня и его спутанную шевелюру, пока он не уставился на меня в ответ, и мне ни пришлось отвернуться.

— Он в городе. Позже познакомитесь. И я бы не слишком радовалась на твоём месте. Он не такой милый, как я.

После завтрака Люк отправился в Эхо, намереваясь зайти к знакомой и потискать её среди бела дня в кафе, в котором она работала.

Я указала на окно.

— Если захочешь прогуляться в город за продуктами, за яблонями, которые за лабиринтом, начинается тропинка. Она соединяется со старой железной дорогой и ведёт к главной улице. То есть, ты можешь и поехать туда, если хочешь, ведь у тебя есть машина, но тропинка очень милая, если ты, конечно, любишь гулять. Она проходит через старый железнодорожный туннель...

Я начала пятиться из комнаты. Мне казалось, что я веду себя очень глупо, продолжая лебезить, как какая-то недалёкая девчонка, которая сразу изливает весь поток своих мыслей, стоит открыть рот. А когда я чувствую себя глупо, мои щёки всегда заливаются краской. И я даже не сомневалась, что этот внимательный парень непременно заметит красноту и догадается, что я смущена.

— О, а ещё на входной двери нет замка, — продолжала я, погрузившись в приятную темноту коридора и прижав руки к лицу. — Если хочешь, можешь купить его в хозяйственном магазине, но из этого дома никто и ничего красть не будет. — Я замолкла. —

По крайней мере, никто никогда не пытался.

Я повернулась и вышла из домика, не дожидаясь ответа. Проскользнула мимо развалившейся теплицы, мимо теннисного корта, обошла Ситизен, прошла во двор и направилась по узкой гравийной дорожке к единственному дому на моей улице — дому Саншайн. Мне нужно было срочно рассказать кому-то о мальчике с походкой от бедра, обитавшем у меня на заднем дворе.

У Саншайн Блэк были шелковистые каштановые волосы до талии и ямочки над коленями и локтями. Она сидела на крыльце своего дома, попивая холодный чай, и смотрела в пространство: одна нога согнута, а другая покачивается. Мы были одного возраста, и хоть нас язык не поворачивался назвать настоящими подругами, других девчонок по-соседству не жило. По-моему, это равносильно дружбе.

Девушка наблюдала, как я поднимаюсь по кривым деревянным ступенькам (отец Саншайн построил дом сам), а затем подвинула ноги, чтобы я могла сесть рядом.

— Привет, Вайолет. Что нового?

— Много чего, на самом деле.

Ворона в деревьях над нами каркнула, и я вдохнула насыщенный сосновый запах, ярко чувствующийся у дома Саншайн. Её небольшой коттедж располагался дальше от океана, буквально в лесу. По одной стороне крыльца росли томатные лозы, тоже слабо отдавая землистым ароматом. Я сделала ещё один глубокий вдох.

— Да ладно? А где Люк? Чем он сегодня занимается?

— Пристаёт к Мэдди. Он знает, как мне не нравится, что он целуется с ней. А она слишком глупа, чтобы отказать ему. Это манипуляция. Он любит манипулировать. Как-то я сказала, что она выглядит такой милой и невинной, как сказочная принцесса, так ему сразу же понадобилось её испортить! Но довольно о Люке. У меня новости.

Саншайн приподняла бровь, тем самым выдав своё любопытство.

— Один парень снял у меня гостевой дом. Он уже въехал.

Её глаза слегка округлились. У девушки были сонные карие глаза, которые придавали ей соблазнительный вид, очень в стиле Мерлин Монро, и, наверное, вызывали у парней фантазии насчёт того, как она будет выглядеть после поцелуя. Мои глаза были большими, а взгляд, если верить Люку, пристальным и всезнающим. Что, другими словами, означало, что я обладала пронзительным взглядом. Одно и то же, но звучит гораздо лучше.

— Он старый? Извращенец? Серийный убийца? Он собирается изнасиловать тебя посреди ночи? Знаешь, я тебя предупреждала — не заводи арендатора. Не понимаю, почему ты просто не устроишься на работу, если нужны деньги.

Я забрала у неё из руки стакан с холодным чаем и сделала глоток.

— Я не могу устроиться на работу. Если ты унаследовал огромное состояние, то обязан потратить его до последнего цента, а затем упиться до смерти в сточной канаве. Работать запрещено. В общем, парень не старый. И не серийный убийца. Он молодой, нашего возраста. Родители тоже его бросили, после чего он переехал в Эхо. Предполагалось, что он будет жить с дядей, но ему не захотелось. Так что, теперь он ночует на моём заднем дворе.

Саншайн обняла рукой своё колено молочного цвета.

— Ну, наше лето официально стало интересней! Как он выглядит?

— Он... хорош. Одевается дорого и старомодно. У него красивая улыбка. Немного кривоватая.

Девушка улыбнулась.

— Как его зовут?

— Ривер Уэст.

— Серьёзно? Похоже на выдуманное имя.

— Сказала Саншайн Блэк, — я наклонила стакан, чтобы допить чай. — Может, он его и выдумал. Я не просила показать удостоверение.

Саншайн покачала головой.

— Очень глупо с твоей стороны. Вайолет, ты такая наивная! Слушай, нам нужно достать его водительские права и проверить. Предоставь это мне. У Люка ещё осталось то вино из черёмухи, которое он делал прошлой осенью?

Я пожала плечами.

— Думаю, да. Кажется, где-то в подвале лежат две бутылки.

— Отлично. Тогда мы все напьёмся, и я позволю незнакомцу с твоего заднего двора поцеловать меня, куда он захочет. А потом украду его бумажник.

— Или я могу просто попросить его показать удостоверение.

Мне не нравилась мысль о целующихся Саншайн и Ривере. Или занимающихся чем-то ещё. Вообще. Представляю себе лето с этими двумя потеющими и стонущими в моём гостевом доме! Это наполнило меня холодным ужасом. Кроме того, Ривер был моим. И под «моим» я подразумевала, что увидела его первой. И под «увидела его первой» я подразумевала, что он не походил на парня, который будет напиваться домашним вином и пытаться поцеловать Саншайн.

Она рассмеялась.

— И что же в этом весёлого? Вайолет, ты хмуришься.

— Вовсе нет, — возразила я, хотя точно знала, что это так.

Я услышала хруст гравия и подняла взгляд.

Люк. Он шёл по тёмной подъездной дорожке, по бокам которой росли деревья. Его джинсы низко сидели на узких бёдрах, а слишком тесная футболка облегла его дурацкие мышцы на дурацкой груди, как, уверена, и любила бедняжка Мэдди. И Саншайн тоже.

Люк унаследовал карий цвет глаз нашей мамы. Но в остальном он походил на отца: выгоревшие светлые волосы, широкий лоб и квадратная челюсть.

Над нами снова каркнула ворона, после чего подул сильный морской бриз, раскачивая деревья, из-за чего сверху посыпались зелёные сосновые иголки. Этот звук всегда вызывал у меня мурашки по телу, но приятные. По книге, именно этот звук услышала гувернантка, лишённая родителей, прежде чем больная женщина подожгла балдахин над кроватью.

— Привет, Саншайн. Привет, сестра.

Люк усмехнулся и откинул назад волосы, пытаясь придать себе дерзкий и безрассудный вид. По-моему, выглядело это довольно глупо. Но Саншайн явно не разделяла моего мнения. Она прикрыла веки и откинулась на локти, перекинув свои длинные волосы на одно плечо, чтобы они, как она считала, сексуально лежали на её груди.

— И тебе привет, Люк. Как Мэдди? — Саншайн придвинулась ко мне, чтобы он мог сесть по другую сторону от неё.

— Мэдди пахнет кофе. Но это хорошо, потому что я люблю кофе. Вайолет, почему бы тебе не пойти домой и не заварить мне чашечку?

— Заткнись, Люк. Это *ты* должен делать мне кофе. Я только что заработала нам достаточно денег, чтобы купить еду. И оплатить телефонные счета, — эффектная пауза. — Кое-кто среагировал на мое объявление, и вот, у нас есть арендатор для гостевого дома.

— Ты шутишь! Эта глупая идея действительно сработала? — Люк поднял руку, а затем опустил её на бедро Саншайн.

Та улыбнулась.

Я потянулась и шлёпнула брата по руке.

Если бы Саншайн была мальчиком, они бы с моим братом стали лучшими друзьями. Но Люк никогда не станет дружить с девчонкой, даже если она так похожа на него. Например, они сообща запирали меня в шкафе с brutальными мальчиками из школы и поджигали мои книги. Саншайн и Люк стали командой с того момента, как мы переехали. До этого она жила в Техасе, Орегоне и Монтане, где, судя по всему, нуждались в её родителях-библиотекарях. Пять лет назад, прямо перед смертью Фредди, мои родители настолько обанкротились, что им пришлось продать шесть лесистых акров нашей земли. Папа Саншайн вырос в этой местности, потому купил её, построил небольшой коттедж, переехал обратно в Эхо со своей семьей и начал управлять маленькой городской библиотекой вместе с женой.

Саншайн прижалась к Люку, и он снова положил руку ей на бедро, чуть выше, чем ранее.

— Перестаньте! Я, между прочим, тоже тут сижу.

Люк рассмеялся.

— Какая разница? Я хочу услышать про эту таинственную личность в нашем коттедже. Девушка? Парень? Тебе уже заплатили? Где деньги?

— Да, он заплатил. И нет, я тебя и близко к деньгам не подпущу. Сегодня днём я пойду за продуктами.

— Его зовут Ривер Уэст, — вставила Саншайн. — И Вайолет решила, что влюбится в него до безумия, в стиле шляпника.

— Ложь и клевета, — парировала я, глядя на неё своим пронзительно-всезнающим взглядом. — Дальше отдалиться от правды ты и не могла.

Но Саншайн попала в точку, и мы обе это знали.

Мы втроём вернулись в Ситизен Кейн, скользя по заросшей тропинке, петляющей вокруг дома, и пытаюсь не дать веткам поцарапать наши руки и ноги.

Саншайн решила, что нам стоит пойти за продуктами всем вместе, и что следует пригласить Ривера. Поэтому я подошла к двери в гостевой дом и постучала. Услышав в ответ приглашение, мы вошли внутрь и обнаружили его на кухне. Руки парня были погружены в мыльную воду.

— Подумал, что стоит немного прибраться. Посуда была пыльной, — он посмотрел на моего брата. — Ты Люк? — Ривер достал руки из воды, потянулся к ящичку и схватил белое полотенце с вышитой улыбающейся овечкой.

Я смотрела, как он вытирает руки, и мне пришло в голову, что полотенцу, которое он использовал, наверное, уже тысяча лет, как и всему остальному гостевому дому, а пальцы, вышивавшие красную улыбку этой овечки, превратились ни во что иное, как в кости в земле.

«Мёртвые повсюду, — говорила Фредди. — Потому не бойся их, Вайолет. Если ты не боишься мёртвых, значит, ты не боишься смерти. А если ты не боишься смерти, тогда единственное ненастье, которого тебе стоит бояться, это Дьявол. И так и должно быть».

Я скучала по родителям. Скучала по виду маминых пальцев, покрытых пятнами от краски, и по её мечтательным зеленовато-карим глазам, которые вовсе не такие, как мои, потому что мои были, как я уже сказала, голубыми, от чего взгляд казался пристальным. Скучала по тому, как сильно обнажались её зубы, когда она смеялась, и как её нос казался немного крупнее, если смотреть в профиль.

И, конечно, я скучала по папе. Скучала по наблюдениям из тёмного служебного входа за тем, как он носит холст по заднему дворику, пытаюсь найти место с лучшим освещением. Скучала по тому, как он вздыхал каждый раз, когда смотрел на разрушающуюся теплицу, после чего качал головой и возвращался к картине. Он был гораздо старше мамы и его каштановые волосы давно поредели. Да, я скучала по их медному оттенку при солнечном свете. И скучала по тому, как он пил херес после ужина в библиотеке, а затем храпел так громко, что слышно было даже наверху. Я скучала по морщинкам вокруг его глаз, по широкому лбу.

Но это не шло ни в какое сравнение с той болью, которую я чувствовала внутри, из-за моей чёртовой Фредди, которая всегда была рядом, особенно если отсутствовали родители. Всегда рядом, пока не умерла, вот так-то. Я скучала по её светлым выющимся волосам, собранным в пучок, — неизменная причёска ещё с 30-х годов. Скучала по шерстяным беретам, которые она носила даже тогда, когда на улице было тепло. Её одежда иногда пахла лимонами. А иногда — дорогими французскими духами! Я скучала по мягкой коже её лица, персиково-бледной и чистой, без морщинок. Некоторые женщины были такими: их лица оставались молодыми, а глаза ясными, неважно, сколько им было лет. Я хотела выглядеть как Фредди, достигнув пятидесяти.

Люк заёрзал. Я выбросила грустные и тоскливые мысли о Фредди из головы и встретила взглядом с Ривером.

— Да, это мой брат и наша соседка Саншайн. Она живёт в коттедже дальше по улице.

Ривер пожал руку Люка. Я заметила, что брат был на несколько дюймов выше парня, что удивило меня, поскольку мне Ривер казался очень высоким. Или нет? Нет, когда мы

встретились, я посчитала его не особо высоким. Стандартным. За последний час Ривер возвысился в моих глазах.

Саншайн рассматривала его, а затем оглянулась на меня через плечо и облизнула губы. Я проигнорировала её и посмотрела на Люка. Мой брат одинаково относился ко всем девушкам, но когда он встречал парня, то делал одно из двух: либо начинал говорить свысока, используя специальный снисходительно-ненавистный тон; либо преклонялся со всем скрытым пылом осиротевшего мальчика, а на это он был способен.

— Ривер. Рад, что ты нашёл объявление Вайолет, — Люк сделал паузу, почесав локоть с деланным беспечным видом. — Круто, что ты будешь жить с нами. А то у нас недостаток парней. Обычно мне приходится проводить лето с этими двумя. — Он кивнул подбородком на Саншайн и меня. — Мне давно нужен был кто-то, кто может пить виски без нытья. И не помешает корректировщик при занятиях тяжёлой атлетикой. Мои штанги лежат в одной из комнат на третьем этаже Ситизена. Ты качаешься?

Значит, поклонение.

Ривер улыбнулся Люку, но не ответил.

— Мы собираемся в продуктовый. Хочешь присоединиться? — Саншайн обошла Люка и взмахнула волосами; появилось впечатление, будто она мгновенно заполнила собой всю кухню.

— Да, — ответил Ривер. — Я как раз включил холодильник. Мне нужна еда. Следовательно, я пойду с вами в продуктовый, — он посмотрел на меня и подмигнул.

Я уставилась на парня, а затем рассмеялась, и он одарил меня своей кривоватой улыбкой. Мои щёки снова зарделись, потому я выскользнула из домика и пошла обратно в Ситизен, чтобы взять несколько сумок для продуктов. Затем мы четверо направились к яблоням. Цветы белой яблони раздувало на морском бризе, и когда мы проходили под ними, несколько лепестков упало на плечи Ривера. Он не смахнул их, и мне это пришлось по душе. Вместе мы дошли до земляной тропинки и отправились в Эхо.

Люк продолжал задавать Риверу вопросы о том, откуда тот приехал, чем ему нравится заниматься, но парню каким-то образом удавалось избегать прямых ответов, что казалось естественным, но на деле было довольно умно, если действительно обращать внимание. Что я и делала.

Саншайн шла рядом со мной, размахивая своими длинными волосами и виляя круглой попой и бёдрами, создавая при этом причудливые изгибы. Довольная как слон, что теперь у неё было два симпатичных мальчика, с которыми можно было пофлиртовать. Я вдыхала запах земли, листвы и леса, и тоже была в хорошем настроении.

Когда мы прошли примерно полмили, то напоролись на старый железнодорожный туннель, скрывающийся за зеленью деревьев. Поезда тут не проезжали уже много лет. Рельсы давно исчезли, но туннель остался, чёрный, как смоль, растянувшись на целую милю под холмом, где, как мне казалось, он заканчивался обвалом. Мне удавалось сделать где-то двадцать или тридцать шагов внутрь, но у меня никогда не хватало смелости пройти весь путь и узнать, что кроется в темноте, в самом конце.

Меня всегда удивляло, что взрослые, любящие убивать на корню всё веселье, никогда не пытались заколотить проход. Может, туннель проходил слишком далеко от города для любой группки глупых подростков, чтобы заблудиться в нём и умереть. Или сломать ногу. Или покурить травки. Или избить какого-нибудь бедного отличника и поджечь город с моральной уверенностью и антитуннельной евангелизацией. Или, возможно, недостаток

интереса к туннелю был оправдан Блу Хоффманом. И слухами. Мы остановились перед туннелем и уставились на него, как четыре всадника, глядящих сверху вниз на поверженного врага.

— Знаете, — начал Люк, — никто даже не представляет, как далеко он проходит. Предлагаю забыть о продуктивном и проверить это самим. Что думаешь, Ривер? Может, послать девочек за едой, пока мы будем исследовать?

Саншайн застонала.

— Точно. Я девчонка, поэтому слишком боюсь идти в туннель. Пошёл ты, Люк!

— Говорят, там живёт лунатик, — сказала я Риверу, уперев руки в бока и слегка покачивая ими, чтобы жёлтая юбка Фредди привлекательно облегала мои ноги. Затем поняла, что такое поведение больше подходит Саншайн, и перестала.

— Продолжай, — сказал Ривер. Он улыбался, и в его карих глазах читалось веселье и спокойствие, а также некое стремление.

— Эта история передаётся из поколения в поколение ещё с нашего детства, а может, и раньше, — продолжила я. — Жил один мужчина по имени Блу Хоффман, он отправился на войну, где убивал людей. Это свело его с ума. Потом он вернулся домой. После этого начали исчезать дети. К тому времени как копы начали искать Блу, он тоже исчез. Детей так и не нашли. Говорят, Блу живёт глубоко в туннеле и держит их в качестве рабов — они никогда не видят солнца и бегают, как мыши в темноте, практически ослепшие, питаются сырым крысиным мясом, и стали злыми, как сам Дьявол.

Люк покачал головой.

— Не могу поверить, что ты это помнишь, Вайолет. Я перестал верить в эту историю ещё в детском саду.

Я пожала плечами, отказываясь соглашаться, что это глупость.

— Это личная сказка нашего городка. Дело не в том, веришь ты или нет. Просто нужно продолжать распространять историю.

Несмотря на то, что Люк якобы не верил в эту легенду, я знала, что туннель пугал его. Внутри было так темно, что фонарик едва освещал тьму. И мысль о каком-то бедном пропавшем ребёнке с липкой бледной кожей и ослепшими молочными глазами, следящими за тем, как ты спотыкаешься по пути, ребёнке, который ожидает нужного момента, чтобы провести влажными пальцами по твоему лицу, прежде чем впиться двумя острыми зубками в твою шею... Ну, этого было достаточно, чтобы держать всех, даже моего брата, подальше от туннеля.

Мы с Саншайн и Люком провели вместе пять лет, считая этот год, и мы проходили мимо туннеля сотни раз по дороге в город, но ни разу никто из нас не прошёл больше пары дюжин шагов. Даже в прошлом году, когда Саншайн взяла меня на слабо, чтобы я прошла до конца, а затем угрожала начать целоваться с Люком прямо при мне, если я дам слабину. Далее последовал долгий и громкий поцелуй, и *всё равно* я не пошла, хоть и шурилась на них. Дело в том, что они оба знали, что я была нецелованной, как монахиня, и решили, что я хочу, чтобы так всё и оставалось. Их поцелуй привёл к тому, что наша компания «один за всех и все за одного» превратилась внезапно в «двое против одной».

Но, в любом случае, теперь с нами был Ривер, и Люку хотелось его поразить, так что туннель нам встретился очень кстати.

Ривер вытянул руку и обвинил её вокруг талии Саншайн.

— Как насчёт того, чтобы мы с Саншайн заглянули внутрь, пока вы, близнецы, постоите

на стрёме? Что скажешь, Саншайн? Поищем этого поедающего крыс лунатика?

Та улыбнулась, что, похоже, взбесило Люка. Я тоже не была довольна ситуацией. Ривер повёл девушку в туннель. Они сделали один шаг внутрь, затем второй, а после исчезли в проклятой тьме.

Люк начал мерить шагами землю, его светлая кожа приобретала красный оттенок от жары, а каштановые волосы пламенели под солнцем, совсем как у папы. Наконец, он просто лёг на землю и посмотрел в небо. Я тоже плюхнулась на траву на дорожке, неподалёку от туннеля. Затем сняла свои шлёпанцы и задумалась, какого чёрта Ривер повёл Саншайн туда. Одну.

Люк повернулся и уставился на меня своими злыми глазами каштанового цвета. На мою одежду.

— Вижу, ты надела юбку Фредди. Зачем? Это странно, сестрёнка. Это чертовски странно. Этой юбке лет сто. Придаёт тебе сумасшедший вид.

Я расправила жёлтую юбку, мои пальцы пробежались по мягким складкам, и не ответила ему. Я начала носить вещи Фредди чуть ранее этим годом, лишь некоторые старые юбки и платья времён бабушкиной молодости. Достаточно выросла, чтобы они мне подходили. Это не было *так* уж странно. Кроме того, сейчас было лето, а это сезон, когда моя тоска по Фредди обострялась и углублялась. И если я хотела носить её старые платья, значит, так тому и быть.

«Почему мой брат такой, Фредди? Почему он не может хоть иногда быть милым со мной?».

«Может, он милый, — хриплый голос Фредди заполнил мой разум. — Может, ты просто чертовски занята мыслями о том, как он тебе не нравится, чтобы это заметить».

Я посмотрела на Люка.

— Знаешь, в одном из шкафов на втором этаже хранятся дедушкины костюмы. Ты мог бы попробовать носить его жилеты или, может, галстуки, или шляпы. Это, вроде как, мило... носить старую, много пережившую одежду. Кому какая разница, если это делает тебя сумасшедшим? Все и так такого про нас мнения, потому что мама и папа уехали, а наш дом такой большой, и у нас богатые и прославленные предки...

Люк смотрел на меня секунду, а затем покачал головой.

— Неудивительно, что у тебя нет друзей, Ви. Ты действительно думала, что я буду ходить с тобой по городу в нарядах наших мёртвых «прославленных предков»?

Я вздохнула.

Прошло ещё несколько минут. Я начала задаваться вопросом, целовал ли Ривер Саншайн в тёмном туннеле, и пыталась ли она украсть его бумажник. Почувствовала лёгкую грусть. А затем услышала крик.

Я резко повернула голову к туннелю. В нём стояла Саншайн, на краю между тенью и солнцем, голова была откинута назад. Она кричала. Она кричала и кричала, пока я бежала к ней. Когда я добежала, девушка уже упала наземь, её юбка задралась до талии, открывая вид на чёрное нижнее бельё, выделяющееся на фоне её бледной кожи. Я тут же оказалась рядом. Мне стоило присесть к ней, опустить юбку на место, попытаться привести её в себя. Но нет. Я боялась, что если прикоснусь к ней, то тоже потеряю сознание, и моя собственная юбка поднимется до ушей, когда я упаду на землю.

Ривер вышел на свет. Он и Люк упали на колени рядом с Саншайн и начали ей что-то нашептывать, пытаясь привести девушку в чувства. Но я ничего не делала, совершенно.

Наконец, Ривер скользнул под неё руками и поднял к своей груди. Он отнёс её от туннеля к траве. Я пошла за ним, мои руки вяло висели по бокам. Ривер положил Саншайн, и она открыла глаза.

— Я видела его, Вайолет, — сказала она, глядя прямо на меня, в сонных карих глазах плескался страх. — Я видела Блу.

После случившегося мы не пошли в продуктовый, а поспешили разойтись по домам. Люк думал, что нам стоит вызвать копов, но я сказала ему оставить всё как есть, пока я не поговорю с Саншайн. Люк никогда меня не слушался, но в этот раз он закрыл свой рот и сделал так, как я сказала.

Саншайн была в ужасном состоянии, и я не решилась оставить её одну. Уложила её на диван и принесла холодный чай, но она ещё долгое время отказывалась со мной говорить. Сидя рядом, я молча наблюдала за движением по полу солнечного лучика и ждала.

Дом подруги был небольшим, особенно в сравнении с моим. Ситизен так и кишел лабиринтами поворотов, забытыми кладовыми и чердаками внутри чердаков. Но коттедж Саншайн был уютным, простым и беспорядочным, каждый уголок был обжитым и заставленным книгами. Мне это нравилось.

Двумя стаканами чая позже Саншайн наконец взглянула на меня.

— Он там, Вайолет.

— Блу? — уточнила я.

— Да, — она выдержала паузу. — Забавно, мы с Ривером не так уж далеко зашли в туннель, прежде чем увидеть его. У Ривера был фонарь — такой старый, многоразовый, золотого цвета... знаешь, о чём я?

Я кивнула. Те, которые походили на выпавшие из кармана Джека Керуака. У нас была парочка таких в Ситизене.

Девушка вытерла запотевшую часть стакана и приложила его ко лбу. Она была бледной, как труп.

— Ривер поднял выше старый фонарь, чтобы мы могли лучше видеть, но было всё равно слишком темно. Очень-очень темно. Всё, что я слышала, это эхо наших шагов. Воздух становился прохладнее и сырее, и я думала, что Ривер остановится и поцелует меня. Я хохотала и откидывала волосы, а он держал меня за руку. В конце концов, он остановился и потянул меня за локоть, чтобы развернуть. Я облизала губы, потому что была уверена, что знаю, что последует дальше.

Саншайн вздрогнула. Она сидела под прямыми лучами солнца, было тепло, почти жарко, но она вздрогнула.

— Кажется, меня сейчас стошнит.

Я окунула руку в чай и схватила кубик льда. Затем села рядом с ней и приложила его к её голове.

— Вот, Саншайн. Ты в порядке. Скажи, что ты увидела, когда Ривер повернул тебя.

Она моргнула. Растаявший лёд потёк по её виску и оставил влажные пятна на диване.

— Я повернулась и увидела мужчину, согнутого у земли. Я видела его так же чётко, как сейчас тебя. Его глаза были огромными и молочно-голубыми. Он улыбнулся мне своими мелкими острыми зубками, и они, каким-то образом, казались меховыми, будто он ел мех, — Саншайн говорила все быстрее и быстрее. Она села и подняла колени к подбородку. — В этот момент я закричала. Вернее, я уже кричала, когда увидела его. Вайолет, там был маленький мальчик, а может, и девочка, лежащая у ног Блу. У неё была жутко бледная кожа. И длинные, угловатые уши. И те же меховые зубы. Каждый раз я задумываюсь о нём, об этом бледном ребёнке с меховыми зубками. Я...

Девушка прижала ко рту ладонь, после чего вспрыгнула и побежала в ванную. А я позвонила в библиотеку и попросила её родителей приехать домой.

* * *

Кассандра и Сэм полностью отличались от своей дочери. Они были тощими, как долговязые подростки, а не взрослые люди, которые много занимались спортом или голодали. Касси убирала волосы в пучок, как преподавательница по балету, носила толстые круглые очки, как у Олдоса Хаксли, и любила серые вещи с белыми шарфами. Вокруг её рта были едва заметные морщинки, а на руках выступали голубые вены. Отец Саншайн, Сэм, отрастил бороду и предпочитал носить плисовые костюмы. Единственным его сходством с дочерью были такие же сонные глаза.

Касси и Сэм закрыли библиотеку пораньше и направились прямиком домой. Пока Саншайн была в ванной, я рассказала им о туннеле, Блу и их дочери. Один раз заглянула к ней, чтобы проверить её самочувствие, но она всё ещё лежала, прижавшись щекой к холодному плиточному полу, а её волосы были разбросаны вокруг, как мягкая коричневая шаль. Она сказала, что если встанет, то её снова вырвет, потому я оставила её в покое.

После того, как я поведала родителям о случившемся с Саншайн, Касси начала заваривать чай, а Сэм с мгновение смотрел в пространство с недоумённым и немного потерянным видом. Этот взгляд ему шёл.

— Вайолет, ты же знаешь, что эта история — выдумка, — сказал он наконец. — Блу был просто грустным, запутавшимся мужчиной, а дети, которых он предположительно похитил, вернулись в город через неделю. Оказалось, они прочитали «Тома Сойера» в школе и он их вдохновил, — Сэм потёр переносицу. Он не носил очков, но у меня появилось впечатление, что он бы от них не отказался. — Они сбежали в лес и питались ягодами и бутербродами с арахисовым маслом. Через восемь дней они вернулись, голодные и грязные, и удивились всему сыр-бору. Блу действительно исчез, но в психиатрической больнице на севере. Это произошло тридцать лет назад, когда я был подростком. Не могу поверить, что эта история всё ещё популярна среди молодежи.

Я кивнула, а затем покачала головой.

— Но Саншайн не врёт. Она *видела* что-то. И не переставала кричать. Это было... это было ужасно.

— А мальчик что-нибудь видел? — Касси вернулась и вручила мне бутерброд с огурцами. Тот был тонко нарезан, без шкурки. Женщина росла в Англии и думала, что бутерброды с огурцами и чаем решали все проблемы. В этом была доля правды.

— Да, — добавил Сэм. Его худое лицо казалось ещё худее, когда он приподнимал брови. — Этот новый паренек, который живёт у тебя в коттедже. Видел ли он мужчину в туннеле?

Я открыла рот, а затем закрыла. У меня совсем вылетело из головы спросить его об этом. Переполошившись из-за потери сознания Саншайн, я совершенно забыла спросить Ривера, видел ли он Блу. Я смотрела на маленький треугольный сэндвич с огурцами, зажатый между моими пальцами. Кошмар туннеля уже проходил, так быстро, как все кошмары, и история Саншайн звучала всё более бредовой.

— Не знаю, — сказала я. — Пойду, спрошу его.

В этот момент дверь в ванную открылась и на кухне появилась Саншайн, бледная, с испариной и спутанными волосами. Её карие глаза не казались сонными и скучающими, как обычно. Скорее раздражёнными. Злыми. Две эмоции, которые я никогда не замечала за Саншайн. Она была не из тех девушек, которые становились... слишком страстными. Не в этом плане.

Сэм подошёл к дочери и обнял её.

— Я всегда говорил, что ты обладаешь блестящим воображением, Саншайн. Я знал, что рано или поздно оно выйдет наружу, хотя получилось довольно забавно, — Сэм тихо хихикнул. — Вайолет рассказала легенду о Блу, после чего ты пошла с друзьями в туннель, и увидела его там. Но, девочка моя, эта история — выдумка. Ты же это знаешь, правда?

Саншайн ничего не ответила.

— Всё нормально, Санни, — Касси приобняла дочь за талию своей худощавой рукой и улыбнулась. В отличие от её тела, губы Кассандры были полными и слегка надутыми, как у маленького ребёнка. Как у Саншайн.

— Нас всех иногда обманывает зрение. Когда я была в твоём возрасте, мне так нравился «Грозовой перевал», что я убедила себя в существовании Хитклифа. Тогда я ещё жила в Кембридже. Я села на автобус в Йоркшир и отправилась на его поиски. Прошла миль с двадцать через болота, следуя за тем, что считала тенью Хитклифа, простирающейся через вереск, зовущей меня за собой. В итоге я оказалась в пабе, многими часами позже, усталая, замёрзшая и опозоренная.

Саншайн поймала мой взгляд через мамино плечо. Она всё ещё злилась. И очень сильно. И это меня смущало.

— Я поговорю с Ривером, — сказала я и беззвучно выскользнула из дома.

Я постучала в дверь гостевого дома. Люк нахмурился при виде меня, но отступил, пропуская внутрь. Стоило мне переступить порог, как в нос ударил запах кофе. Он пах карамелью, шоколадом и чернозёмами, а также напоминал о раннем утре. Огромная кофеварка «Мока» остывала на плите. У моих родителей были знакомые художники итальянцы, и эту кофеварку они использовали для эспresso. Она походила на полную даму в серебристом платье, с рукой на боку, и я была немного удивлена, что Ривер знал, как ею пользоваться.

— Я одолжил немного кофе из Ситизена, — сказал он, появляясь в комнате.

Я представила его, рыскающим по моим кухонным ящикам без разрешения в поисках кофе... и обнаружила, что была не против. Даже наоборот.

— Откуда ты знал, где найти «Моку»? — спросила я. — Ты бывал в Италии?

Ривер улыбнулся.

— Я провёл несколько лет в Неаполе, когда был маленьким, живя в маленькой квартирке на забитой улице с тётей.

— Италия? Серьёзно? — я всегда хотела побывать в Италии. — Скажи что-нибудь на итальянском.

— *Ио нон парло итальяно*, — он подмигнул мне. — В переводе: я не говорю по-итальянски.

— Да, я догадалась. Но ты лжёшь. Если ты жил там несколько лет, то должен был выучить язык. Скажи что-нибудь ещё.

Но он резко сменил тему:

— Так как дела у Саншайн? Она в порядке?

— Не совсем, — я хотела распросить Ривера про Италию, но он смотрел на меня со своей полуулыбкой и горящими глазами, будто *хотел*, чтобы я задала ещё один вопрос, а он смог бы снова от него увильнуть.

Я с секунду мялась под его взглядом, но, наконец, решилась спросить:

— Ривер, ты видел мужчину в туннеле? Саншайн сказала, что видела Блу и маленького ребёнка. Ты тоже их видел?

Ривер достал три чашки из шкафчика, протёр их полотенцем с овечкой и наполнил молочно-коричневым эспresso. Затем передал две чашки мне с Люком и сделал глоток из своей.

— Нет. Я ничего не видел. Мы были в туннеле, шли в темноте, а затем Саншайн начала кричать. Она выбежала, и я последовал за ней, — он сделал паузу. — Так она думает, что видела Блу? Какое чертовски богатое воображение.

— В том-то и дело, — я сделала глоток кофе. Он был лёгким, горячим и очень вкусным. — У Саншайн нет воображения. Ну, по крайней мере, богатого. Она не верит в привидений, монстров или фей. Она даже не читает. Верит, разве что, в реальные катастрофы, как глобальное потепление или серийных убийц, но не в городские легенды и мужчин с мехом на зубах.

— Мехом на зубах? — спросил Люк. — Какого чёрта?

— Так она сказала. У мужчины, которого она видела, был мех на зубах, будто он съел пушистое животное. Саншайн не могла такое выдумать. Так что я знаю, что она кого-то

видела в туннеле. Мы должны вернуться и проверить всё сами. Если там действительно какой-то безумный парень, мы должны найти его и рассказать кому-нибудь.

Ривер повернулся и налил себе ещё одну чашку. Но перед этим я мельком заметила его улыбку. Она была настолько быстрой, что я почти убедила себя, что не видела её — может, я моргнула и мне это привиделось. Я протянула свою чашку, чтобы он тоже обновил её.

— О, Вайолет, — Люк почесал подбородок, который до сих пор оставался без щетины. Судя по всему, он считал, что это движение придавало ему разумный вид, хотя это было не так. — Ривер уже сказал, что ничего не видел. Мы только зря потратим время. Саншайн просто ведёт себя, как девчонка. Она наслушалась твоих сказок о Блу и устроила истерику.

— Два часа назад ты так не считал, — парировала я. — Два часа назад ты хотел вызвать полицию.

Однако Люк проигнорировал меня. Он опустил чашку, поднял руки к потолку и потянулся. Толстые сухожилия на его руках выглядели опухшими, затёкшими и глупыми. Ривер в сравнении с ним был стройным, его линии — плавными. Футболка Люка была на два размера мала, а штаны — на два размера велики, в то время как одежда Ривера сидела идеально, что сверху, что снизу, будто сшитая специально для него. Что, возможно, правда.

— Ого, у меня так болят мышцы, — сказал Люк, поглаживая грудь, будто желая подтвердить свои слова. — Сегодня утром поднимал тяжести.

— Знаешь что, Люк? Твои мышцы никого не интересуют. И не думай, что я не заметила, как ты сменил тему. Если хочешь отвлечь меня, предлагаю поговорить о чём-то другом, кроме поднятия тяжестей.

Люк ухмыльнулся, обрадовавшись, что вывел меня из себя.

— А Мэдди мои мышцы интересуют. Очень даже. Кстати о ней! Через полчаса её смена заканчивается, и если меня с моими мышцами не будет у кафе, я не доберусь до второй базы. Ривер, рад был знакомству. Хорошо, что ты теперь с нами в Ситизене. Ты пойдёшь сегодня в кино?

— Кино? — спросил Ривер. Он сел на бедро и прислонился к кухонному прилавку. — А что за фильм?

— Летом фильмы крутят на улице в парке, — сказала я, прежде чем Люк успел ответить. — Сегодня, ближе к сумеркам, будут показывать «Касабланку». Обычно я устраиваю пикник. И мы любим приходить пораньше, чтобы занять место поближе к экрану.

— Разве тебе не нужно навестить Саншайн или ещё чем заняться? — Люк сел на бедра и прислонился к прилавку в точности, как Ривер. — Я планировал украсть водку из дома Мэдди и выпить её в кино. Что звучит гораздо лучше, чем дурацкий пикник. Что думаешь, Ривер? Не стоит ли Вайолет остаться дома и дать мужчинам развлечься?

Ривер пробежался рукой по своим тёмным волосам и улыбнулся.

— Вайолет, почему бы нам не присоединиться к Люку на его обратном пути в город и попытаться в этот раз дойти до продуктового? Без остановок у туннеля или ещё где. Тогда мы сможем купить что-нибудь к пикнику. И, Люк, у меня есть бутылка коньяка в багажнике, если хочешь. Я не пью. По крайней мере, не часто. Я хранил его для особого случая, но можешь взять его.

Люк покачал головой. Он злился, что Ривер отказался издеваться надо мной и моей милой идеей о пикнике. И что тот не пил. По мнению Люка, все настоящие мужчины должны пить.

— Не-а, — сказал он. — Обойдусь. Оставь бутылку себе. Я тоже много не пью. Простс

захотелось, потому что они всегда крутят чёрно-белые фильмы, а они чертовски нудные. Если я не выпью, то усну.

— Вообще-то, «Касабланка» один из моих любимых фильмов, — Ривер поймал мой взгляд, и уголки его губ приподнялись. — Видел его сотни раз, будучи трезвым, и никогда не засыпал.

Люк застонал, а я улыбнулась. Чёрт, да я *засияла*! Ривер принял мою сторону против Люка, чего Саншайн никогда не делала.

Находиться рядом с Ривером уже было куда лучше, чем разговаривать и молиться Фредди. Потому что она была мертва. А Ривер — живым, и он заступился за меня перед Люком, и собирался пойти со мной в продуктовый. Внезапно я почувствовала себя счастливой.

* * *

Десятью минутами позже, взяв сумки в руки, мы с Ривером последовали за молчаливым Люком по дороге в город. На этот раз, когда мы дошли до туннеля, то не останавливались. Мальчики прошли мимо, будто он ничего для них не значил, но я вздрогнула так, как вздрагивают, когда кто-то шагает мимо твоей могилы. И я сосредотачивала взгляд на дороге, боясь поднять его и увидеть ухмыляющегося мне мужчину с хлопающей челюстью, полной меховых зубов, которые скрежетали, как у дикой собаки.

В нашем городе было всего одно кафе, но хорошее. Прямо в центре, на углу двух улиц, по контурам которых росли дубы и зелёные газоны. Если стать посередине и повернуться, то можно увидеть библиотеку, пиццерию, кафе, кооператив «Данделион», цветочный магазин, стенд с попкорном, магазин с антикварными часами, хозяйственный магазин и лавочку с редкими книгами, где хозяйничал загадочный Натан Кин, которому по слухам было лет сто. У него были длинные растрёпанные волосы, он открывался и закрывался в странное время и рассказывал всем о своей неразделённой любви.

Эхо обладал всеми белыми углами, которые ожидаются от любого старого американского городка. Он был чистым, миловидным и вневременным, особенно в свете яркого солнца. И хоть большую часть времени я мечтала покинуть этот город, иногда он мне нравился.

Кафе принадлежало той же итальянской семье, которая владела пиццерией. В хорошую погоду можно было сидеть снаружи за круглым чёрным столиком, попивать итальянский кофе и чувствовать себя немного более цивилизованной, а также наблюдать за прекрасным Джанни, пока тот кипятит молоко.

Я пила кофе в этом кафе с двенадцати лет. В лето, когда Фредди умерла, почти каждый день я проводила в библиотеке и кофейном киоске, и часто могла быть замеченной с чашкой эспresso в одной руке и книгой сестёр Бронте в другой.

Периодически мимо проходили взрослые и странно на меня поглядывали. Но моих родителей не заботило, что я пила кофе в столь юном возрасте, даже если бы они заметили, чего, кстати, так и не случилось. Фредди бы мне не разрешила, но родители... мои родители не любили вмешиваться. Это было одним из их лучших качеств. Они не верили в правила. Особенно если они мешали тому, что считалось моим личным делом — например, употребление карамельного напитка с высокой вероятностью задержки роста.

«Они вернутся? — часто спрашивала я. — Фредди, они когда-нибудь вернутся?»

«Да, — приходил ответ. — Да, да, да. Просто держись, Ви.»

Мы заказали у Мэдди латте, несмотря на то, что недавно пили кофе в гостевом доме. Я улыбнулась ей, но она смотрела на Люка. У девушки были круглые щёки, длинные ресницы и блестящие чёрные глаза, и, как я догадывалась, она думала, что была влюблена, или испытывала что-то близкое к тому.

Люк указал на неё и усмехнулся.

— Ты держись подальше от неприятностей?

Она рассмеялась.

— Нет.

— Вот это моя девочка, — и тут Мэдди улыбнулась ему, будто он был солнышком, вышедшим в пасмурный день.

— Ты заслуживаешь лучшего, — сказала я, но недостаточно громко, чтобы она услышала. Фредди сказала мне, что человек сам должен выбирать за себя. Это было не моё дело.

Мы с Ривером взяли наши напитки и вышли наружу; я сделала глоток и стала размышлять, как хорошо пить кофе с человеком, который тебе нравится. А Ривер мне нравился. Я посмотрела на него уголком глаза, стоящего в своих обтягивающих штанах на тротуаре, грациозного и высокого, выглядевшего так, будто город был у его ног. В хорошем смысле. Мне нравилось, как он шурился, прежде чем сделать глоток эспresso, будто не знал, чего ждать.

Так я и пила свой кофе и разглядывала центр Эхо вместе с Ривером, пока тощий мужчина с тонкими седыми волосами не вышел из-за угла и не споткнулся об бордюр. Так он и стоял на газоне, подняв взгляд ввысь, сердито поглядывая на небо, будто само солнце обидело его. Это был Даниэль Лип, одетый в тот же коричневый шерстяной костюм, что и всегда. Он бы пьян. Он всегда был пьян.

Обычно я старалась проявить к нему сочувствие. Но в этот момент он был тёмным пятном на милом виде моего города, потому я возненавидела его, притом внезапно, с быстрой злостью, которую вызывает пролитый напиток на прекрасное платье или утонувшая муха в идеальном, холодном стакане лимонада.

— Даниэль Лип испортил наш вид, — сказала я.

— Кто? — спросил Ривер.

— Даниэль Лип. Он был бы городским чудачком, да вот только у нас уже есть Натан Кин, хозяин книжного магазина с разбитым сердцем. Поэтому Даниэль Лип у нас городской пьяница.

— Люблю городских чудачков, — ответил Ривер, на что я улыбнулась.

Но тут Даниэль заметил меня.

— Вайолет Уайт, — прокричал он на всю улицу. Он не подошёл к нам; просто стоял на траве, качаясь и тыча в меня пальцем, его слова сливались, пока не полились единым потоком, как краска, стекающая с полотна.

— Вайолет Уайт, — повторил он, — ханжа, считающая себя лучше всех остальных, как и все Уайты до неё, и Гленшипы тоже, пока мы не выгнали их из Эхо. Снобы! — гневно сплюнул он. — Всегда были и всегда будут! Живёте в огромном поместье у моря, ничего не знаете, но ведёте себя так, будто знаете всё. Но я бы мог открыть вам пару тайн...

Даниэль Лип делал это годами, каждый раз, когда видел меня или брата, или наших

родителей, потому я уже привыкла. Его монологи всегда касались одних и тех же тем: какие мы снобы, и что он может нам рассказать пару тайн. Однажды я спросила о нём у отца, гадая, была ли между ним и нашей семьёй какая-то вражда. Но отец просто подобрал свою кисточку, пожал плечами и сказал: «Вайолет, кто знает, что мотивирует этих простолюдин», — прежде чем вернуться к своей картине.

Посему слово «сноб» было не таким уж неподходящим.

Я отвернулась от Даниэля, решая просто отойти к кооперативу «Данделион» в конце квартала. Но кто-то схватил меня за руку и остановил. Ривер. Я посмотрела на него, но он смотрел на Даниэля.

Ривер был в ярости. Его глаза превратились в узкие щёлочки, а щёки покраснели, всё его тело напряглось. Хватка на моей руке усилилась.

— Всё нормально, — сказала я и махнула свободной рукой, будто отпугивала муху. — Он всегда так говорит, когда видит одного из нас. Я уже привыкла.

Ривер быстро покачал головой.

— Ты не должна привыкать к тому, что кто-то так о тебе отзывается.

Даниэль Лип перестал показывать на меня. Он качался и качался, пока не упал на землю.

— Слушай, он отключился. Давай просто пойдём в продуктовый, — сказала я Риверу.

Он наконец отвернулся от пьяницы и посмотрел на меня. Парень улыбнулся и расслабился. Как будто по щелчку, весь его гнев испарился.

— Ладно. Веди.

Кооператив «Данделион» продавал местные овощи, миндальное молоко, орехи и специи оптом. Родители Саншайн посадили меня на натуральную пищу. Касси и Сэм ухаживали за садиком позади коттеджа — единственное место, куда попадало достаточно солнца. Они делали мороженое с кокосовым молоком, цветную капусту, обжаренную в оливковом масле, пиццу песто и ещё много чего. Они приглашали нас с Люком на праздники, поскольку наши родители отсутствовали. Даже подарили нам подарки на прошлое Рождество. Мне подарили длинный полосатый шарф ручной вязки, который я носила всю зиму, а Люк получил книгу об итальянских художниках эпохи Возрождения, которую он действительно прочитал. И было весело, хоть и тесно в их маленькой гостиной: мы играли в настольные игры до полуночи и тыкали друг в друга иголками с огромной ёлки. Люк и Саншайн даже на время позабыли о флирте.

Мои родители редко готовили. Или дарили подарки. Думаю, они хотели тратить деньги и креативные порывы на своё искусство, а не на подарки или приготовление блюда, которое через двадцать минут будет съедено двумя отродьями, которые не смогут оценить всей его глубины.

Шопинг в кооперативе «Данделион» заставил меня почувствовать себя, как в Европе. Очень в стиле Одри Хепберн в роли Сабрины в Париже (этот фильм показывали пару недель назад в парке). Ривер выбрал козий сыр и французский багет с хрустящей корочкой для пикника, а также оливки, банку жареного красного перца, плитку чёрного шоколада и бутылку газированной воды. Он купил и кое-что для себя: органическое жирное молоко, ещё один хрустящий багет, кофейные зёрна для эспresso (которые жарились семьёй Джанни и продавались по всему городу), бананы, пармезан, яйца, оливковое масло и специи.

Я внимательно наблюдала за Ривером, пока он скупался. Следила за тем, как он вдыхал великолепный запах жареных зёрен, прежде чем положить их в корзину. Как он открывал

картонную коробку с яйцами и поглаживал скорлупу, прежде чем снова закрыть её. Наблюдала, как он скользнул своими тонкими пальцами в бочонок с яркой пурпурно-белой фасолью, не в силах противостоять искушению, прямо как я. Мне всегда нужно было погрузиться пальцами в эту симпатичную, пятнистую фасоль. Всегда.

Никогда не подумаешь, как много можно узнать о человеке, наблюдая, как тот покупает еду. На самом деле, очень многое. Люк скупался дико, бросая покупки в корзину, будто ненавидел их. Саншайн скупалась медленно и безрассудно, переходя от одного ряда к другому. Она смотрела на сыр в течение двадцати минут, зато брала первую попавшуюся пачку макарон на пути к кассе. Никто из них никогда не нюхал кофе и не поглаживал яйца или окунал руку в фасоль. Ни разу.

— Где ты научился выбирать еду? — спросила я. — Ты хорошо справляешься. Не слишком медленный, не слишком быстрый.

— Я учился в кулинарной школе, — ответил он.

— Нет, не учился. Ты всё ещё учишься в средней школе.

— Разве? — спросил Ривер и одарил меня своей хитрой кривоватой улыбкой.

— Да, учишься, — сказала я. А затем слегка нахмурилась. — А разве нет?

Ривер просто покачал головой и рассмеялся.

Когда мы вернулись в Ситизен, он помог мне разложить продукты по местам. В нашей кухне уже много лет не делался ремонт, но все приборы ещё были пригодны. Это была большая яркая комната с шафрановыми стенками, высокими потолками и длинным дубовым столом посередине. По обеим сторонам были два окна, и у дальней стены стоял старый жёлтый диван, гревшийся под лучами дневного солнца. На окнах были клетчатые занавески, а пол покрывала тёмно-жёлтая плитка.

Иногда я засыпала на этом диване. Пребывание тут в ночное время напоминало мне о том, как я делала голландские рождественские печеньки с Фредди — запах жареной корицы укрывал меня, как одеяло, а сахарные крошки таяли на языке, как снежинки.

Ривер наклонился и стал осматривать шкафчики. Его кофта приподнялась сзади, и я уставилась на загорелую кожу, проглядывающую над его штанами.

Внезапно мне захотелось поцеловать его в поясницу. Честно говоря, мне никогда раньше не хотелось поцеловать мальчика. Ни парней, с которыми Люк и Саншайн закрывали меня в шкафу, ни любого другого безрассудного, испорченного, не-байроничного парня в нашем городе.

Но Ривер был... Ривер был...

— Вайолет?

Я моргнула и подняла глаза вверх, чтобы встретиться с ним взглядом. Он оглядывался через плечо, наблюдая, как я наблюдаю за ним.

— Да?

— У тебя есть сковородка? Только не тефлоновая, ненавижу такую. Чугунная? Или из нержавеющей стали?

Я нашла Риверу старую чугунную сковородку в ящичке у раковины. Поставив её на плиту, я на секунду представила молодую Фредди в жемчужном ожерелье и шляпке, сползшей немного в сторону, стоящей за этой самой сковородкой и готовящей омлет после ночи, проведённой за сумасшедшими танцами, популярными в её дни.

— Блестяще, — сказал Ривер. Он зажёл газовую плиту и кинул масло на сковородку. Затем нарезал багет, обмазал его чесноком и проделал дырку в каждом кусочке. Положив

хлеб на масло, парень разбил яйца и залил ими дырочки. Желтки были ярко-оранжевого цвета, что, ели верить папе Саншайн, означало, что курочки были счастливы как никогда, когда высиживали их.

— Яйца в рамке, — улыбнулся мне Ривер.

Когда они приготовились, но всё ещё были жидкими, он положил их на две тарелки, нарезал маленькими кубиками помидор и посыпал ими хлеб. Помидоры росли в паре миль от Эхо, в какой-нибудь милой теплице: они были греховно-красными и спелыми, как полуденное солнце. Ривер посыпал их морской солью, слегка полил оливковым маслом и передал мне тарелку.

Я облизала губы. Но не так, как делала это Саншайн. В моём движении не было сексуального подтекста. Я оставила вилку на столе, взяла поджаренный хлеб руками, пожевала, проглотила и засмеялась.

— Ривер, это так вкусно! Очень-очень вкусно. Где, чёрт возьми, ты научился готовить? — масло и томатный сок стекали по моему подбородку, но мне было плевать.

— Честно? Моя мама работала поваром, — Ривер снова одарил меня своей кривоватой ухмылкой, хитрой, хитрой, хитрой. — Это брускетта, но с жареными яйцами. Американский вариант итальянского блюда.

Я откусила ещё кусочек. Мой рот просто пел от улады. Я проглотила и собиралась снова впитаться в пищу, когда кое-что вспомнила. Строго посмотрела на Ривера.

— Мне казалось, ты говорил, что твоя мама археолог.

Губы парня блестели от масла, а глаза смеялись с меня.

— Разве?

— Да.

Он пожал плечами.

— Значит, я соврал. Вопрос в том, когда именно?

Я улыбнулась и рассмеялась. Ривер загонял тебя в угол и кривовато улыбался, пока ты не чувствовал себя слишком глупо, чтоб продолжать допрос. А затем он делал вид, будто это ничего не значило, и эта мысль передавалась и тебе.

Я внезапно поняла, снова кусая брускетту с жареными яйцами, что знала Ривера всего день. *День*. Ещё утром я понятия не имела о его существовании, сидя на ступеньках у крыльца и читая Готорна «Мхи старой усадьбы». Теперь я покупала с ним продукты, и мне нравилось, что он делал это, как я. А также ела ужин и облизывала губы, и всё казалось гладким, счастливым, уникально замечательным.

Но правда заключалась в том, что я ничего, *ничего* не знала об этом парне. Я гадала, что бы сказала Фредди о так быстро появившемся чувстве близости с незнакомцем...

— А теперь дай мне *утебя* кое-что спросить, — сказал Ривер, ловя мой взгляд и нарушая поток мыслей. Он взъерошил волосы в свете солнца, и я увидела светлую прядь среди тёмно-коричневых. Волосы улеглись, но на голове оставался беспорядок, что ему очень шло. — Как долго твой брат так себя ведёт?

Я приподняла брови.

— Как так?

— Я про его сексизм, ненадёжность, любовь к выпивке. Это из-за отсутствия вашего отца?

Я положила брускетту на белую фарфоровую тарелку.

— Да. И нет. Люк всегда был немного... агрессивным. В нём кроется больше, чем

кажется, просто он никому не открывается. Ему нужно кому-то довериться. По крайней мере, так всегда говорила моя бабушка Фредди.

— Звучит разумно, — Ривер не смотрел на меня, когда говорил это, его взгляд был направлен вдаль, а на лице застыло странное выражение. И под «странным» я имею в виду, что он не смеялся и не хитрил, а был почти... серьёзным.

— Она владела многими качествами, — я сделала паузу, удивлённая странным взглядом парня. Он ничего не говорил, потому я продолжила: — Люк стал хуже после отъезда наших родителей. Они часто были в разъездах, пока мы росли, погружённые в своё искусство, но тогда за нами оставалась приглядывать Фредди. С момента её смерти они ещё никогда так надолго не уезжали. Будто бы они забыли, что мы всё ещё фактически дети.

Ривер не ответил. Вместо этого он передал мне стакан газированной воды со льдом. Я сделала щедрый глоток, и вода показалась очень вкусной после солёного масла. Ривер скинул обувь. Он не носил носков, и у него были изящные ноги, особенно как для парня — сильные и загорелые, гладкие и такие красивые, что почти не хотелось называть их ногами. Он зевнул, сел на жёлтый диван в углу и снова зевнул. Затем наклонился и взял меня за руку.

— Послушай, я полночи провёл в дороге. Думаю, мне лучше подремать, прежде чем мы пойдём в кино.

— Знаешь, нам ведь не обязательно идти. Можешь пропустить этот раз, если хочешь, — я сосредоточилась на пальцах Ривера, накрывавших мои собственные. Это был первый раз, когда кто-либо держал меня за руку. Из мальчиков, я имею в виду.

Он покачал головой.

— Нет, я хочу посмотреть. «Касабланка» один из моих любимых фильмов. Я говорил это не просто для того, чтобы позлить твоего братца, — он сделал паузу и сжал мою ладонь. При этом его лоб сморщился, будто он о чём-то задумался. — Тебе нужно провести Саншайн? Или ты могла бы прилечь и поспать со мной?

Я не ответила. Я даже не думала. Просто скользнула на диван, прижалась спиной к его торсу и дала его тёплым рукам обнять меня. Вдыхала его тёплый, мужской запах — запах листвы и осеннего воздуха, полуночи и помидоров в оливковом масле. Он прижался лицом к моим волосам, и последнее, о чём я подумала, прежде чем заснуть, было то, что я знала Ривера всего день, а казалось, что много-много лет.

Я проснулась от солнечных лучей, щекочущих мне ноги. Когда я засыпала, они грели мне руки, посему Бог его знает, сколько прошло времени. Выскользнула из тёплых объятий Ривера и встала.

— Который час? — спросила я и потёрла глаза. — Мы пропустим фильм.

Веки парня затрепетали, затем открылись.

— Ах... почему ты встала? Вернись, — он похлопал по месту рядом с собой. Я повернулась, чтобы посмотреть на старые механические часы над кухонным столом. Было поздно.

— Мне нужно заглянуть к Саншайн. Проверить, как она, не хочет ли посмотреть с нами фильм. В ящике у холодильника есть корзинка для пикника. Сможешь собрать её, пока меня не будет?

Ривер потянулся. Зашевелил пальцами на ногах в закатном солнце и улыбнулся.

— Вайолет, Вайолет. Ты пригреваешься рядом со мной, спишь и уходишь. Что это такое, сон на одну ночь? — он улыбнулся. — К чёрту фильм. Возвращайся сюда.

Я рассмеялась.

— Ты же говорил, что хочешь пойти. «Касабланка» — твой любимый фильм.

— У меня лунатизм. Только я не хожу во сне, а говорю.

Я снова засмеялась.

— Наполни корзинку. Я скоро вернусь.

Пошла к Саншайн. Солнце уже скрылось за Ситизеном, дом отбрасывал тень на грязных девушек в фонтане. Почти смеркалось.

Дорога, идущая за Ситизен Кейном, заканчивалась клубком ежевичных кустов, граничащих с лесом. Я развернулась у дома подруги и посмотрела на деревья. Иногда, на закате, мне казалось, что они медленно-медленно подползали к нам, незаметно, и в один день я подниму голову и обнаружу, что мой дом оказался посреди леса.

Саншайн сидела на крыльце, как обычно, и ничего не делала. Цвет вернулся к лицу, она вновь выглядела здоровой и ленивой, сияла в ржавых лучах вечернего солнца. Не знаю, как девушка могла сидеть там без дела, пока день шёл на убыль. Хорошо или плохо, но мне достался родительский артистический темперамент, и если мне было нечего делать, мои мысли начинали вращаться, путаться, мешаться.

Голова подруги, должно быть, была устроена по-другому. Может, её праздные мысли больше походили на маленький журчащий ручеек, протекающий мимо чирикающих луговых трупялов, розовых чашек, говорящих белок и коттеджей с соломенными крышами. Я неожиданно позавидовала ей.

— Привет. Хочешь пойти на «Касабланку» со мной и Ривером? Фильм начнётся через час.

Саншайн подобрала недоеденный сэндвич с помидорами с тарелки у ног и откусила кусочек. Вне сомнений, помидоры были сорваны с лозы у крыльца пару минут назад. Я заметила отсутствие одного особо красного и большого, когда поднималась по ступенькам.

— А Люк пойдёт? — спросила она.

— Да, но с Мэдди. Так что не жди от него особого внимания. Он собирается украсть водку и добраться до второй базы, что бы это ни значило.

Девушка подняла руку и помахала ею в области груди.

— Насколько я осведомлена, обычно это подразумевает этих девочек. Но, возможно, так было сто лет назад, когда наши родители были детьми. Может быть, в наше время вторая база означает чтение стихов на крыше, сидя голыми до пояса.

Я приподняла брови.

Саншайн проглотила ещё один кусок сэндвича, покачивая головой.

— Нет, Вайолет, на самом деле я не знаю, чем занимаются дети в наше время. Разве ты не заметила, что большую часть дней я провожу здесь, сидя на крыльце, или таскаюсь за тобой с Люком?

Подруга слабо улыбнулась, и я также улыбнулась в ответ. Она допила холодный чай и поставила его на перила.

— Так что ты узнала о незнакомце, живущем в твоём гостевом доме?

— Я не просила показать его удостоверение, и не стану, теперь это прозвучит глупо. И он ужасен в прямых ответах на вопросы, поэтому я знаю чуть ли не меньше, чем раньше. Ты всё ещё хочешь напоить его и украсть бумажник?

Саншайн откинулась назад и посмотрела на меня. Её глаза были пронзительными и честными — редкое выражение, как для неё.

— Я не нравлюсь Риверу. А это была важная составляющая моего плана, — она сделала паузу. — Ты спрашивала, видел ли он парня с меховыми зубами?

Я кивнула.

— И?

— Он ничего не видел.

— Так и думала. Не важно. Я знаю, что видела, — девушка с мгновение молчала. — Слушай, идите на фильм без меня. Я посижу тут. Может, подъедет таинственный новенький и захочет въехать в *мой* гостевой дом.

* * *

Когда я вернулась в Ситизен, Ривер уже подготовил корзинку для пикника. Мы направились по дорожке в город уже в третий раз за последние восемь часов.

Парк наполнился людьми, небо было облачным и быстро темнело. Мы опаздывали. Передние места были уже заняты, но экран был достаточно большим, чтобы видеть с задней части площади. Мы прошли мимо кучки ребят из школы, но они не признали меня, а я — их. Не то чтобы мы ненавидели друг друга. Для этого нам всем не хватало пыла и страсти. Все знали, что наши родители давно уехали, но они не были уверены, сочувствовать ли одиноким детям, когда-то богатым, завидовать нашей свободе или смеяться с наших странных, артистичных родителей. Поэтому люди оставили нас в покое. Думаю, они считали нас снобами, как и Даниэль Лип.

Люк был более социально подготовленным, чем я. Брат вырос привлекательным и менее чувствительным. Но это нормально. Всё равно единственным человеком, с которым мне было легко говорить, была Фредди.

И Ривер, внезапно осенило меня. Я расстелила одеяло подальше от своих одноклассников. Мельком увидела Джанни среди них. Он был высоким и смуглым, с озорным блеском в своих глубоких итальянских глазах, которые мне так нравились. Иногда

он работал в кафе с родителями, когда была не его смена в пиццерии, и любил общаться со мной о справедливой торговле бобами, о флэт уайтс [\[1\]](#) и идеальной пенке в капучино. Парень часто выходил из себя из-за просьб добавить бутылочные сиропы, например, шоколадный, и это выглядело довольно очаровательно.

Джанни поймал мой взгляд, помахал и улыбнулся. Я ответила тем же.

Справа от нас находились смеющиеся маленькие дети — они играли с кучей красных йо-йо и искренне наслаждались вечером, как бывает только в детстве. Я гадала, что они делали на «Касабланке». Должно быть, родители выгнали их из дома после ужина, а они просто пошли за толпой в центр города. Мне было интересно, останутся ли дети на фильм и будут ли болтать во время него. Но чуть позже я решила, что мне плевать.

Мы с Ривером впились в оливки с сыром и багетом, и наблюдали за детьми, пока ели. Было шесть мальчишек, все с йо-йо, и одна девочка с хула-хупом. Одного из них я узнала. Ему было около одиннадцати, с яркими каштановыми волосами и бледной кожей с веснушками. Я часто видела его в городе и была шокирована, каким серьёзным он был, как для ребёнка. Иногда с ним была группа парнишек, иногда нет. По большей части он был один. Мальчик начал периодически заходить в кафе и, как и я, был слишком юным, чтобы пить кофе.

Через пару минут из темноты за городской площадью вышел паренёк постарше и начал приставать к моим мальчишкам с йо-йо. У него были косматые тёмные волосы и злобный взгляд, как у дикой, голодной собаки. Выглядел он лет на четырнадцать. Он долгое время издевался над малышкой, но когда те проигнорировали его, парень начал пихать их и забирать игрушки, держа те вне досягаемости.

Ривер запихнул последнюю сочную каламату в рот и встал на ноги. Затем подошёл к косматому паренёку и схватил его за тощее запястье. Хулиган уронил йо-йо. Ривер что-то ему сказал, и мальчик без лишних слов скрылся в ночи.

Ривер решил задержаться и показать детям, как правильно играть их игрушками. У него получалось хорошо, легко и естественно, будто до этого показывал миллионам мальчиков, как забавляться с йо-йо, и мог делать это с закрытыми глазами. Ребята так внимали его словам, что даже подались вперёд, чтобы лучше слышать.

Я осталась сидеть на месте, наблюдая за парнем и лениво гадая, что же он говорил детям, когда ко мне подошла девочка и вручила хула-хуп. У неё были карие глаза и чёрные кудрявые волосы, она любила смеяться. Девочка протянула мне хула-хуп с ухмылкой на губах, и я приняла его, улыбаясь в ответ. Ступила внутрь и крутанула его на бёдрах, слегка двигая торсом, пока моё тело не привыкло к кругу, и эта штука не начала крутиться сама по себе.

Девочка наблюдала за мной. Все остальные пялились в экран, поскольку пошли начальные титры. Мои бёдра продолжали двигаться, жёлтая юбка качалась из стороны в сторону. Ривер обернулся, держа йо-йо в руке. Мальчишки всё ещё смотрели на него, будто он был величайшим человеком, которого они видели — все, кроме моего каштановолосого малыша с серьёзным видом.

Я отдала девочке её хула-хуп и поблагодарила, что дала мне им попользоваться. Она рассмеялась и побежала обратно к ребятам.

Ривер вернулся и сел рядом, начав возиться с чем-то в своих руках. Тут я заметила Люка, обжимающегося с Мэдди сбоку под дубом. В одной руке у него была фляга, а другой он хватал девушку за зад.

«Ох, Люк. Ты — сплошное разочарование», — подумала я. А затем поняла, что было глупо так говорить, даже мысленно.

— Держи, — прошептал Ривер, поскольку начался фильм. Он взял мою ладонь, повернул её ладошкой вверх и что-то вложил в неё. — Это закладка для твоего Готорна.

Я опустила взгляд.

— Вовсе нет, — зашептала я. — Это двадцатидолларовая купюра, сложенная в форме слона.

Ривер улыбнулся.

— Мне нравится оригами.

Я кивнула.

— Мне тоже. Но большинство людей складывает бумагу, а не двадцатки.

Парень пожал плечами.

— У меня не было бумаги. Вайолет, если у тебя когда-нибудь закончатся продукты или ещё что, а меня не будет рядом, ты сможешь просто развернуть её и использовать. Ладно?

— Ладно, — прошептала я, поскольку не особо гордилась этим поступком. Положила закладку в свой карман.

Ривер кивнул, подобрал колени, обнял их рукой и отклонился назад, приготовившись смотреть кино. Чёрт возьми, он был таким гибким и грациозным! Меня продолжали преследовать мысли о парнях на уроке физкультуры, со слишком большими коленями для бледных ног, выступающих из-под шорт. Мышцы на их бёдрах уже были такими напряжёнными в их четырнадцать, что, казалось, кто-то разобрал их на части, а затем криво собрал обратно.

Ривер отличался от тех парней. Он заставлял мои внутренности приятно скользить и сжиматься. Ривер был... кем-то совершенно новым.

В какой-то момент посреди фильма дети сбежали. Предположительно домой, в тёплую кровать. Меня настолько захватили грустные глаза Богарта и дерзкий маленький носик Бергмана, как и свежий ночной воздух и никогда не устаревающая новизна просмотров фильмов под открытым небом, что я находилась под лёгкой эйфорией, когда Ривер встал на фразе: «Вот смотрю на тебя, малыш».

Он опустил голову, чтобы его губы находились на уровне моего уха.

— Пойду разомну ноги. Скоро вернусь.

«Какому семнадцатилетнему парню нужно разминать ноги во время двухчасового фильма?» — подумала я, наблюдая за его уходом.

Скоро он не вернулся. Его не было почти полчаса. Тик-так. Тик-так. Минуты текли, как вода. А затем он снова оказался рядом на последнем: «Вот смотрю на тебя, малыш». Парень не сказал, где был, или почему уходил, но взял меня за руку. И держал всю последнюю сцену фильма, чему я была несказанно рада.

Когда кино закончилось, Люка и Мэдди уже не было поблизости. Люди скрывались в темноте, повторяя классические цитаты из «Касабланки». Мы с Ривером были последними, кто ушёл.

— Так где ваше городское кладбище? — спросил он.

— Зачем тебе? — я собрала остатки ужина в корзинку для пикника и закинула её себе на плечо.

— Хочу посмотреть. Люблю кладбища.

— Я тоже. Но находиться там после заката противозаконно.

Ривер ничего не ответил, просто забрал у меня корзинку.

— Ладно, — купилась я. Меня не особо волновало нарушение законов, потому убеждению я поддавалась с легкостью. — Оно всё равно нам по пути.

У Эхо было шикарное кладбище. Большое и старое, с высокими, древними деревьями и парочкой мавзолеев, один из которых принадлежал некогда прославленной семье Уайтов. Я никогда там не была, хотя стоило бы, учитывая, что Фредди была в нём похоронена. Кладбище располагалось на холме с видом на море, конкурирующим с видом из Ситизен Кейна. В таком месте не постеснялся бы гнить сам Эдгар Аллан По... зелёная листва, с которой скатывалась вода, и мерцающие звёзды, окружённые полной тишиной.

Кладбище ограждалось кованым железным забором, который, как я думала, будет закрыт. Но нет. Ворота были широко распахнуты. Мы зашли внутрь, и Ривер положил корзинку возле первого попавшегося надгробия. Затем потянулся за моей рукой. Пальцы парня переплелись с моими, и я почувствовала лёгкое покалывание.

— Ты мне нравишься, Вайолет, — сказал он низким голосом.

— Ты меня даже не знаешь.

Ривер посмотрел на меня со своей хитрой, кривоватой ухмылкой, к которой я быстро начала привыкать.

— Знаю. Я могу узнать о человеке всё, что мне нужно, за две минуты. А у нас с тобой был для этого не один час, — он выдержал паузу. — Ты осторожная. Умная. Восприимчивая. Честнее многих. Ты ненавидишь безрассудство, но сама импульсивна, когда это к месту. Ненавидишь своего брата, и в то же время любишь его больше всех на свете. Хочешь

возвращения своих родителей, но научилась жить без них. Тебе нравится покой, но если на тебя достаточно надавить, ты готова к животрепещущей жестокости. — Ривер снова сделал паузу, его рука сжала мою. Так сильно, что было почти больно. — Но что мне действительно нравится, — что делает тебя другой, — это то, что тебе от меня ничего не нужно. Совсем.

— Разве?

— Да. И меня это... расслабляет.

На это мне было нечего ответить. Предполагаю, я должна была занервничать, что Ривер так много обо мне знал. Но нет. Я просто приняла это к сведению и попыталась понять, как этим насладиться.

Мы поднялись по холму и остановились у Гленшипского мавзолея. Он был покрыт плющом, такой старый, что, казалось, вот-вот рассыплется и откроет вид на грудку костей на земле. Луна скрылась за облаком, и вокруг наступила крошечная тьма. Я ничего не видела, даже Ривера. Но ощущала его присутствие рядом. Слышала его дыхание. Чувствовала его сердце... Что-то тяжелое врезалось мне в спину. Я закашлялась, упала, перевернулась, и внезапно надо мной оказались тени, они были повсюду, хватали меня...

— *Ривер!* — прокричала я. Холодные руки схватили меня за ноги, грубые ладони давили на живот. — Что это? Они повсюду, *Господи!*

— Всё в порядке, Ви, всё нормально. Это просто дети. Просто кучка детей.

Я перестала ёрзать и замерла. Задержала дыхание и открыла глаза. Облака надо мной разошлись. Луна осветила округу, и я увидела трёх мальчишек. Их лица были белыми. И мрачными. Они окатывали меня сердитыми взглядами, полосы блеклого лунного света рассекали их щёки. Ребята выглядели грозными и жутковатыми, и совсем не были похожи на детей.

Я почувствовала зарождающийся в себе крик, который не хотела выпускать. Это было не в моём духе, и я не хотела такой становиться, оставляя это для Саншайн и других девушек. Я не собиралась...

Передо мной из темноты возникло ещё одно бледное лицо и склонилось надо мной. Я узнала его. Оно принадлежало одному из мальчишек с йо-йо из парка. Которого я знала. Йо-йо в его руке заменил самодельный деревянный кол. Две ветки были связаны вместе в форме креста, концы были заострены в толстые, раздроблённые наконечники.

Я посмотрела на них и вздрогнула.

— Пожалуйста, не бейте меня, — сказала я, глядя в голубые глаза мальчика, понимая, что до абсурда напугана группкой детей и парой веток, но полностью наплевав на это, поскольку, черт возьми, они всё равно были устрашающими. Было что-то в их лицах, — угрюмых и хмурых, — вызывающее у меня мурашки по коже. Я снова попыталась убежать; корчилась и брыкалась, но крепкие руки других мальчишек упорно держали меня.

— Отпустите её, — сказал серьёзный паренёк. Он нетерпеливо покачал головой, взмахнув волосами. Мальчик стоял с широко расставленными ногами, как воин из «Семи самураев». — Я же говорил вам, у Дьявола красные глаза, которые светятся в темноте. Вы смотрели на её глаза? Они красные?

Три мальчика изучили моё лицо и нахмурились.

— Вот именно, — сказал мальчик с йо-йо. — Её глаза не красные. Так что отпустите её.

Я сделала глубокий вдох, когда ребёнок, сидящий на моём животе, встал. Мальчики также поднялись с моих ног и спрятались во мраке. Я села, стёрла грязь с лица и посмотрела на Ривера. Два мальчика приставили колы к его горлу, но в данный момент уже убирали их.

Парень встал и подошёл ко мне.

— Ты не ранена? — прошептал он.

Я покачала головой и стряхнула траву с юбки. Мои ноги были поцарапаны, маленькие капельки крови выступали на левом колене, но в остальном всё было в порядке. Ривер схватил мою руку и помог встать.

Мальчишка с медными волосами посмотрел на нас.

— Я Джек, — произнёс он через мгновение. Его глаза были широко распахнуты и не моргали. Он перевёл взгляд на меня. — Я видел тебя раньше в кафе. Ты Вайолет Уайт, а Люк — твой брат, вы живёте в большом особняке на скале. Когда-то твоя семья была богатой, но не теперь, — он пожал плечами. — Когда у меня не хватало денег, ты купила мне кофе.

Я кивнула, вспомнив этот момент.

— Да, так и было.

Однажды Джек пришёл в кафе с двадцатью девятью центами и попытался заказать эспрессо. Но я стояла рядом и купила ему кофе с взбитыми сливками, поскольку денег у него не хватало ни на один из них.

— Вам не стоит здесь находиться, — сказал паренёк. Его голос был низким и серьёзным, как и лицо. — Мы на патруле. Дьявол украл сестру Чарли пару часов назад. Она играла рядом с нами, а затем пришёл Дьявол и взял её за руку, после чего они исчезли. Теперь её просто... *нет*.

Его голос немного задрожал на этом слове. Я подняла взгляд на Ривера, но его лицо ничего не выражало. Джек прочистил горло.

— Думаю, он вернётся до рассвета, чтобы украсть ещё одного ребёнка. Дьявол спит весь день, как вампир. Потому мы выбрали кол. Если он спит, как вампиры, то и может быть убит, как вампиры. Колом в сердце.

Пока Джек говорил, напавшие на нас мальчики начали становиться в полукруг рядом со мной и Ривером, выходя из тени, как голодные волки.

— Может, попробуем ударить его, просто чтобы проверить? — предложил низкий, тощий мальчик с чёрными кудрявыми волосами и ткнул колом в сторону Ривера. — Посмотрим, пойдёт ли кровь. Я слышал, что у Дьявола её нет. Так или иначе, мы узнаем.

— Тихо, Чарли. Я разберусь, — Джек указал двум мальчикам. — Денни, Росс и я видели его. Изобель играла со своим хула-хупом перед мавзолеем, он прыгнул и... забрал её. — Он сделал паузу и поднял голову к небу. — У монстра были красные глаза, одежда под старину, и выглядел он, как обычный парень, не считая красных глаз, наряда для Дня Благодарения и змеиной палки. Но я знал, что это Дьявол.

— Наряд для Дня Благодарения? Змеиная палка? — спросила я. — Что?

Джек прищурился, пытаясь решить, поверю я ему или нет.

— На нём была старая одежда, которую носили на День Благодарения, со шляпой и плащом. И у него была палка. Как прут, только больше.

— Как трость? — поинтересовался Ривер.

— Да, трость. В форме змеи. Он просто упал с неба и... и забрал Изобель. Я думал Дьявол появится из-под земли, как из Ада, но этот появился с неба, как ангел. — Джек замолк и сжал свои бледные веснушчатые кулачки по бокам. — Затем он исчез. Мы будем ждать здесь, пока Дьявол не вернётся. А когда он это сделает, мы убьём его.

— Да! — поддержали остальные. — Убьём!

Это была какая-то игра. Детская игра, зашедшая слишком далеко. Я посмотрела на их

серьёзные лица, на колья в руках, отметила неестественную молчаливость и обездвиженность, неприсущую детям. Подумала о маленькой девочке. Изобель. Может, она пошла домой, не сказав брату, и тут-то началась игра? Или кто-то действительно забрал её?

Ривер подошёл ко мне сзади. Скользнул рукой вокруг моей талии и притянул к себе.

— Пошли, — прошептал он мне на ухо. — Оставим мальчиков с их игрой. Они просто веселятся. С ними всё будет в порядке.

Кожу на моей шее покалывало от его дыхания. Но я проигнорировала это. Выскользнула из его объятий и присела рядом с Джеком, стоящим на коленях и натачивающим ножом кончик очередной ветки.

— Надеюсь, ты найдёшь своего Дьявола. Будь осторожен, ладно? Уже поздно. Скоро пора будет возвращаться домой. Родители могут начать беспокоиться.

— Мне нужно сделать ещё колья, — сказал он, не поднимая глаз. — Вскоре на подмогу подойдут ещё дети. Их собирает Исаак, поднимает всех на уши. Я сказал Чарли, что он может быть тем, кто заколет Дьявола... если его сестра мертва. Сказал, что он может быть тем...

Его голос сошёл на него, паренёк слишком увлёкся своим занятием. Ривер потащил меня за талию, и мы начали двигаться к воротам. Оглянувшись через плечо напоследок, я увидела Джека на земле. Ни блеска озорства, ни гордости за создание игры, ни беспокойной радости от поздней прогулки. Он был так же серьёзен, как юный солдат, уходящий на войну. Это нервировало. Удивляло. Я гадала, стоило ли мне рассказать о происходящем здесь взрослым. Попытаться найти родителей или вызвать копов...

— Вайолет.

Я остановилась и посмотрела на Ривера.

— С ними всё будет хорошо. Это просто игра.

Я не ответила.

Парень прижался своими бёдрами к моим и прижал меня к железным воротам. Его ладонь легла мне на затылок, и поток моих мыслей... прекратился.

Он поцеловал меня. Наши губы соприкоснулись, и я просто. Перестала. Думать. Я не думала о факте, что Ривер всё ещё был незнакомцем. Не думала о туннеле, Джеке, Дьяволе, с чём-либо. Мои губы растаяли до самого сердца, которое, в свою очередь, растаяло до ног, растаявших на земле подо мной.

После Ривер провёл меня домой под лунным светом. Мы не говорили.

И всё было почти чертовски идеально.

Я спала в гостевом доме. Засыпала в собственной кровати, но где-то перед рассветом проснулась и обнаружила, что спускаюсь, босая, по холодным мраморным ступенькам главной лестницы. Иду по влажной от росы траве у разрушенной теплицы в коттедж, в кровать к Риверу.

Не знаю, почему. Я просто это сделала. Ривер сказал, что я ему нравлюсь, а он нравился мне. Он напоминал мне... меня, чем-то. Что звучало глупо в дневное время, но ночью, когда ты в полудрёме, эти слова были полны смысла.

Ривер повернулся на бок. Его сонные глаза, прямой нос и кривоватая ухмылка светились в свете луны, проникающем через окна. Я подняла одеяло и скользнула к нему. Парень проснулся ровно настолько, чтобы подвинуться, обнять меня и зарыться лицом мне в шею.

Если он и удивился моему присутствию, то был слишком сонным, чтобы это показать.

Итак, я провела ночь в его объятиях. Заснула рядом с ним, проснулась рядом с ним. Дважды за двадцать четыре часа.

Утро. Ривер был одним из тех необычных людей, кто спал как лесная тварь или кто-то под заклятием. Милый, симпатичный и тихий, с глянцевыми веками и надутыми губками. Рядом с ним я чувствовала себя помятой и неопрятной, а также очень-очень настоящей.

Я встала с кровати и подошла к окну. Снаружи был серый штормовой день — неистовые серые волны, грозное серое небо. Тучи были тёмными, большими и злобными, в воздухе пахло солью и ожиданиями.

Сквозь плотный туман не было видно горизонта. Мне едва удавалось разглядеть волны. Думаю, некоторые люди могли бы почувствовать себя в ловушке из-за этого, но не я. Я выросла с морем на своём переднем дворе. Для меня оно было таким же уютным, как белый заборчик вокруг дома.

Я потянулась и почувствовала боль в колене, на которое неудачно приземлилась прошлой ночью. Когда я была маленькой, к нам приезжали наши двоюродные братья и сёстры, и мы играли в игры по ночам. Например, в «Сожги ведьму» в деревьях позади Ситизена, моё сердцебиение всё ускорялось, пока я не находила себе укрытие. А затем следовало бесконечное, пугающее ожидание, пока кто-нибудь не найдёт меня, не крикнет «Ведьма!» и «Сожгите её!», нарушая тишину прохладной ночи...

И тем не менее. Мне было не по себе при мысли о жутких мальчуганах с кольями и их странном описании Дьявола. И от заявления, что пропала маленькая девочка.

Я снова потянулась и разгладила свою шёлковую чёрную ночнушку. Когда-то она принадлежала Фредди. Пару дней назад я нашла её в комод. На тот момент от неё всё ещё пахло французскими духами, но теперь она пахла Ривером.

— Какого чёрта здесь произошло?

Я повернулась и обнаружила смотрящего на меня Люка из прохода в спальню. Ривер проснулся от звука голоса моего брата. Он зевнул и улыбнулся.

— Ничего не произошло, Люк, — ответила я. — Не то чтобы это твоё дело. Тебя стучать не учили? Это больше не твой дом. Ривер снял его, и ты не можешь сюда врываться всякий раз, как пожелаешь.

— Я стучал, но никто не ответил. И тебя не было в доме утром, Вайолет. Я начал волноваться. Если моя сестра-близнец впервые в жизни не оказалась утром у себя в

постели... — его глаза осмотрели комнату, задержавшись на мгновение на Ривере, прежде чем вернуться ко мне, — ... то у меня есть право отправиться на её поиски.

Я даже улыбнулась на это.

— Люк, значит ли это, что ты заботаешься обо мне?

Он не улыбнулся в ответ.

— Нет.

— Доброе утро, — сказал Ривер, расслабленный и спокойный, будто он всё это время ждал, что придёт мой брат и разбудит его. Даже хотел этого. — Кто-нибудь хочет кофе? Я купил эспрессо вчера.

Люк кивнул.

— Да-да, может, позже. Но сперва — у меня новости. Утром я ходил в город, у Мэдди была утренняя смена в кафе, и, чёрт возьми, весь город стоит на ушах! Пропала маленькая девочка. Она исчезла на кладбище прошлой ночью. Повсюду копы, набирают поисковые отряды. Приехали даже репортёры из Портленда. Невероятно.

Я положила руку на сердце. Изобель. Сестра Чарли. Посмотрела на Ривера. Его лицо было расслабленным, глаза заинтересованными, но беспристрастными.

— Маленькая девочка? С кладбища? Прoshлой ночью мы с Ривером...

Люк отмахнулся от меня.

— Помолчи. Я ещё не рассказал самого интересного. Какие-то мальчуганы, судя по всему, видели, кто забрал малышку. И... подождите-подождите... они говорят, что это был Дьявол, — парень рассмеялся. — *Дьявол!* Можете в это поверить? Один из журналистов в кафе оказался Джейсоном Фостером — он был отличным бегуном в школе, Вайолет, помнишь? Затем он уехал в Штаты и всё такое. В любом случае, теперь он журналист и, чёрт возьми, как же ему понравилась эта история! Дьявол. Ну у нас и городок! Портленд съест эту историю и даже не подавится. «Дети Эхо нашли на городском кладбище Принца Тьмы».

Ривер медленно потянулся, как кот.

— Похоже, в этом городе часто пропадают дети, — сказал он как бы между делом, отклоняясь назад и убирая руки за голову с улыбкой на лице. — Сначала Блу, теперь Дьявол?

Я открыла рот, чтобы рассказать Люку о Джеке и его банде мальчишек с кольями, когда в проходе появилась Саншайн. Её длинные коричневые волосы покачивались в такт с белым трикотажным сарафаном, который подчёркивал все изгибы её тела.

— Привет, — сказала она, осмотрев мою помятую ночную рубашку и полуголого Ривера, всё ещё лежащего в кровати. — В Ситизене никого не было, потому я решила поискать вас здесь. Вы слышали, что происходит в городе? Я ходила за миндальным молоком на завтрак, там все на взводе из-за пропавшей девочки. Говорят, на кладбище собрались дети с деревянными кольями, пытаются убить Дьявола, как какого-нибудь вампира. Я что, пропустила Апокалипсис?

Мы вчетвером пошли на кухню, где Ривер приготовил всем омлет с кофе. Он затих, сосредоточившись на жарке яиц, поэтому именно я рассказала Люку и Саншайн о нашем визите на кладбище прошлой ночью. Я думала, что подруга расстроится, учитывая её галлюцинации о Блу в туннеле менее чем двадцать четыре часа назад, а ведь его обвиняли в похищении детей, но, похоже, она уже успокоилась. Девушка просто рассмеялась вместе с Люком над Сатаной, бегущим по Эхо.

— Будто Дьяволу больше негде проводить время, кроме как на нашем кладбище, — сказала Саншайн. — Он мог бы бродить по захудалым переулкам Парижа или красть души

на кладбище Нового Орлеана, или бегать по улице красных фонарей в Амстердаме. Но нет... он выбрал Эхо, простофиля.

Люк улыбнулся, его глаза скользнули по груди Саншайн, задрожавшей при смехе.

— Кстати о городе света, — сказала я. — На прошлой неделе мы с Люком ходили на городскую площадь, посмотреть «Американца в Париже». Фильм был...

— Глупым, — вставил брат.

— Лжец, — я передала ему порцию омлета. — Тебе понравилось. Он был о бедном художнике из Парижа, и тебя это увлекло. Между прочим, я нашла твой информационный пакет из Сорбонны, пришедший пару дней назад. Подумываешь подать туда документы, братец?

Он сделал вид, что не услышал меня.

Я улыбнулась хитровой улыбкой Ривера.

— Ну... не знаю, с чего тебе захотелось учиться в Париже, когда Италия — истинное месторождение искусства. Папа всегда говорил...

— Опять ты со своим итальянским ренессансом, Ви. Ты прямо как отец. Ваши стили произошли от французского импрессионизма, что бы вы там ни говорили об Италии. Мы с мамой это знаем. Конец дискуссии.

На этот раз моя улыбка была искренней. Меня всегда радовало, когда удавалось вывести Люка на разговор об искусстве. А уж пакет из Сорбонны привёл меня в полный восторг.

Я попробовала омлет. Он был вкусным: солёным и масляным, с измельчённым луком и натёртым пармезаном.

Я думала, Люк разозлится на Ривера, поскольку нашёл меня в его постели. Прошлой осенью брат бросил меня в голубом гостевом шкафу с Сином Фраем — самоуверенным парнем с квадратной челюстью. Они с Саншайн не переставали смеяться, пока я стучала, сбивая вешалки на пол и уклоняясь от бесстрашных поцелуев Фрая и вездесущих рук. Но когда меня выпустили, и парень снова попытал счастья со мной на кухне, Люк врезал ему по лицу.

Но на Ривера он не злился. Мне кажется, тот ему нравился. Даже спросил, как паренёк приготовил яйца. Люк никогда не интересовался кулинарией. Его способности заканчивались на приготовлении сэндвича. Я приняла это за хороший знак.

После завтрака я вернулась в Ситизен Кейн и приняла душ в большой ванной на втором этаже, в спальне Фредди. Стены от потолка до пола были покрыты квадратными изумрудными плитами, которые она выбрала давным-давно, а пыльные люстры отбрасывали блики по всей комнате, открывая вид на танец пылинок.

Я переоделась в старое ситцевое платье с цветочками, в котором бабушка раньше готовила. Это придавало мне ощущение, что она была рядом, делала имбирный лимонад и служила преградой от всего плохого.

Саншайн болтала безумолку, пока я собиралась. Спрашивала про Ривера, как я оказалась с ним в одной постели. Я отвечала расплывчато, в его стиле, и обдумывала всё произошедшее прошлой ночью.

Ривер. Ривер. Ривер.

Пока я одевалась, то надумала идти в город и помогать искать Изобель. Мне хотелось найти и Джека, чтобы поговорить с ним. Была уверена, что никто не воспримет его всерьёз, и хотела расспросить подробнее о том, что он видел.

О Дьяволе с красными глазами.

Саншайн было нечего делать, потому она захотела отправиться со мной, и не успела я моргнуть глазом, как мы вчетвером направлялись в сторону города.

В Эхо царил хаос. Улицы вокруг главной площади полнились полицейскими машинами и людьми — у всех был хмурый, мрачный, поверженный вид в густом тумане, тянущемся с моря. Я наблюдала, как они двигались кучками, сгорбившись под зонтиками, хотя на улице всего лишь моросило.

Кафе было забито посетителями, очередь растянулась почти до входа, но Саншайн и Люк всё равно решили зайти. Мы с Ривером остались снаружи. Он надел чистую льняную рубашку и обтягивающие штаны — выглядел круто и красиво, как бирюзовое море в жаркий день, несмотря на туман. Позади я слышала отрывки напряжённых разговоров от группы полицейских:

— Здешняя обстановка вызывает у меня мурашки, и эти дети с кольями...

— Мысли заразны, как грипп...

— Она так быстро распространилась... мне кажется, там собрались все городские дети.

— Есть новости о девочке?

— ...стоит кому-нибудь рассказать сказку о похитителе, и не успеешь моргнуть, как перед тобой развивается эпидемия — массовое заблуждение, это научный факт...

— Блу Хоффман, слухи о нём до сих пор живы...

— Что нам нужно, так это добраться до сопляка, который всё это начал. Поверь мне, всё сведётся к одному ребёнку. Мы возьмем его, и ситуация уляжется.

Я схватила Ривера за руку.

— Джек.

Парень кивнул.

На кладбище было ещё хуже, чем в центре города. Люди собрались вокруг забора, слетевшись, как комары во влажную ночь, и низкий гул их голосов делал воздух неподвижным, будто все слишком сильно завелись. Мы с Ривером проскользнули мимо женщины с обеспокоенным выражением и мёртвой хваткой на запястье маленького мальчугана. Тот держал набор кольев, прямо как у Джека, и молил отпустить его.

Мы прошли сквозь открытые ворота на кладбище, и моё сердце замерло. Дети были повсюду. *Повсюду*. Мальчики и девочки, на деревьях и за надгробиями — маленькие серые тени в тумане. У всех в руке по колу. И все игнорировали призывы родителей вернуться домой. Взрослые сновали вокруг, как сонные овцы, выкрикивая имена: Зак, Энн, Джейми Шарлотта, пока дети выскакивали и скрывались в тумане, не слушаясь.

Если прошлой ночью шестеро мальчишек казались не по-детски серьёзными и пугающими... ну, это было ничто, в сравнении с целой *армией* детей, размахивающих кольями, как орудием. И тот факт, что всех их объединила охота на Дьявола, пугал и был просто *неправильным*. Дети, как правило, делились на группки в своих играх. Некоторые решали кататься на качелях, другие лазить по деревьям, ещё одни хотели побить младших, остальные притворялись, что дерутся с драконами в пещере, полной золота. Но *все* дети охотились на Дьявола. Я не могла поверить своим глазам.

По рукам побежали мурашки. Я глянула на Ривера. Его лицо было мрачным. Мрачным и

грозовым, как небо. А что ещё хуже... удивлённым. Глаза парня были широко распахнутыми, больше, чем обычно, и немного... потерянными.

Он был в замешательстве.

Я повернула влево и увидела маленькую девочку, согнувшуюся за большим надгробием. Её угольные волосы вились от влаги, а чёрные глаза бегали слева направо, слева направо.

Я присела рядом с ней.

— Привет. Ты пришла, чтобы убить Дьявола?

Она кивнула.

— Ты знаешь, где Джек? Мне нужно поговорить с ним.

Она снова кивнула.

— Он у мавзолея Гленшипов. Сидит там с прошлой ночи, — девочка говорила быстро и тихо, будто не хотела, чтобы её кто-то услышал. — Джек догадался, что Дьявол направится туда первым делом, потому что там его видели в последний раз. Но уже давно рассвело. И я даже не знаю, что должна выглядывать. Джек только сказал, что у него были красные глаза и наряд пилигрима, но что это значит?

Девочка оглянулась через плечо, затем на серое небо, и задрожала.

Я тоже взглянула ввысь. Гадала, что бы сказала Фредди, если бы слышала, что Дьявол был красноглазым мужчиной в чёрном, который летал по ночному небу и крал детишек. Не могла решить, рассмеялась бы она или поверила бы.

Наверное, второе.

Я перевела взгляд на Ривера, но тот наблюдал за группкой из шести полицейских, проходящих через ворота. Высокий блондин лет сорока поднял мегафон к губам и начал говорить:

— СЛУШАЙТЕ СЮДА, ДЕТИ! ВСЕ ВЫ, ДО ПОСЛЕДНЕГО, ДОЛЖНЫ ВЕРНУТ ДОМОЙ. СЕЙЧАС ЖЕ. ОДНА ДЕВОЧКА УЖЕ ПРОПАЛА, МЫ НЕ ХОТИМ ЕЩЁ БОЛ НЕПРИЯТНОСТЕЙ. ВСЕ, КТО ЗАДЕРЖУТСЯ НА КЛАДБИЩЕ, БУДУТ АРРЕСТОВА/ ПОВТОРЯЮ: ИДИТЕ ДОМОЙ, ИЛИ НА ВАС НАДЕНУТ НАРУЧНИКИ И ПОСАДЯ ТЮРЬМУ!

Угроза, естественно, была пустой. Но дети поверили.

Десятки маленьких фигурок начали выходить из тумана и пробираться к выходу. Их крошечные лица выглядели расстроенными и возбуждёнными, и я заметила, что они забрали с собой колья.

Я выискивала Джека, но не могла его найти. Он вряд ли купился на блеф копов.

За воротами припарковался белый фургон. Оттуда выпрыгнула низенькая женщина с длинными волосами. Она прошла через ворота и направила видеокамеру «НОВОСТНА/ КОМАНДА 3-ГО КАНАЛА» прямо на нас.

— Вот чёрт, — сказал Ривер. — Только этого мне не хватало. Пошли, Ви. Давай выбираться отсюда.

Поисковые отряды искали Изабель весь день. Мы с Люком присоединились к одному и рыскали по лесам за нашим домом с компанией серьёзных пенсионеров и парочкой старых охотничьих собак. Но не нашли ни следа.

Я молилась Фредди, чтобы с Изабель всё было в порядке. Чтобы всё закончилось хорошо. Но всё равно чертовски волновалась.

Ривер пропал. Он провёл меня с кладбища, увидев журналистов, после чего забрался в машину и уехал.

Я не знала, вернётся ли он. Ничего не знала. Вернувшись с поисков, я села на ступеньки у входа. Не читала, просто ждала. И молилась Фредди. Люк сказал, что я спугнула парня своим всезнающим взглядом и слишком «девчачьим» поведением, и слава Богу, что тот уже заплатил за дом. Но я проигнорировала брата.

Медленно проходили часы.

Ни следа Изабель.

Ни следа Ривера.

Как только стемнело, дети снова вернулись на кладбище. Прокрались, пока их родители спали. Я это знала, поскольку пошла с ними. Нашла в себе остатки смелости и отправилась на кладбище после прихода ночи. Догадалась, что Джек будет там, в ожидании Дьявола. Но что я нашла, проскользнув мимо ворот, где десятки детей возвращались на свои посты — это их бледные лица, сияющие во тьме. В атмосфере царили тишина, тени, мёртвые, закопанные под нами, и далёкие отзвуки моря, вечно отдающиеся в их ушах. Я перебегала от дерева к дереву, от ребёнка к ребёнку, и всегда держалась левой стороной к океану, чтобы знать, где нахожусь.

Снова и снова я чувствовала *его*, Дьявола, его дыхание на своей шее. Я поворачивалась, но сзади никого не было... кроме тихих, крадущихся детей, держащих по два заострённых кола в руках. Я пыталась разузнать у некоторых, знали ли они, где найти Джека. Подходила к деревьям и присаживалась у надгробий, и спрашивала, спрашивала. Но они были *настолько* сосредоточены, что их глаза казались пустыми. Чёткого ответа мне не давали, и, через некоторое время, мне стало казаться, что они следят за мной. Преследуют меня. Намеренно пугают.

Сердце забилося в груди так сильно, что заглушило звуки волн, бьющихся о скалы внизу. Нужно было уходить.

А затем я услышала что-то позади. Шаги. Маленькие шаги по камням.

Я развернулась и увидела их. Двух мальчиков и девочку. Стоящих в ряд в десяти шагах от меня. Они держали заострённые колья. И пялились на меня.

— У тебя нет кольев, — сказала девочка. — Дьявол доберётся до тебя.

Она сделала шаг ближе, и остальные последовали примеру. Мы стояли лицом к лицу, не двигаясь, просто смотря друг на друга. Ветер приподнял волосы, и они задели мою щёку. Солёный бриз был нежным, но холодным. *Холодным*. Как ночные заплывы в море. Как липкие пальцы, поднимающиеся по твоей шее.

Я задрожала.

— Ты чувствуешь его? — спросила малышка. — Дьявола?

Я кивнула.

— Лучше беги, — ответила она.

И я побежала.

Добравшись домой, я захлопнула за собой огромные входные двери и заперла их. Затем сползла вниз, прислонившись спиной к дереву. Чувствовала себя глупо, мне было очень стыдно. Но, чёрт, образ этих детей во тьме, с их кольями и взглядами в небо, следующими за мной от могилы к могиле... Моя грудь болела, уши болели, будто я заплыла слишком глубоко. Сделала три вдоха. Затем начала поиски.

Я делала это иногда, после смерти Фредди. Бродила по Ситизен Кейну в темноте. Бесчисленное количество раз обыскивала её спальню и библиотеку, кухню и чердак.

В этот раз я начала с подвала, шарясь по заплесневелым углам в поисках слабо прилегающих к стене кирпичей и секретных проходов. Затем поднялась наверх, в спальню, которую не использовали годами, и открыла комоды, шкафы, залезла под кровать. Стучала по стенам, надеясь услышать глухой звук, и снимала картины. Я делала это множество раз. И сделаю снова.

Я позволила пыли и забытым бутылкам из-под вина, протёртым коврам и рваным шторам проникнуть мне в душу, пока не стала таким же нервным параноиком, как Даниэль Лип, буйствующим на главной площади. Я хотела найти старые письма Фредди, но удовлетворилась бы чем угодно. Дневником. Началом детективного романа. Отвратными стихами, написанными на жёлтой салфетке. Чем угодно, что принадлежало бы бабушке. Лишь бы вернуть её обратно, хотя бы на секунду.

Должно было хоть *что-то* остаться, кроме одежды в шкафу. Никто не проживает жизнь, оставив по себе пару платьев. Может, она сожгла все свои личные вещи за пару недель до смерти? Я отказывалась в это верить.

Должно быть хоть что-то.

И было. Но не то, на что я надеялась, поскольку новые вопросы всё появлялись, а ответы — нет.

В Ситизен Кейне чердак шёл в длину всего дома. В детстве я сидела там часами, изучая содержимое старых сундуков и чемоданов, которые появились неизвестно когда. Там я и нашла чёрный сундук с пустой бутылкой джина и маленькой красной карточкой, на которой было написано: *«Фредди... ты первая обо всём узнала, и последняя меня осуждала. Я клялся, что никогда не обожгу тебя. Я говорил всерьёз тогда, и говорю сейчас. Что бы ни случилось. С любовью, я»*.

Эти строки были написаны рукой элегантного, образованного мужчины. Под карточкой лежали три белых, аккуратно сложенных летних платья, чёрный деревянный крест и два локона волос — светлых и коричневых. Но ни письма от самой Фредди. Ни единого. Я хорошо помнила этот сундук, поскольку открыла его одним жарким летним днём, через пару дней после смерти Фредди, но воздух внутри сундука был прохладным. Я положила пустую бутылку и карточку обратно, отодвинула сундук в дальний угол и оставила его в покое.

Но к этому моменту я уже всё перепробовала, так что... к чёрту!

Пока я взбиралась на чердак, то разбудила Люка своей шумихой. Слышала его шаги над собой. Парень нагнал меня на третьем лестничном пролёте, служившем служебным проходом, когда я была младенцем и у нас была прислуга. Он был узким, с гнилыми деревянными ступеньками и без перил. Люк стоял на вершине, поглядывая сверху на второй пролёт, и его каштановые волосы торчали во все стороны. Брат выглядел усталым, юным, более похожим на мальчика, которого я знала пять лет назад, когда умерла бабушка.

— Вайолет, — он часто заморгал, — с чего тебе вздумалось бродить по дому и хлопать дверьми в три утра?

— Я занимаюсь исследованием, — я запрыгнула на последнюю ступеньку, села и вздохнула.

— Исследованием. Верно, — Люк сел рядом, поджавшись на узком пролёте. Его босые ноги пристроились рядом с моими и засветились в жутковатом сиянии луны из окна наверху — оно не пропускало много света, поскольку наполовину было прикрыто шаткой винтовой лестницей, ведущей на чердак.

— Ты снова искала письма Фредди. Тебя так расстроил отъезд Ривера? — спросил он, когда я ничего не сказала.

Я положила руки на колена и позволила волосам упасть на лицо.

— Нет, — соврала я. — Я гадаю, куда пропала девочка, — повернула голову и посмотрела на Люка. — Но раз уж ты упомянул об этом, я действительно разозлилась из-за отъезда Ривера.

Брат рассмеялся.

Я поймала его взгляд.

— Знаешь, он сказал, что я способна на жестокости, если на меня слишком надавить. Ты веришь в это?

Он долго не отвечал. Затем пожал плечами.

— В обычной ситуации я бы захотел избить до полусмерти парня, который разделил с тобой кровать, а потом исчез. Но мне нравится Ривер. В нём что-то есть.

Я кивнула.

— Согласна.

Пауза.

— Я вернулась на кладбище. Там снова собрались дети. Они меня напугали своими колями и жутковатыми лицами. Было страшно. Я не выдержала и убежала.

Люк снова засмеялся, тихий хохот, который я не часто от него слышала.

— У тебя была долгая ночь, сестра.

Я слабо улыбнулась. Это была правда.

— Ты всегда такой милый посреди ночи? Может, мне стоит чаще тебя будить.

— Прощу, не стоит. Некоторые из нас рано встают, — брат улыбнулся и встал, потом зевнул и направился обратно в спальню. — В конце концов, Ривер вернётся, — сказал он через плечо. — Будь уверена.

* * *

Братец оказался прав. Ривер подъехал к дому перед рассветом. И знала я это потому, что до сих пор, по глупости своей, не спала и ждала его.

Парень вышел из машины, подошел ко мне с важным видом и улыбнулся своей чёртовой кривоватой ухмылкой. Его карие глаза не были такими холодными и безрассудными, как в прошлый раз, когда мы встретились на ступеньках. Его волосы не были уложены вбок, в винтажном стиле... они были запутаны и беспорядочны, будто он часто проводил по ним руками. Это всё ещё был Ривер, беспечный и изящный, но было что-то странное в его выражении, чего я не замечала прежде.

— Привет, Вайолет, — сказал он. Его голос был таким же ленивым, как всегда.

— Привет, — так же лениво ответила я, когда на самом деле мне хотелось встать, откинуть назад голову и закричать в небо: из-за детей на кладбище, из-за Дьявола и пропавшей девочки, и того факта, что Ривер уехал без объяснений, хоть он был первым парнем, которого я поцеловала, и, чёрт возьми, это был хороший способ задеть меня.

Но я отказывалась показывать ему, насколько я... взволнована. Представляла, как ему понравится мой безумный вид. Кроме того, он уже заметил счастливый, предательский блеск в моих глазах.

— Те дети вернулись на кладбище? — Ривер не тратил времени на светскую беседу. Но меня это устраивало.

— Да. Как только стемнело, — я не упоминала, откуда мне было это известно.

Парень протянул руку.

— Ну, думаю, это продлилось слишком долго, не так ли? Хочешь помочь мне остановить это безумие?

Я кивнула и взяла его за руку.

К тому времени как мы достигли ворот кладбища, я так и не спросила Ривера, где он пропадал и почему. А он не предоставлял никакой информации. В любом случае, он всё равно, наверное, соврал бы.

И его рука всё ещё была в моей, длинные пальцы переплетались с моими, заставляя мир преобразиться с чёрно-белого во все цвета радуги.

Рассвет снимал свою одежду, раскидывая розовые и фиолетовые пятна на горизонт. Я снова увидела девочку с вьющимися угольными волосами. Она согнулась за надгробием, принадлежавшим юному мальчику, который давно утонул в море. Буквы его имени почти стёрлись в забвение.

Ривер присел на колени рядом с ней, положил свою ладонь поверх её и осторожно забрал кол из сжатого кулачка.

— Иди домой, — сказал он. — Мы найдём Изабель. Твои родители скоро проснутся и будут волноваться. Иди домой. Нет никакого Дьявола.

Девочка встала на ноги, окинула парня долгим взглядом, а затем побежала в сторону ворот.

Ривер разломал кол пополам и кинул в деревья. Мы начали подниматься по холму к мавзолею. Утренний туман вновь вился со стороны океана, такой густой, что казалось, будто мы проходили сквозь мокрый шерстяной серый свитер. Раньше меня это никогда не волновало, но, по какой-то причине, я начала чувствовать, что меня душат. Сосредоточилась на глубоких вдохах морского воздуха, и чувство ушло.

У могилы собралось около двадцати мальчишек. Они одарили нас усталым, жутковатым взглядом, напомнив мне фотографию военных дезертиров на заплесневелых страницах «Нэшонал Джиогрэфик».

Я искала Джека на кладбище шесть часов, но так и не нашла. Тем не менее, сейчас он был здесь, стоял на вершине мавзолея Гленшипов. У его ног валялась кipa колеb, а взгляд мальчика был направлен в небо. Ривер позвал его по имени, и он посмотрел на нас, но с места не двинулся.

— Джек, можешь спуститься? — спросил Ривер. — Я хочу поговорить с тобой.

Тот ткнул пальцем в одного из мальчиков.

— Денни, я оставляю пост. Твоя очередь стоять на страже.

Джек схватился за плюш и прыгнул вниз. Затем светловолосый Денни запрыгнул наверх и приземлился на место своего друга, подняв голову к небу.

Наш знакомый потёр глаза и осмотрелся. Он выглядел бледным и усталым. Его рыжеватые волосы были спутаны, и в них застряли листья, будто он катался по земле. Пятна грязи смешивались с крошечными коричневатыми веснушками, покрывавшими его лицо. Его худые плечи поникли.

— Ник, — позвал Джек, посмотрев на маленького мальчика с тёмно-коричневыми волосами, — смени Дженни на юго-западном углу. Логан, ты не мог бы посмотреть, как там Холли? Она начинает бояться, если её оставляют одну на слишком долго.

Мальчишки кинулись выполнять приказы. Джек снова потёр свои покрасневшие глаза.

— Привет, — сказал он.

Я кивнула. Отвлеклась на небольшую горку кольев у мавзолея. Их были десятки. Возможно, сотни.

Мальчик повернулся к Риверу.

— Ты тот парень, которого мы чуть не закололи.

— Да.

— И который учил нас играть в йо-йо. И который сказал нам идти на кладбище, искать Дьявола.

Я резко подняла голову. Посмотрела на Джека, затем вперилась взглядом в Ривера. Но оба проигнорировали меня.

— Ну, чего ты хочешь? — спросил Джек тихим, настороженным голосом. — Тоже попытаешься всех вернуть по домам? Не сработает. Полиция вышвырнула нас отсюда, но мы вернулись.

Ривер упёрся руками в колени, чтобы посмотреть мальчику прямо в глаза.

— Джек, знаешь, где находится старый домик на дереве? Который возле океана, позади поместья Гленшипов?

Тот нахмурился.

— Да. Все знают об этом домике. А что?

— Иди туда, Джек. Сейчас же. И возьми Чарли с собой.

Они смотрели друг на друга три, может, четыре секунды. Затем Джек встряхнул головой и развернулся.

— Скажите всем отправляться домой, — крикнул он группе мальчиков позади. — Я знаю, где Изобель. И... скажите им, что *нет никакого Дьявола*.

Новость быстро распространилась. Мы с Ривером наблюдали, как маленькие дети прыгивали с деревьев и выходили из теней. Спустя пятнадцать минут кладбище практически опустело.

Остался лишь один мальчик. У него были светлые волосы и тощие руки; он стоял у ворот и переминался с ноги на ногу, сомневаясь, стоит ли уходить. Парнишка разглядывал небо и деревья, но не двигался с места. Ривер положил руку ему на плечо и осторожно вывел на дорогу.

Туман рассеялся, и я смогла увидеть вдалеке океан. Он был ярким, синим и многообещающим. Мы с Ривером смотрели на него некоторое время.

Я гадала, откуда он знал, где сестра Чарли. И как он заставил Джека так быстро ему поверить.

Я гадала, что мальчик имел в виду, когда сказал, что Ривер отправил его искать Дьявола на кладбище.

Я гадала, куда пропало то прекрасное, лёгкое, нежное чувство, которое я ощущала в присутствии нового соседа. Потому что оно пропало. С концами.

Ривер потянул меня за руку, и мы ушли с кладбища, шагая по лесной тропинке, сворачивающей с главной дороги. Лес был тёмным и тихим, рассветные лучи не могли пробиться сквозь густые деревья. Детишки появлялись и пропадали с тенистой тропинки перед нами, держа дистанцию.

Спустя семь минут мы пришли в центр Эхо. Я повернулась к кафе, которое открывалось чертовски рано... но тут увидела детей с кладбища, идущих по одному из переулков с Джеком во главе. Они следовали приказу Ривера. Шли к тропе Гленшипов. А она могла вести только к одному месту. Особняку Гленшипов и домику на дереве.

Честер и Клара Гленшипы были одной из самых богатых семей нашего городка в начале прошлого века, как и родители моего дедушки. Они также построили огромный особняк у океана, ближе к городу, чем Ситизен Кейн, и устраивали бесшабашные вечеринки для всех своих друзей из Бостона и Нью-Йорка, как герои романа Ф. Скотта Фицджеральда. Но деньги у них закончились даже раньше, чем у моей семьи. Что ещё хуже, очаровательный, ясноглазый старший сын Честера и Клары отвёл свою юную любовницу в погреб и перерезал ей глотку. Причины этому неясны. Но ситуация была зловещей, и газеты ухватились за неё мёртвой хваткой. Усадьба опустела и была заброшена на десятки лет: заросшая плющом, с разбитыми окнами и спёртым запахом давно минувшего счастья.

Когда я была маленькой, то фантазировала, что один из Гленшипов вернётся и возвратит этому месту былую роскошь. Он будет юным и красивым, и совершенно не таким, как его ненормальный предок-убийца. У парня были бы зализанные назад волосы, хорошее образование и острый язычок. Мы бы встретились, поругались, влюбились, завели детей и постарели бы во втором особняке Эхо у моря.

Я была довольно-таки глупа в детстве.

Позади Гленшипа, растягиваясь до опушки леса, были остатки обширной территории усадьбы. Газон дико зарос за последние одинокие десятилетия, можно даже сказать, варварски. Фонтаны поросли зелёным мхом и жуткими, неухоженными кустарниками. Ситизен выглядел чуть лучше. Но не намного.

Справа от поместья находился домик на дереве. Обычным его было трудно назвать. У Честера и Клары, кроме сына, была и дочь, которую они любили больше жизни. Естественно, у неё не оставалось выбора, кроме как вырасти гнилой до глубины души или умереть молодой. Случилось второе. Родители построили девочке миниатюрный особняк на дереве, где она играла — симпатичная, испорченная и рассеянная, — до того дня, как упала с дерева, свернула шею и умерла.

Мы с Ривером последовали за Джеком и остальными детьми до самого домика. Краска давно облупилась. Деревянные доски были деформированными и серыми, с торчащими ржавыми гвоздями, которые умирали от желания наградить кого-нибудь столбняком. Двускатная крыша просела посередине — достаточно сильного дуновения ветра, чтобы она провалилась.

Дети собрались вокруг Джека, формируя круг у дерева. Мы подошли поближе и встали по краям от них. Мальчик приложил руки к дереву и взобрался по остаткам деревянных ступенек, вбитых в ствол. Все наблюдали за ним, вытянув шеи. Джек пнул прогнившую дверь в домик и зашёл внутрь.

Моё сердце отбило один удар. Второй.

Дверь открылась, и он вышел с Изобель. Она скромно улыбнулась и помахала толпе внизу, будто не случилось ничего особенного. Будто дети то и дело пропадали и проводили две долгих ночи в разваливающемся домике на дереве, кушая Бог знает что и засыпая на твёрдом полу, пугая всех до смерти.

Изобель прыгнула с дерева и была мгновенно поглощена кучкой ребятни. Они кричали и улюлюкали, поздравляли её с ложным похищением, возможной смертью и отправкой в Ад. Её брат Чарли заключил девочку в медвежьи объятия, и их чёрные кудряшки так спутались, что не возможно было отличить, где чьи.

Но Джек оставался наверху. Я прищуренно посмотрела на него, затем на Ривера, и увидела, как те переглянулись.

Моё сердце отбило один удар. Второй.

Мы оставили детей. Вернулись на главную площадь и встали перед кафе. Я переминалась с ноги на ногу, не произнося ни слова. Люк и Саншайн были внутри; я видела их через витрину, стоящих у прилавка. Должно быть, они добрались до города, пока мы были на кладбище.

Я не стояла рядом с Ривером, а он — со мной. Повернулась лицом к площади, а он — к витрине. Луч солнца рассёк серое небо, обогнул тучу и ударил мне в глаза.

Тишина.

Тишина.

— Так с ней всё будет в порядке?

— С кем?

— Ты знаешь с кем. С Изобель.

— Да.

— Стоит ли нам рассказать кому-нибудь, например, копам? Что она нашлась?

— Нет смысла. Новости и так быстро распространяются.

Я умолкла.

— Так... нет никакого Дьявола?

— Нет.

Я попыталась поймать его взгляд, прочитать его выражение, но парень всё ещё смотрел

на витрину и избегал меня.

— Откуда ты знал, где она была? Откуда тебе вообще было это знать? — я подошла ближе и взяла его за руку. — Ривер. Что Джек на самом деле видел на кладбище? Он не лгал. Я точно знаю. Что происходит? И как ты стал частью этого всего? Что мальчик имел в виду, когда сказал, что ты направил его искать Дьявола на кладбище?

Ривер просто покачал головой и продолжил пялиться на витрину кафе.

— Слушай, я всё расскажу тебе позже. Клянусь. Но сейчас я просто хочу забрать Люка и Саншайн и устроить костёр на берегу моря, — он замолчал. — Да, отличная идея. Мне нравится разжигать костры после увлекательных событий. Это успокаивает людей, — тут он заметил мой взгляд. — И меня тоже.

Я опустила глаза к платью Фредди. На мне было то, с блеклыми синими цветочками. Схватила ткань в кулак и крепко её сжала. Давить на Ривера не было смысла, это ни к чему бы не привело.

— Ладно, давай устроим костёр.

Я повернулась и помахала Саншайн. Они с Люком отошли от прилавка и направились на улицу. Сегодня вместо Мэдди работал Джанни, он коротко кивнул мне и улыбнулся. Я ответила тем же. На прилавке виднелся журнал «Свежая чашка» — последний номер, несомненно. Я гадала, надеялся ли Джанни, что я зайду, чтобы мы могли его обсудить.

— Вы слышали? — спросила Саншайн, проскальзывая между мной и Ривером. — Оказывается, пропавшая девочка никуда не пропадала. Она провела последние ночи в Гленшиповском домике на дереве, попивая росу и питаясь дикой земляникой, если верить моим источникам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ривер посмотрел на меня, игриво приподняв бровь, чем на секунду напомнил мне Люка. И за это он мне слегка разонравился.

— Откуда ты узнала об этом? Это *только что* произошло! Мы там были и...

Братец перебил меня:

— Видимо, мальчишки выдумали этого Дьявола. Единственный шанс нашего городка прославиться, и мы его профукали! Кто бы сомневался.

— Заткнись, Люк! Может, они вправду видели Дьявола. Как Саншайн видела Блу в туннеле.

Та окинула меня сердитым взглядом. Затем её глаза снова приняли сонный вид, и она повернулась к Риверу.

— Итак, где ты был? Люк сказал, Ви только то и делала, что бродила по дому, заламывала руки и рыдала с момента твоего отъезда.

Брат усмехнулся мне.

Иногда я его серьёзно ненавидела.

— Люк лжёт, — сказала я. — Я даже не заметила твоего отсутствия.

Ривер улыбнулся.

— А я-то думал, что единственный лжец здесь, — он сделал шаг вперёд и приобнял одной рукой Саншайн, а другой Люка. — Хватит о Дьяволах, туннелях и загадочных путешествиях. Солнышко вышло, и я решил устроить костёр на пляже. Все приглашены.

Карие глаза Ривера горели, как июльские светлячки. Серьёзный, угрюмый парень исчез. Полностью. Будто его никогда и не существовало.

Я беспокоилась. Чувствовала острое покалывание внизу живота, которое как бы

говорило, что здесь что-то не чисто, даже когда я смотрела на улыбку Ривера и его горящие глаза.

Но он вернулся, и, по правде... по правде, это меня осчастливило. Может, не стоило радоваться, не знаю. С другой стороны, кто я такая, чтобы портить всем веселье? Мы собирались разжечь костёр на пляже, а всё остальное могло катиться к чёрту.

* * *

Костёр. Крутая тропа у дома Саншайн вела к океану, извиваясь по скале и заканчиваясь у маленькой уединённой бухты. Дальше по берегу находился большой общественный пляж, но мне нравилось моё уютное местечко: его нельзя было рассмотреть сверху, потому никто не знал о его существовании. Я часто приходила сюда, чтобы почитать в одиночестве, зарывшись в тёплый песок и прислушиваясь к шуму волн.

Бывало, мы с Люком и Саншайн заплывали сюда. Обычно океан был слишком холодным и буйным для этого, но в редкие ясные деньки мы брали с собой корзинку для пикника, шли в бухту и плескались там. У Саншайн был облегающий белый купальник, который выгодно подчёркивал её фигуру, поэтому она часто надевала его. А у меня, естественно, был старый винтажный купальник Фредди. Чёрный, с белой отделкой и маленьким поясом. Прикрывал всё тело, кроме ног и рук.

Мне нравились те дни, когда мы выбирались поплавать. Нам всегда было холодно и весело. Иногда Люк пытался меня потопить или целовал Саншайн на песке, но, по большей части, мы просто хорошо проводили время. Сколько бы братец ни жаловался Риверу на лето в компании двух девчонок, мне кажется, ему нравилось тусоваться с нами. По крайней мере, замену он не искал.

Вода и близко не была подходящей для купаний, но солнце разогнало тучи, и день снова стал ясным, хоть он только начинался. Люк откопал бутылку портвейна в пыльном погребе Ситизена, будто перенесённого со страниц «Бочонка амонтильядо»^[2]. Они с Саншайн делили её на двоих, пока мы с Ривером собирали сухие ветки в кучку для костра. Я нашла старый гриль для кемпинга в подвале, и Ривер приготовил бутерброды с жареным сыром, помидорами и горчицей на обед.

Моя подруга нашла в доме старые одеяла, и после того, как мы поели, наша четвёрка свернулась на них и наблюдала за танцем оранжево-жёлто-красного пламени на фоне синего моря. У меня было своё одеяло, у Ривера — своё. Мы не сидели рядом, и я даже не смотрела на него.

Почти.

Парень лежал на спине, согнув колени, его голые ноги были наполовину зарыты в песок. Должно быть, он почувствовал мой взгляд, так как повернул голову и подмигнул, — медленно и естественно, — будто знал, что я потихоньку теряла к нему доверие, и хотел показать, что ему плевать.

Было что-то такое в том, чтобы спать рядом с человеком, который ... опасен. Возможно, даже более опасно, чем спать с этим человеком. Не то чтобы я знала. Но нахождение рядом с Ривером, в одной кровати, и пробуждение у него под боком плохо влияло на моё мышление. Мне казалось, будто я уже его *знала*. Как знала Саншайн, Люка, родителей. Как знала Фредди.

Но это не так. Совсем не так. И это знающее чувство, ни на чём не основанное, было опасным. Оно вызывало у меня ощущение, будто я теряла рассудок.

— Итак, Вайолет, вникай.

Саншайн пристроилась под бочком у моего брата, её локоть покоился на его бедре, рука — на бутылке вина, а длинные тёмные волосы — на песке.

— Во что вникать? — спросила я и спихнула её руку с ноги Люка.

— Вчера мне приснился сон. О жирафе.

Я забрала у девушки бутылку и поставила её себе за спину. Она была почти пуста.

— Жирафе?

— Да, о жирафе, с которым мы дружили. Видишь ли, он устраивал вечеринку, и я помогала ему прибраться после неё. Мне никогда раньше не снились жирафы. Разве детям снятся жирафы? Но тут начинается самое интересное. Я прочитала главную страницу газеты Портленда в кафе, и в ней было сказано, что вчера умер какой-то жираф в каком-то зоопарке. И я подумала, может, это что-то значит? Как ты думаешь? Я думаю, это что-то значит.

Саншайн была пьяна. В ином случае она бы никогда не заговорила о своих снах. Подруга ненавидела нелогичные вещи, такие как сны, сказки и Сальвадор Дали.

— Ты пьяна.

Она подняла брови.

— Разве ты не слышала, Вайолет? Парням нравятся пьяные девушки.

Тут она перевернулась набок, подняла руку и позволила ей грациозно упасть на талию. А затем слегка повиляла бедрами.

Саншайн продолжала поражать меня своей способностью привлекать внимание к тому, что она считала своей самой интересной частью. Без особых усилий.

Мой брат встал, потянулся за меня и забрал бутылку с портвейном.

— Ты права, Саншайн. Нам *действительно* нравятся пьяные девочки. Ты что скажешь, Ривер? Могу поспорить, в своё время у тебя была парочка пьяных девчонок. Я бы сказал, с ними меньше возни, — он умолк и глотнул из бутылки. — Женщины всегда усложняют мужчинам возможность добиться единственного, чем одарила нас природа. Какая жалость.

Люк снова взялся за своё. Я думала, что он забросил свои мужские разговоры с Ривером, но вино вернуло их обратно. Ривер покачал головой на его комментарий и рассмеялся. Иногда мой братец говорил вещи настолько *неправильные*, что оставалось только смеяться.

Люк усмехнулся и допил остатки портвейна одним глотком. Затем замахнулся и кинул пустую бутылку в бушующие морские волны.

— Люк, какого чёрта ты это сделал?! — я указала на воду. — Бутылка разобьётся, и когда кто-то будет прогуливаться по пляжу, то поранит ноги.

— Заткнись, Ви. Кроме нас никто даже не знает об этом месте.

— Не могу поверить, что ты считаешь, будто, кидая бутылки в океан, ты становишься крутым. У меня даже нет слов, чтобы описать, насколько это тупо! Ты просто лишил меня речи своей тупостью!

— Хватит ссориться, родственнички, — Саншайн опёрлась руками на песок и поднялась на ноги. — Костёр почти догорел, а ветер набирает силы. Давайте вернёмся. Придумала, давайте поиграем на чердаке Ситизена! Давай, Вайолет, мы уже сто лет этого не делали. Будет весело. Пошли! — она взяла меня за руку и потянула.

— Ладно-ладно, — ответила я и повернулась к Риверу. — Хочешь посмотреть на

чердак? Он большой, пыльный и страшный.

— Ещё как.

Мы все взобрались по тропинке и пошли домой.

Там нас ждал Джек.

— Я хочу, чтобы ты показал, как ты это делаешь, — сказал он. Джек стоял на ступеньках Ситизена. Он с секунду смотрел на Ривера, а затем повторил. — Покажи, как ты это делаешь.

Парень наклонил голову и улыбнулся.

— Что делаю?

— Магию, — Джек продолжал смотреть на него, и его выражение начало соответствовать Риверу — скрытное, умное, подозрительное.

Я посмотрела на Люка и Саншайн. Они смеялись и флиртовали самым пьяным и бесстыдным образом, не обращая на нас никакого внимания.

В отличие от меня. Я внимательно наблюдала за Ривером. Очень внимательно.

Потому что знала, что его уход во время «Касабланки» и встреча детей с Дьяволом на кладбище как-то связаны. Просто не знала, как.

Ривер наклонился и что-то зашептал мальчику на ухо. Тот кивнул и выпрямился.

— Джек, — уже вслух сказал Ривер, — хочешь осмотреть пыльный и страшный чердак?

Тот сверкнул глазами, но пожал плечами.

Итак, мы все зашли в Ситизен, поднялись по мраморным ступенькам, прошли по коридору второго этажа мимо спальни Фредди, которая стала моей, поднялись на третий этаж, прошли мимо небольшой библиотеки, комнаты Люка и старого бального зала, который превратился в картинную галерею, пока не достигли шаткой винтовой лестницы в конце коридора, ведущей на чердак.

Объективно говоря, от него перехватывало дыхание. Место наполнилось сундуками со старой одеждой, шкафами и мебелью, а также древними металлическими игрушками, которыми вот уже лет шестьдесят никто не играл, и наполовину законченными картинами. В комнате было несколько круглых окон, чтобы пропускать свет, и мне нравилось, как сквозь них проникали лучи, озаряя танец пылинок, похожих на пряных фей в ярко-жёлтом сиянии. Если бы чердак мог загадывать желания, этому было бы не о чём просить.

— Как думаете, я найду внутри него Нарнию? — спросил Джек, указывая на большой шкаф у стены. На мальчике были тёмные свободные джинсы и блеклая коричневая футболка с зелёной армейской жилеткой, тоже на пару размеров великоватой, но, тем не менее, она ему шла. У неё было много карманов, что, как мне казалось, и послужило причиной, по которой мальчик её выбрал.

Джек повернулся ко мне и Риверу, улыбнувшись так, что его тонкие губы разомкнулись, а веснушки заплясали по лицу.

— Мне понравилась книга «Лев, Колдунья и Платяной шкаф».

Значит, в нём всё-таки ещё жил ребёнок, которому нравились фэнтезийные книги и волшебные шкафы.

Ривер улыбнулся.

— Зуб даю, что Нарния внутри. Я пошёл.

Из шкафа полетели объединённые молью шубы, пока мальчики пробивались к задней панели высокого глубокого комода. Я подошла к старому фонографу в углу и начала просматривать пожелтевшие чехлы с записями, периодически останавливаясь, чтобы убрать волосы с лица и наклониться поближе. К тому времени как кончики моих волос покрылись

пылью, я нашла, что хотела.

Я поставила запись в проигрыватель и повернула рукоятку. Шумный блюз Роберта Джонсона наполнил чердак.

Когда Ривер и Джек распотрошили шкаф с Нарнией и избавились от старых шуб, он послужил нам раздевалкой. Саншайн надела помятое шафрановое платье, которое было на два размера мало в груди, но всё равно ей шло. Мой брат нашёл летний полосатый костюм — должно быть, один из дедушкиных. Когда он вышел из шкафа, я хотела сказать, как хорошо он выглядит, и что ему стоит почаще так одеваться, и что носить одежду мёртвых родственников довольно-таки круто... но промолчала, боясь, что он снимет костюм.

Я достала чёрное вечернее платье и искусственный жемчуг из деревянного сундука, — очень в стиле «Завтрака у Тиффани», — и зашла в шкаф, чтобы переодеться. Когда я вышла, Ривер посмотрел на меня и улыбнулся. Милой, *одобряющей* улыбкой.

— Тебе нужно убрать волосы наверх.

Я рылась в маленькой шкапулке дешёвыми украшениями, пока не собрала жменю шпилек. Затем у меня за спиной появился Ривер, и его длинные загорелые пальцы начали поднимать мои волосы — одну прядь за другой — закручивая их и закрепляя, пока все не были собраны в грациозный пучок. Мои волосы были жёсткими от соли с пляжа и спутанными от ветра, но парню удалось придать им чертовски элегантный вид. Учитывая обстоятельства. Когда он закончил, я подошла посмотреть на себя к одному из больших гардеробных зеркал — оно было искажённым и запятнанным от многих лет на чердаке, но я всё ещё могла рассмотреть половину своего лица.

— Где ты этому научился? — спросила я, касаясь ладонью волос. — погоди... дай угадаю. Твоя мать — парикмахер.

Ривер засмеялся, но улыбка не коснулась глаз.

— Нет. Мама... часто ходит на вечеринки. Пока она накладывает макияж и подбирает украшения, мы разговариваем. Она научила меня укладывать ей причёску, когда я был маленьким. Вот так.

Эта информация казалась такой личной... Настоящей... В смысле, не ложью. Я заинтересовалась, и мой язык зачесался от желания задать наводящие вопросы. Но Ривер ушёл и начал копать в красном сундуке у фонографа. Видимо, разговор был окончен.

Я прижала пальцы к волосам и развернулась, чтобы снова увидеть своё отражение. Представила Ривера маленьким мальчиком с прямым носом, кривоватой ухмылкой, но также с мягкими, гладкими щёчками и тщедушным тельцем, как у Джека. Представила, как он помогает маме сделать причёску на вечеринку. Это было чертовски мило и слегка притупило то чувство, над которым я работала ещё с кладбища.

Люк подошёл к зеркалу и отпихнул меня с дороги, чтобы рассмотреть себя. Улыбнулся тому, как полосы натягивались на его груди и руках. А затем улыбка парня испарилась, и его пальцы взметнулись ко лбу.

У Люка был «мыс вдовы»^[3], и он уже беспокоился об облысении. Я часто ловила его на том, как он смотрел на своё отражение в зеркале или окне, наклоняя голову в разные стороны, чтобы убедиться, что волосы не редуют.

— Ви, глянь-ка, — сказал он, указывая на голову. — Глянь! Они поредели. Клянусь, они поредели!

— Вовсе нет, — ответила я, не глядя.

— Ты уверена? Я не могу облысеть, Ви. Просто не могу. Мне не пойдёт лысина.

Я вздохнула и тихо посмеялась.

— Твои волосы не поредели. Даю слово.

— Ладно, — брат сделал глубокий вдох и отвернулся от зеркала. — Я тебе верю.

Я снова рассмеялась, а затем обернулась к Риверу, который только что вышел из шкафа в наряде итальянского крестьянина. Даже с красной косынкой вокруг шеи. Наверняка одежду оставили богемные друзья моих родителей. Парень даже где-то откопал укулеле и сел на один из рваных бархатных диванов, наигрывая аккорды из «Лунной реки»^[4] в честь моего платья.

Джек осматривал комнату, пока не нашёл клетчатый жилет и твидовый берет. Он улыбался, и мне казалось, что мальчик хорошо проводил время, но он был таким тихим... У меня появилось впечатление, что он привык быть молчаливым и смирным. Парнишка не был похож на остальных детей: безрассудных, невинных и озорных. И я гадала, почему.

Джек отнёс свой костюм в шкаф и вышел, походя на уличного парнишку из фильмов, который продавал газеты на углу. Это было чертовски мило, хоть я не считала себя особо восприимчивой к милостям. Мне захотелось сесть и нарисовать его, прямо сейчас. А желание снова взяться за кисти у меня уже давно не появлялось.

Мы с Люком научились рисовать раньше, чем говорить, и пока другие дети баловались с карандашами, у нас была коробка акрила. Но, наблюдая, как родители многие годы ставили в своих приоритетах искусство выше детей, меня затошнило от всего этого. Я окончательно рассталась со своим хобби прошлой осенью, когда они уехали в Париж. Люк не рисовал годами, с момента смерти Фредди, насколько я знала. А парень был гораздо талантливее меня. Он был очень хорош, прямо как наш отец.

Я вспомнила о влажных кисточках в гостевом доме.

— Люк, ты снова рисуешь? — я посмотрела на него, сидящего в полосатом костюме рядом с Саншайн на кучке пыльных, старых, бархатных подушек. Он проигнорировал меня и стал ласкать её ухо. Я пнула его по ноге.

— Просто скажи, ты снова начал рисовать? Это бы сделало меня счастливой.

Но брат не ответил, просто продолжил целовать подругу. Может, он считал это слишком личной темой для обсуждения. Я снова его пнула, но отстала.

Джек сел между мной и Ривером. Его присутствие пробудило во мне материнский инстинкт, даже невзирая на то, что этот мальчик был стойким и молчаливым, и едва похожим на ребёнка. И всё же, это заставило меня задуматься, что, будь я матерью, то не проводила бы все свои дни с творческими друзьями, беседуя о Ренуаре или Родене. Или не уехала бы в Европу, исчезая на много месяцев. Нет... я бы сидела с ребёнком и делала ему холодный чай с кленовым сиропом, и рассказывала сказки. Необязательно делать это каждый день. Но хотя бы иногда. Просто чтобы он знал, что его любят.

Джек начал зевать, что было вполне логично. Он провёл последние несколько ночей на кладбище, в поисках Дьявола. Я подумала о его словах при входе в Ситизен. О том, чтобы Ривер показал ему, как он это сделал.

Парень почувствовал мой взгляд и оглянулся. Его пальцы замерли на укулеле, а глаза были широко распахнутыми, счастливыми и умиротворёнными.

Я решила вернуться к образу Скарлетт и не думать о кладбище и Дьяволе до утра. Фредди однажды сказала, что я была худшей из упрямцев — потому что вообще не была упрямой. Я была терпеливой, но непоколебимой. Упрямца можно было отвлечь или обвести вокруг пальца. Но не меня. Я просто держалась и держалась за своё, не сдаваясь, пока не

добивалась желаемого. Даже после того, как всем остальным становилось плевать. Я не знала, было ли это действительно так. Может, бабушка просто на меня злилась в тот момент.

Джек снова зевнул. У него были острые скулы, выступающие, когда он широко открывал рот, и мне подумалось, что он будет очень элегантным мужчиной, когда подрастет; жизнерадостным, как Джордж Сандерс — известный киноактер 40-х годов.

Джек закрыл глаза и уснул.

Я повернула голову и посмотрела в окно. Мой взгляд скользнул по солнечному лучу, падающему на старый сундук в углу, из-за чего его черная обивка казалась светлее, почти коричневой. Я осознала, что это был тот же сундук с бутылкой джина и красной карточкой. Совсем забыла, что хотела снова его обыскать.

Я чуть не встала и не занялась этим, но мальчик опирался на меня и выглядел таким ранимым... Мне не хотелось двигаться и портить момент, возвращаясь к стремлению узнать побольше о бабушке.

Я проверю его позже. И на этот раз не забуду.

— Так вот, Фолкнер написал одну историю, «Роза для Эмили», — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь, когда Ривер закончил играть песню и все затихли, кроме сопящего рядом Джека. Мне хотелось поболтать, что было необычно — у меня в голове крутилось множество мыслей, думать о которых мне не хотелось. Поэтому я открыла рот и дала себе волю:

— Она о женщине по имени Эмили, которая влюбляется в мужчину, но он её не любит. И вот однажды он пропадает без вести. Исчезает. Годами позже, когда Эмили умирает, люди в её городе находят разложившийся труп в её постели и прядь длинных поседевших волос на подушке рядом. — Я сделала паузу. — Эмили отравила его мышьяком и положила к себе в постель, чтобы он вечно лежал с ней.

Я снова сделала паузу.

— Знаю, эта история подразумевалась как ужастик, но мне всегда она казалась очень грустной и прекрасной. Она *вправду* любила этого мужчину. Это бывает так редко. Реже, чем люди думают. Все считали её ненормальной, но я думаю, она просто была очень влюблённой.

Ривер перестал возиться с укулеле и посмотрел на меня.

Затем Люк распрямил ноги и пнул меня по голени.

— Боже! Пожалуйста, скажи, что ты не рассказываешь это дерьмо каждому встречному. Неудивительно, что никто в городе с нами не разговаривает. Богатые семьи всегда не без парочки психов. Это действительно та роль, которую ты хочешь играть, Ви?

— Мы больше не богатые. Помнишь? Потому, даже если я и псих, всем будет плевать.

Брат повернулся к Риверу.

— Что, чёрт возьми, ты нашёл в моей сестре? Мне любопытно.

— Родственнички, хватит ссориться, — Саншайн потянулась в свой стакан с чаем, достала льдинку и начала водить ею по шее и груди. Медленно. — Здесь слишком жарко для ссор.

— А вот и не жарко, — возразила я. — Даже и близко нет. Тут максимум восемнадцать градусов.

Саншайн перестала водить по себе льдинкой, усмехнулась мне и закинула её в рот.

Я встала и поставила заново запись.

— Знаете, некоторые считают, что Роберта Джонсона отравили стрихнином. Ему было

двадцать семь, когда он умер, и никто так и не выяснил, что его убило, так что, кто знает? Стихнин — сильный яд. Смерть от него ужасная и болезненная. Должно быть, кто-то его сильно ненавидел. В ином случае, они бы использовали мышьяк или цианид. Если бы я собиралась кого-то убить, то выбрала бы цианид.

Когда мне было четырнадцать, я пережила напряжённую фазу Агаты Кристи.

Люк сердито посмотрел на меня.

— Ты меня уже бесишь. Хватит быть эксцентричной, Ви. Это не выглядело милым в детстве, а сейчас так вообще вызывает беспокойство. *Вот* почему у тебя нет друзей.

— Кстати говоря, ты не мог бы расчистить чердак от множеств и множеств твоих друзей, Люк? А то тут становится душно.

Ривер отклонился на спинку дивана и убрал руки за голову. Он ухмылялся. Моя ссора с Люком развлекала его, наверное, хотя мне и было немного стыдно за себя. Не то чтобы это меня останавливало.

— Разве Роберт Джонсон не тот певец, который принёс свою гитару в полночь на перекрёсток и продал душу Дьяволу, чтобы научиться петь блюз? — спросил Ривер мгновением позже.

— Да, он самый, — ответила я. — Мужчина заключает сделку с Дьяволом. Это фаустовский миф — классика. Видимо, Джонсон подтвердил его. Моя догадка: Дьявол решил пораньше забрать своё и утащил певца в ад даже до того, как ему исполнилось тридцать.

— Фауст. Все мы знаем, что ты самодовольный книжный червь, сестрёнка. Хватит гонять понты.

— Хватит ссориться! — нахмурилась Саншайн. — Вы оба! Это мешает моему флирту.

— Хотела бы я, чтобы люди пустили фаустовский слух обо мне, — я наклонилась и убрала руку Саншайн из волос Люка. — Фаустовский миф, — повторила я, — это гораздо интереснее, чем просто быть современной бедной блондинкой, которая живёт в большом доме с одним лишь придурком-братцем, у которого кубики больше мозга. Саншайн, если я когда-нибудь исчезну, прошу, скажи людям, что я отправилась за Дьяволом, в надежде вернуть свою душу.

Подруга часто заморгала своими сонными глазами.

— Как скажешь, Ви.

Ривер снял берет с Джека и взъерошил ему волосы. Мальчик медленно открыл свои голубые глаза.

— Так... разве тебе не надо куда-то спешить? — спросил его парень. — Последние два дня ты бегал по кладбищу. Разве о тебе никто не волнуется?

Джек потёр глаз, не глядя на Ривера.

— Мама ушла, когда я был маленьким. А папа... работает. Всем плевать, где я, — затем он взглянул на него, его веснушчатое лицо было серьёзнее обычного. — Ты собираешься показать мне, как колдовать?

Ривер встал.

— Время отвести его домой.

Я кивнула. Парень наклонился, коснулся пальцами моей шеи и притянул моё ухо к своим губам.

— Я приготовлю тебе ужин, когда вернусь, а после отвечу на все вопросы, — прошептал он.

Ривер поцеловал моё ухо. И всё моё тело закололо от чего-то экзотического, незнакомого и горько-сладкого, будто от землетрясения. Я потеряла дар речи, как он, наверное, и надеялся.

Ривер и Джек ушли, а Саншайн последовала за Люком в его спальню. Я вышла наружу поглядеть на ночное небо и дожидаться возвращения Ривера.

Я прислушивалась к шуму морского прибоя, к шороху сосновых иголок на деревьях, и пыталась игнорировать мурашки, зарождающиеся у меня внутри. Подозрительные, спровоцированные враньём Ривера и Дьяволом.

А затем тихую ночь пронзил чей-то крик.

Похоже на голос Сайншайн. И исходил он из окна спальни Люка. Я подумывала пойти к ним и прекратить этот визг, но у меня не было сил ругаться с братом.

Шли минуты. Мурашек от Ривера становилось всё больше. Как и криков. Я встала и пошла на звук смеха подружки на третий этаж.

Открыла дверь, не постучав. Мне было плевать, какую картину я обнаружу за ней, и это многое говорило о моём настроении.

— Что здесь происходит? — рявкнула я, как глупый персонаж какой-то глупой пьесы.

Тишина. Люк и Саншайн сидели на полу его спальни, полностью одетые.

— Мы нашли старую спиритическую доску на чердаке, — сказала она. Затем смахнула волосы на свои круглые плечи. — Твой брат пытается убедить меня, что в Ситизене есть привидения.

Люк сложил руки на груди и окинул меня злобным взглядом.

— Стучать не учили, лицемерка? — но он не был по-настоящему зол. Я видела смешинку в его зелёно-карих глазах.

Мой гнев испарился.

Комната Люка походила на картину Эдварда Хоппера. Когда-то это был кабинет нашего дедушки. В Ситизене полно свободных спален (семь или восемь — никак не могу запомнить), но брат предпочёл именно кабинет. Наверное, из-за своей уродливой мужественности, которая идеально подходила под деревянные панели, книжные полки, чёрный кожаный диван в стиле арт-деко и аромат дыма сигары, который никак не выветривался. Посему, когда Люку стукнуло тринадцать, папа заменил дедушкин стол кроватью.

Я устроилась между ребятами на зелёном турецком ковре, прямо под рядом романов Диккенса в кожаных переплётах (уверена, Люк ни разу их не открывал) и перед парочкой пустых холстов различных размеров.

Посмотрела на спиритическую доску.

— И где именно вы её нашли?

— На дне одного из шкафов, — Саншайн преувеличено вздрогнула. — Мы связались с духом. Девочки. Она упала в море и утонула, когда ей было десять, и теперь парит вокруг Ситизена и наблюдает за нами. — Её сонные глаза округлились. — Страшно, не правда ли?

— С каких пор ты веришь в привидений? — спросила я с нотками презрения в голосе, хотя стоило бы их скрыть. Подруга считала, что мальчикам нравились те девочки, которых было легко напугать. Чёрт, возможно, она права. Если парень добьётся её визга, то позже она может полезть в его объятия за утешением. А стоит ей оказаться в его руках, то можно и незаметно полапать девушку.

— Ви, разве в зале не висит портрет одной из наших умерших родственниц, какой-то

светловолосой девушки?

Я поймала его взгляд.

— Да. Её звали Тру. Дочка Фредди... папина младшая сестра. Фредди никогда о ней не говорила, но папа рассказал мне, что она утонула, когда была ещё маленькой. — Пауза. — Тебе он тоже об этом говорил. Судя по всему.

Люк поднял руки в воздух.

— Я никогда не слышал о ней раньше! Клянусь! Она общалась с нами через спиритическую доску, — он пнул её коленом, и указатель зловеще сместился.

Я пристально посмотрела на брата, но он сумел сохранить невинное выражение лица.

— Ладно. Пошли в зал.

Ныне тот превратился в семейную картинную галерею. Уже многие годы никто не танцевал на этом прекрасном деревянном паркете, не считая того случая, когда родители ночью принесли с чердака проигрыватель и решили научить нас с Люком медленным танцам. Сама мама научилась им, когда была причёсанной, румяной, прекрасной южной красавицей, а не длинноволосой художницей, которая вообще не пользовалась косметикой, но всегда ходила с краской под ногтями и Эдгаром Дега на уме.

Начали они с основных шагов, а закончили танцем вдвоём, пока мы с Люком сидели на полу и смотрели, как они парят по залу до самого рассвета. Это одно из лучших моих воспоминаний.

— Он там, — сказала я, указывая на портрет в дальнем углу. Стены были завешаны картинами. Многие из них нарисованы родителями или их друзьями, а остальные висели здесь с самого начала.

Фредди, будучи богатой, умной и очаровательной, сама грешила тем, что гуляла с художниками. В доме было около десятка её портретов, нарисованных разными мужчинами и женщинами. На большинстве она была молодой, её ярко-голубые глаза сверкали безрассудством. Казалось, они никогда не угаснут.

Естественно, это было невозможно.

Папа повесил бабушкины портреты слишком высоко, их едва можно было разглядеть. Наверное, это потому, что почти на всех она была голой, а ему не очень хотелось день изо дня смотреть на свою нагую маму.

Саншайн, Люк и я взглянули на портрет Тру. Я не включала свет в зале, поскольку наши три люстры не работали уже годами, но в окна светила луна, а у Люка в кармане нашёлся маленький фонарик, который он обнаружил на чердаке. Картина оказалась небольшой, всего 15 см в длину и ширину. Она висела между произведением в стиле раннего Шагала, нарисованным мамой, и стоическим портретом дедушки Лукаса Уайта вместе с сигарой и цветочным лацканом. Тру была очень юной. Обычной девочкой с жёлтыми-прежёлтыми волосами, как у меня, бледной кожей, розовыми щёчками и далёким, мечтательным взглядом. Нарисовано пастелью в импрессионистском стиле. На ней был голубой сарафан, идеально подходящий под цвет глаз и резко контрастирующий с двумя красными маками в её руках.

— Она сказала, что приглядывала за тобой, — прошептала Саншайн. Затем забрала у Люка фонарик и посветила им на портрет. — Спиритическая доска сама написала нам об этом. Она сказала, что наблюдает за вами с Люком.

Вот теперь я покрылась гусиной кожей. На руках появились маленькие, толстые бугорки. Чёрт возьми, в способность Люка нести чушь я верила больше, нежели в призраков,

но всё равно... Я перевела взгляд с него на Саншайн.

— Что-нибудь ещё?

К этому времени нас нашёл Ривер. Он тенью проник в зал и встал у меня за спиной.

— Что происходит?

Я отклонилась и прижалась к его груди.

— Люк пытается напугать Саншайн с помощью спиритической доски. Ну, прямо подростковое клише! Чувствую себя героиней детектива Агаты Кристи. Приготовьтесь к тому, что спиритическая доска предскажет имя следующей жертвы.

Брат повернулся и злобно на меня посмотрел.

— Не могу поверить, что ты не воспринимаешь это всерьёз! — указал на картину. — Тру говорила с нами! Она пытается нас предупредить! Вскоре произойдёт что-то плохое.

Саншайн кивнула, не отрывая взгляда от портрета.

— Да. Доска написала следующее: БЕРЕГИТЕСЬ. КТО-ТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ. Что случилось прямо перед тем, как ты с криками распахнула дверь, Ви. Жутковато получилось.

Девушка оторвалась от картины и снова вздрогнула. Люк обнял её. Она улыбнулась и прижалась к нему ближе, мимолётно подмигивая мне.

Я посмотрела на брата.

— «Берегитесь. Кто-то приближается»? Какое расплывчатое предсказание, очень страшно! Хорошая работа, братец!

Тот лишь покачал головой. Его глаза выражали напряжение и беспокойство.

— Это не я! Ви, я вправду считаю, что у нас завёлся призрак.

Ривер покосился на меня.

— Может, это действительно так, Ви. Мне кажется, Люк говорит правду. Почему бы нам не попробовать ещё раз пообщаться с доской?

Я кивнула.

— Ладно. Ваша взяла. Я заинтригована. Давайте сделаем это. — Повернулась и направилась обратно к спальне Люка. У меня самой накопилось пару вопросов к спиритической доске. Мне было интересно, как далеко готов зайти мой брат.

Все остальные последовали за мной. Мы сели вчетвером у доски, Ривер сбоку от меня. Затем опустили пальцы к деревянному указателю.

И стали ждать.

Я заёрзала. Саншайн рассмеялась. Люк снял полосатый пиджак и начал напрягать грудные мышцы, как я ненавидела. Ривер закинул руку на согнутое колено, уж он-то явно веселился. Ничего не произошло. Я пересела на другую ногу, жалея, что моё платье с чердака было слишком коротким. Посмотрела на потолок, на доску, на Люка, и попросила Саншайн перестать смеяться. Всё равно ничего не произошло.

— Это Тру? — наконец задала я вопрос. В этот момент я посмотрела на брата, но он потупил взгляд в доску. Указатель так быстро вывел «ДА», что я упала на локоть.

Затем сердито поглядела на братца, но он выглядел удивлённым. Неужели он настолько хороший актёр?

— Ты — девочка с портрета? Которая утонула? — это уже спросил он.

Нам снова ответили «ДА».

Прошло пару секунд. И указатель задвигался.

ИЩИТЕ

МЕНЯ

ПРИ
ЛУНЕ

Волоски на моих руках встали дыбом. Я почти слышала, как эти слова произносила девочка — медленно и тихо, словно они доносились с глубин океана.

Указатель вновь задвигался.

КТО-ТО

ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Люк и Саншайн молча смотрели на спиритическую доску. Ривер лениво улыбнулся и вообще выглядел так, будто получал от ситуации неимоверное удовольствие.

— Кто это? — спросила я напоследок. — Кто ты?

Указатель с секунду метался под нашими пальцами, а затем вывел:

Д
Ь
Я
В
О
Л

Я упёрлась руками в доску и оттолкнула её. Та полетела в стену.

— Какого черта, Ви? — Люк стукнул меня по руке. — Она же винтажная! Ей около восьмидесяти лет! Будь осторожней.

— Это перебор, Люк. Не шути с Дьяволом.

Он встретился со мной взглядом.

— Я и не шутил. Бога ради, Ви, после всей этой болтовни Фредди, ты действительно думаешь, что я стал бы шутить насчёт Дьявола, общающегося с нами через спиритическую доску?

Мы смотрели друг на друга с минуту.

— Успокойтесь, братцы и сестры, — расслабленно проурчала Саншайн, не поддавшись панике. Девушка легла на спину и задрала ногу на кровать Люка. Винтажное жёлтое платье поднялось вверх и открыло вид на бледную кожу её ноги, но она сделала вид, что не заметила. — Уже слишком поздно для ссор.

— Ладно, — сказала я.

— Ладно, — сплюнул Люк.

Я махнула рукой в сторону бедра Саншайн.

— Что ж, оставляю вас наедине, братец.

Мы с Ривером прошли до гостевого дома. Отвезя Джека домой, он заехал в город за продуктами и приготовил нам на ужин салат «Цезарь» со сладкой жареной картошкой. Окна были открыты настежь, и комната наполнилась ароматом свежего морского воздуха, смешанного с земляным, глинистым запахом старой масляной краски и вкусной еды. В итоге, пахло восхитительно. На Ривере всё ещё был костюм крестьянина, а на мне — чёрное платье Одри Хепберн. Во время ужина в доме без всякой причины перестало работать электричество, потому он зажёл свечи на маленьких блюдцах и расставил их по всей кухне. Атмосфера была столь насыщенной, что можно было попробовать её на вкус.

Впервые с домика на дереве мы оказались вдвоём. Меня смущало то, что он собирался мне поведать — обещанные ответы. Честно говоря, вкусная еда, лёгкий бриз и насыщенная атмосфера отнюдь мне не помогали.

— Ты сбежал во время «Касабланки», — начала я. Мои пальцы были жирными от салата и картошки, и я вытерла их об полотенце с маленькими овечками. — Куда ты ходил?

Я прождала весь ужин, чтобы Ривер начал говорить. Но не тут-то было. Я бы предпочла не давить на него, учитывая, что обычно от этого становится только хуже. К чёрту. Мне нужно знать, если парень, приготовивший мне ужин, живущий в моём гостевом доме, был из тех, кто сбегает на кладбища и убеждает детей, что он — Дьявол. Как можно быстрее.

Ривер взял тарелки и положил их в раковину.

— Позже, Ви. Позже.

Он начал готовить эспрессо, и к остальным запахам добавился ещё и приятный аромат кофе. Я сделала глоток своего. Я по природе сова — так было с детства. Одни из моих ранних воспоминаний были о том, как я сидела с мамой и папой, пока они рисовали поздно ночью, хотя Люка уже давно уложили спать. Родители не были идеальными, даже когда жили с нами, но что-то правильное они всё же делали — например, давали мне засиживаться допоздна, когда у меня было на то настроение. Как бы там ни было, я знала, что от кофе на ночь во мне проснётся сова, потому встала на носочки, когда делала глоток.

— Ривер, ты ходил на кладбище? — Пресловутое давление...

Он повернулся.

— Что это ты такое вытворяешь? — парень проигнорировал вопрос и кривовато ухмыльнулся, глядя на то, как я качаюсь на ногах.

— Пытаюсь не пить слишком много кофе, — я опустила на пятки. — Когда ты на носочках, то глотать становится труднее.

Он поднял свою чашку и встал на носочки. Снова босиком. Ему не нравилось носить обувь. Что было мне по душе — мне же нравятся его ноги. Он закачался, выпил, опустил и посмотрел на меня.

— Ви, ты странная. Знаешь об этом?

Я кивнула.

— Ты много времени проводила одна в детстве?

Снова кивнула.

Ривер улыбнулся.

— Ну, мне нравятся странные. Обычно люди не такие странные, как хотелось бы. В детстве мы все довольно необычные, но затем мы вырастаем и...

— Ты пытаешься сменить тему?

— Да.

— Не стоит, — я прищурилась, надеясь, что это придаст мне серьёзный вид.

— Просто дай мне рассказать одну историю, прежде чем я отвечу на твои вопросы. —

Ривер посмотрел на свой кофе, затем на меня, вздохнул и уставился в стену. — Когда я был маленьким, мне нравилось играть с одним мальчиком. Думаю, можно назвать его моим лучшим другом. Он всегда находил неприятности, постоянно дрался, наезжал на детей куда крупнее него и никогда не думал прежде, чем действовать.

Он замолчал, его глаза посерьёзнели. Как в тот раз, когда мы были на кладбище. Это выражение пугало — оно казалось не к месту на хитром лице Ривера... но всё равно интриговало меня.

— Люди его не понимали, — добавил парень через пару секунд. — Он не пытался завязать драку, просто... был честным. В любой ситуации говорил то, что думал. — Ривер всё ещё отказывался на меня смотреть. — Я прикрывал его спину в каждой драке. Всё моё детство прошло в синяках. Боги, как это злило отца! Сперва меня избивали в драке, а затем по приходу домой.

Он как-то натужно рассмеялся. А потом замолчал.

— Что случилось?

— С кем? — с запинкой спросил Ривер.

— Что случилось с твоим лучшим другом? Закончи историю.

— С тем пареньком? — тело Ривера напряглось, а челюсть сжалась, да так сильно, что на его левой щеке образовалась ямочка. Он вздохнул и выпалил: — Я поджог его.

— ЧТО?!

— Мне до сих пор иногда это снится в кошмарах, — он допил остатки кофе и поставил чашку на столешницу.

Я положила руку ему на плечо. В конце концов, он взглянул на меня.

— Вранье.

Ривер стряхнул мою руку.

— Вот и нет. Мы баловались у костра на пляже. Играли в какую-то игру, и я споткнулся. Упал на него, и... толкнул его в костёр.

— Это была случайность. Ты сделал это не специально.

— Но это всё равно произошло, не так ли? И я был виновником. Он *сгорел*, Ви.

Глаза Ривера заблестели. Выглядел он... даже не знаю... трагично.

И увидев его таким, я потеряла голову.

Я обняла его. Он замер, но вскоре расслабился.

— Мне жаль. Правда. Можем больше не говорить об этом, если не хочешь.

Я почувствовала, как руки Ривера опустились к моей талии. Он наклонился и поцеловал меня. Медленно.

В этом он профи. Нежный. Не быстрый и резкий, как Син Фрай. Поцелуй Ривера как бы говорил: у меня есть всё время в мире, потому что я знаю, что ты никуда не уйдёшь.

И это тоже правда. На сей раз я была менее удивлена, чем на кладбище. Тогда я окаменела, как статуя. Но не сейчас. Теперь я задвигалась. Поцеловала его в ответ. Я *не знала*, что делаю, но *чувствовала* себя иначе.

На вкус поцелуй Ривера был как кофе, шторм и тайны.

Медленно, медленно он начал ускоряться и ускоряться...

А затем остановился.

Ривер просто отпустил меня. Стоило мне забыть, кто я, стоило мне забыть, что мы — не одно целое, не светящийся, дрожащий океан поцелуев, а два разных человека... как он отпустил меня. Парень отошёл и сделал глубокий вдох.

— Ты останешься на ночь? — спросил он, выдохнув, но не до конца. Его дыхание совпадало с моим. Он закопался рукой в волосах и взъерошил их так, что все кончики встали дыбом. Выглядело это так сексуально, что даже бесило.

Парень выглянул в кухонное окно и посмотрел на фиолетово-чёрное небо и фиолетово-чёрное море.

— Мне снятся кошмары с четырнадцати лет. Всегда. Но когда я задремал с тобой пару дней назад, они внезапно исчезли. А как только я уехал на день — бум! — они вернулись. — Пауза. — Ты же понимаешь, что это значит, не так ли?

Я покачала головой.

— Это значит, что тебе придётся спать со мной до конца моих дней.

Прошло пару секунд. Затем Ривер опустил одну руку мне на голову, а другую — на поясницу, и притянул к себе. Крепко.

— Ривер?

— Да, Ви?

— О чём говорил Джек? Что он имел в виду, когда сказал, что хочет, чтобы ты ему что-то показал?

Ривер опустил руки. Мне внезапно стало холодно, и я подумала закрыть окно.

— Прежде чем я отвечу, позволь мне кое-что спросить. Тебе было хорошо со мной последние дни? Ты была счастлива?

Я всмотрелась в его лицо, чувствуя ловушку.

— Да. Нет. По большей части нет. В моём гостевом доме живёт лжец, отправляющий детей искать Дьявола и исчезающий после того, как они находят его. У моей соседки начались галлюцинации в городском туннеле, а после меня поцеловали на кладбище. Я бы не назвала это ничем хорошим. Скорее, тревожным.

Ривер пожал плечами.

— Неведение — благо. Почему бы просто не сесть в сторонке и не смириться с надвигающимся? Это вариант, понимаешь? Ты можешь просто проигнорировать все вопросы, занимающие место в твоей светлой головке, и пойти со мной в постель. Позволить мне обнять тебя и заснуть крепким сном. В неведении. Мне — без кошмаров, а тебе — без ответов.

Я задумалась об этом. Серьёзно. Но лишь на пару секунд.

— Нет. Я хочу знать, что происходит.

Ривер вздохнул.

— Ладно. Но помни — ты сама так решила. — Взгляд его карих глаз встретился с моим. — У меня есть тайна, Вайолет. Я могу делать то, чего не могут другие люди.

— Я вся внимание.

— Это... это называется сиянием, — ответил он, его глаза снова широко распахнулись и посерьёзнели, как тогда на чердаке. Но при этом его губы изогнулись в хитрой улыбке, как обычно, и я не знала, чему верить. Ривер продолжил: — По большей части потому, что оно заставляет меня *сиять* в процессе. Внутри. Снаружи. Похожее чувство появляется, когда ты спишь — тебе снится замечательный, захватывающий сон, а затем ты просыпаешься, на тебя

светят лучи солнца, ты потягиваешься, и тело приятно покалывает. Вот у меня те же ощущения, только в тысячу раз лучше.

Он замешкал на секунду, а затем добавил:

— У меня те же ощущения, когда я целую тебя, Ви. Чтобы ты понимала, ничто, *ничто* никогда не было для меня столь же приятно, сколь сияние. Думаю, тебе стоит это знать.

Он пролепетал эти слова так быстро, будто стыдился их. Но тут его лицо приобрело стандартное озорное выражение, да так быстро, что я снова засомневалась, какое же из них было напускным. Кроме того, мой разум всё ещё цеплялся за слово «сияние», и все мысли путались. Я прижала руки к голове, чувствуя, что сейчас мой череп треснет, как переспелая слива, сжатая в кулаке.

— *Сияние*, Ривер? *Что* это такое? Какого чёрта?!

Он взял меня за руку и положил её себе на сердце. Я замолчала. Почувствовала его биение — жаркое и сильное, и, без моего на то согласия, мне стало лучше.

— Давай я покажу тебе, — его ладонь легла поверх моей, продолжая прижимать её к груди. Ривер напряжённо посмотрел на меня.

И я увидела его.

Дьявола Джека.

Он стоял за Ривером, его крупное тело выходило из темноты, на бледном лице светились красные глаза, острые, как нож. Он был тощим. Даже слишком. Под остроконечной чёрной шляпой виднелись одни кости да тени. От него разило злом, как термоядерным одеколоном. Мне не хотелось пропитаться им. Я знала, что должна пошевелиться, но тут демон начал наклоняться к Риверу, его верхняя губа изогнулась в рычании, белый воротник задевал ухо парня, светящиеся зубы обнажились и приближались, приближались к лицу Ривера...

Я закричала.

Парень не двинулся с места. Даже не обернулся. Дьявол начал исчезать, исчезать, исчезать, пока вместо него я не обнаружила угол гостевой кухни и чернильную темноту.

— Знаешь, это ведь ты вдохновила меня на него, — спокойно сказал он, даже немного задорно. — Когда мы впервые встретились, ты читала короткие рассказы Готорна. Молодой Гудман Браун видит Дьявола в лесу. Хорошая история.

— Пуританская одежда. *Вот* о чём говорил Джек! — Поначалу я даже не была уверена, что сказала это вслух; мой разум буквально кричал, и я не слышала собственного голоса.

Но Ривер кивнул.

— Я хотел, чтобы мой Дьявол был окутан в грех, но дети не знают, как он выглядит. Потому выбор пал на традиционного Готорна — одежда в стиле «Алой буквы», змеиные элементы из короткого рассказа. Красные глаза я добавил сам. Подумал, что так будет выглядеть эффектней. — Пауза. — В случае с Блу... это тоже твоя заслуга, Ви. Меня вдохновила та легенда, которую ты рассказывала по дороге. Естественно, пришлось импровизировать, я ведь понятия не имел, как должен выглядеть сумасшедший житель туннеля, поедающий крыс. Следовательно, я придумал зубы в шерсти. Как же я собой гордился! Неплохо вышло, не так ли?

Я вырвала свою руку и попятилась. Моё тело дрожало, а в глазах поплыли чёрные пятна. Мне вспомнилась Саншайн, её крики, как она потеряла сознание и упала на землю. Теперь я *в точности* понимала, как она себя чувствовала. Это страх. Кусаящий, царапающий, воющий, скрипящий, обжигающий страх.

— Кто ты такой, чёрт возьми? Кто ты такой, Ривер?! — я качала головой и подбиралась ближе к двери, пытаясь побороть желание убежать — это будет выглядеть глупо, а я даже сейчас не хотела выглядеть глупой в его глазах.

Он пожал плечами.

— Монстр. Святой. Ни один из них. Или что-то среднее. Я много времени думал об этом и пришел к выводу... что это я. Я — Ривер. Вот и всё. Я мог вызывать у людей галлюцинации с четырнадцати лет — не знаю, почему. Одно известно наверняка — я не злой. — Он замешкался. — Но и не думаю, что меня можно назвать хорошим. Я тот, кто я есть. И использование сияния на людях делает меня счастливым. Это как... наркотик.

Парень отвернулся и уставился в море.

— Наркотик, который вызвал у меня привыкание, — тихо добавил он, словно не хотел, чтобы я слышала. Но это только так кажется. Затем он вновь повернулся ко мне: — Вайолет. Положи свою руку мне на сердце.

Ривер шёл вперёд, пока не оказался напротив меня. Он взял меня за дрожащую руку и вернул её на свою тёплую грудь. — Подержи её здесь с секунду.

Затем он прижал меня к себе. И поцеловал. Мою шею, щёки, губы. Под моей ладонью его сердцебиение ускорилося, а кожа нагрелась.

— Видишь? — прошептал он на ухо. — Поцелуи с тобой будоражат меня не хуже сияния. Моё сердце ускоряется, а кожа воспаляется. — Пауза. — Похоже, я нашёл ещё одну вещь, от которой не могу отказаться.

Он отклонился, чтобы я смогла увидеть его лицо и прочитать в нём правду. Но оно не выдавало никаких эмоций. Его глаза казались честными и искренними, а рот изогнулся в хитровой ухмылке — в итоге, я ничего не добилась.

— Как это работает? Ты просто представляешь монстра и заставляешь людей увидеть его?

Ривер пожал плечами.

— Где-то так.

Я задумалась на секунду.

— Но почему? Зачем это тебе?

— Потому что я могу, — снова пауза, его лицо ничего не выражало — чистое, как море после бури. — И потому что я должен.

— Так ты... напугал детей на кладбище, мой город... Джека, Изобель, Саншайн, всех... просто потому, что *можешь*? Потому что от сияния тебе так же приятно, как от поцелуя? Или ты это делаешь, потому что действительно не можешь остановиться, как от наркотика? Как от курения, опиума и джина? Что из этого?

— И то, и другое. Не знаю. Это сложно, — он улыбнулся, и его лицо внезапно оживо. Озорное и беспечное, как у ребёнка с тайной, лежащего в цветочном поле под голубым небом. — Что ж, не буду обременять тебя деталями. Пока что, по крайней мере. Я слишком радостный и сонный, и, чёрт возьми, возбуждённый. Пошли в кровать со мной, Ви.

Я уставилась на дырку в крестьянских штанах Ривера, на показавшуюся загорелую кожу, и не решилась встретиться с ним взглядом.

Монстр.

Незнакомец.

Бог.

Вот эти три слова приходили на ум, пока я впитывала новую информацию. И «бога» я

подразумевала как римского. Может, Ривер был один из них.

— Кого ещё ты заставлял сиять? — наконец спросила я. — Помимо Саншайн, Джека и его друзей? Были ли у Люка галлюцинации из-за тебя?

— Пока нет. Я оставляю право решать за собой.

— Кого ещё? Помимо жителей Эхо?

— Всех.

Я скривилась.

— Скольких? Скольких людей?

— Сотни. Или тысячи.

— О, — моё сердце забилося быстрее, быстрее, чем когда Ривер меня поцеловал. Как при кошмаре. Как когда твоя жизнь на грани.

— Но не тебя, — добавил он, словно прочитав мои мысли.

И тут у меня появилась идея.

— Ривер, ты можешь читать мысли? Если ты можешь залезть в чью-то голову и заставить видеть монстров, было бы логично, что...

— Нет, Вайолет, — перебил он. — Я не читаю твои мысли. Да и других тоже. Ну, по крайней мере, *не совсем*. Иногда до меня доходят ошмётки информации. Но очень редко. С детьми легче, такими, как Джек. Но не со взрослыми.

— Так ты можешь навивать только монстров? Сияние заставляет людей видеть лишь их?

Ривер покачал головой. Затем коснулся пальцами моего горла, где бился пульс. Я дважды вздохнула, и после этого Ривер... изменился. Исчез. На его месте оказалась мама.

Мои глаза наполнились слезами. Я ничего не могла с собой поделать. *Понимала*, что она ненастоящая, но всё равно велась на этот трюк. Она была *здесь*, прямо передо мной, её безупречная кожа и длинные прямые волосы, её широкая улыбка и одновременно радостное и усталое лицо. Так она выглядела в последнюю нашу встречу, перед отъездом в Париж с папой.

Прошло так много времени... Месяцы. Много месяцев.

— Мама, — у меня ломался голос.

Затем мужской голос ответил:

— Чёрт!

И передо мной снова предстал Ривер.

— Прости за это. Нужно было догадаться, что образ мамы расстроит тебя. Видишь, *поэтому* я придерживаюсь монстров.

Я пронзила его взглядом. Из глаз текли слезы, и я была очень зла.

— Ривер, это очень жестоко! Я уже перестала скучать по ней, но тут ты возвращаешь её, и я снова скучаю!

Он стал ближе и коснулся меня рукой в утешительном жесте. Я не сбросила её, как того хотелось. Потому что мне внезапно стало лучше.

— Не злись на меня. Больше я так делать не буду. Просто хотел подтвердить свои слова. Легче простить кого-то за лёгкий испуг, чем за горькие слезы.

Мы молчали с какое-то время.

Парень посмотрел в окно, как делал всю ночь. Его руки были упёрты в столешницу, волосы лезли в глаза.

— Джек хотел, чтобы я повторил фокус, — сказал он, не глядя на меня. — Показал ему

Дьявола. Ему понравился мой маленький трюк. Не знаю, как этот паренек понял, что происходит, но тем не менее. Перед «Касабланкой» я сказал ему, что Дьявол любит посещать кладбище ночью, и он пошёл на разведку, как я и планировал. Умное дитя. Позже я пришёл к ним, перевоплотившись в Дьявола, и, ну, веселился, веселился, веселился.

— Что насчёт Изобель? — спросила я.

— Да, точно, Изобель. Придя на кладбище, я обнаружил её у входа с маленьким хула-хупом. Я спросил, знает ли она место, где можно спрятаться, и она рассказала мне о домике на дереве. Затем попросил, чтобы она спряталась там на какое-то время. Это была часть игры. Не думал, что она просидит там так долго. Пару часов максимум, но...

— Ты подверг её сиянию?! Но она же *маленькая*! Ты заставил её сидеть в домике в одиночку? Ладно всё остальное, те поступки не так ужасны, Саншайн, наверное, этого заслуживала. Но Джек и *Изобель*? Ривер, это плохо. Очень плохо. В стиле Дьявола. Фредди бы...

В мгновение ока он оказался рядом. Его руки обхватили меня, лицо закопалось в волосах, и я тут же успокоилась. Спокойствие, спокойствие, спокойствие.

— Ви, Ви, тише. Что плохого из всего этого вышло, включая ситуацию с Изобель? — шептал он, касаясь губами моего лба и прижимая ладонь к спине. — Твоя соседка увидела сумасшедшего в туннеле, вместо ожидаемого поцелуя. У горожан был самый интересный денёк за последние сотни лет... твой брат был в восторге. А нам с тобой довелось увидеть полное кладбище детей с колями. Это... весело.

— Весело?

— Да.

Вот теперь я его боялась. По-настоящему. Какой хаос организовывал в мире этот мальчик с его... с его *сиянием*, если у него было такое представление о веселии?

Тем не менее, я не выбралась из его объятий.

Правой рукой Ривер игрался с длинным ожерельем из искусственного жемчуга, найденным мною на чердаке — его костяшки задевали мой живот, вызывая волны приятного ощущения внутри. Стоило бы оттолкнуть его. Закричать или даже заплакать, попытаться убежать. Но я не стала этого делать. Я просто... позволила ему решать.

Ривер снова меня поцеловал. Мы целовались. И целовались. Я подняла руки по его спине, а он водил пальцами по жемчугу, задевая все участки моей кожи на пути. Мы дошли до кровати.

Он снял сельскую рубашку, но оставил красный платок вокруг шеи. Затем снял моё ожерелье и положил его на тумбочку. Нежно и аккуратно достал шпильки из моих волос, которые волной упали на плечи. Потянулся мне за спину и расстегнул молнию на платье. Оно скользнуло на пол. Я была голой до талии, да и ниже на мне было минимум одежды. Ривер с секунду разглядывал меня, и я вздрогнула в лунном сиянии, проникающем сквозь окно. Один вдох. Два. И его руки снова оказались вокруг меня.

Я не знала, что произойдёт дальше, да и не особо об этом задумывалась. Но Ривер просто укутал нас в одеяло, поцеловал мою нагую спину, провёл губами по позвоночнику и тихо пожелал мне спокойной ночи на ухо.

Не прошло и пары секунд, как он уснул.

Я — нет.

Я проснулась парой часов позже. Рассвет всё ещё выглядел как огонёк в глазах ночи, зато полная луна освещала всё вокруг. Например, моё полуголоое тело, свернувшееся под боком Ривера Уэста. Он не отпускал меня даже во сне. Его грудь была прижата к моей спине, губы — к плечу. Я боялась пошевелиться и просто лежала, думая о своём.

О том, что мир был полон загадок и волшебства, ужасов и любви.

О том, как Ривер напугал меня до чёртиков. Потому что он, как мне казалось, злой.

Он мог бы творить поистине ужасные вещи своим сиянием. Наверное, этим он и занимался. Чем-то похуже, чем запугиванием Саншайн и маленьких детей.

И тут, пока я лежала и прислушивалась к шуму волн вдалеке, меня осенило. Ривер делал так, чтобы люди видели монстров. И уехавших матерей. Что ещё? Что ещё он мог заставить нас увидеть?

Или почувствовать?

Мне даже думать об этом не хотелось. Это значило, что Ривер... не просто лжец. А нечто гораздо хуже.

Это также значило, что я — идиотка.

Я выскользнула из его объятий. Он не проснулся. Бесшумно надела платье, прокралась в коридор и вышла из гостевого дома. Холодный ночной воздух жалил кожу. Меня передёрнуло. Я пошла по участку, мимо оранжереи, мимо теннисного корта, мимо лабиринта, и вошла через задний ход в Ситизен.

В доме было не теплее, чем на улице. Я оставила кухонные окна открытыми. Затем поднялась по мраморным ступенькам, мои босые ноги покалывало от холодного камня. Поднявшись на второй этаж, я пошла в спальню Фредди. *Мою* спальню.

На краю кровати сидел Люк. Он облокотился на колени и потирал себе виски. Одна из ламп была включена, но она была такой старой и слабой, что тусклый свет едва освещал что-то дальше подушек. Когда я зашла, Люк поднял голову.

— Где ты была? Чёрт возьми, Ви! Я сижу тут уже несколько часов!

Я взяла плед с одного из кресел и накинула его на плечи.

— Я была с Ривером. Уверена, ты это и так знал. А что такое? Что-то случилось?

Я села рядом с ним на кровать и натянула одеяло на его босые ноги. Люк обернулся, и я увидела, что он напуган. В его округленных глазах читалась паника и страх-страх-страх.

— «Ищите меня при луне». Так она сказала. И так она и появилась.

— Правда? — спросила я. Внезапно по моим рукам пробежали мурашки, а голова начала зудеть, как часто бывало, когда я пугалась.

— Правда, — брат покачал головой и вздрогнул. — В одну секунду в комнате не было ничего, кроме лунного света, проникающего сквозь окно, а затем я моргнул, и появилась она. Десятилетняя девочка с длинными волосами. Я мог видеть сквозь неё, словно она сама была лунным сиянием, словно она была сделана из него. Она улыбнулась мне, и, по-моему, я закричал, но потом... — Люк сглотнул и заговорил быстрее. — Но потом она оказалась прямо передо мной и провела своими маленькими лунными пальчиками по моей щеке. Я больше не мог кричать и просто уставился на неё. Её глаза были похожи не на луну, а на чистое чёрное ночное небо, без белков, без цвета. Она приложила ладонь к моему рту, и я почувствовал, как по моему горлу течёт лунный свет, быстро и мощно, и мне показалось, что

я сейчас утону.

Люк наконец-то сделал вдох. Его грудь быстро подымалась и опускалась. Я схватила его за руку и сжала её, думая обо всём, на чём не могла сосредоточиться в тот момент.

— Я закашлялся, — продолжил он, — и захлебнулся лунным светом, который на вкус как масло и сталь, соль и туман. А затем, стоило мне подумать, что она убьёт меня, высосет воздух из моих лёгких и сделает меня тоже призраком, девочка подняла руку и... исчезла. — Он повернул ко мне голову, и его глаза орехового цвета были такими невинными, такими доверчивыми и перепуганными, как у маленького ребёнка. — Это же был сон, да, Ви? Самый страшный сон в моей жизни, но всё же сон, правда?

Я подумала о Ривере, о том, что он мне рассказал, и как он «оставлял право решать за собой», когда дело касалось Люка, хотя решение уже было принято. Возможно, он пугал его в то же время, пока разговаривал со мной.

Лжец. Чёртов лжец.

Я посмотрела на брата, на его испуганное выражение, и почувствовала, словно не могу дышать. Ривер. *Ривер.*

«Дыши, Вайолет, дыши».

Люк взял плед и накинул себе на плечи, чтобы мы грелись вместе.

— С тех пор, как появился Ривер, в городе начали происходить странные вещи. Тебе так не кажется, Ви?

— Да, это странно.

Мне хотелось рассказать ему о Ривере и сиянии. Очень. Но если я поделюсь с ним, если поведаю о детях на кладбище, о Саншайн и Блу, о причине, по которой призрак Тру пытался утопить его во сне лунным сиянием... Люк наверняка прогонит Ривера. Я ему не доверяла. Даже начинала ненавидеть. Но я также не хотела, чтобы он ушёл. Не хотела возвращаться к обыденной жизни в компании Люка и Саншайн, снова смотреть, как они целуются, пока я тихо сижу рядом. Я ещё не знала, чего хочу, но точно не этого.

Люк снова вздрогнул.

— Иногда на меня накатывает жгучее желание взять вилы и прогнать этого парня из города. Но стоит мне его увидеть, как это чувство пропадает. Тем более... тебе с ним весело, а я никогда прежде не видел, чтобы ты интересовалась парнем. Так что я не знаю, что делать.

— Хочешь поспать у меня на диване? — спросила я. И не только ради Люка. Мне вдруг перехотелось оставаться одной, в моей огромной спальне, в чёртовой темноте. — Я часто спала на нём, когда тут жила Фредди. Всякий раз, как мне снились кошмары, я бежала сюда, и она давала мне одеяло с подушками. Я засыпала на диване, и всё было хорошо.

— Да, я помню, — у брата одновременно было смущённое и серьёзное выражение лица. — Я не могу вернуться к себе в комнату. Просто не могу.

Потому я дала Люку три старых пледа и одну из своих подушек, укутала его, и он заснул за десять секунд. Я думала, что у него уйдёт на это гораздо больше времени, но нет. И стоило моему телу коснуться простыни, как я тоже уснула мёртвым сном.

Когда я проснулась, Люка уже не было, зато надо мной стоял Ривер. У него был чистый и бодрый вид. На нём была свежая одежда, а в руке — чашка с горячим кофе.

— Ты ушла ночью, — сказал он. — Почему?

— Мне нужно было обдумать всё, что ты рассказал. В одиночестве.

Парень кивнул, словно ожидал такого ответа. Затем сделал глоток эспresso. Я повернула голову и увидела новую фигурку на тумбочке. На сей раз это была рыбка. Рыбка из стодолларовой купюры.

— Я не слишком-то гордая, — сказала я, хоть меня и начало преследовать ощущение, что это не так. — И не собираюсь заставлять тебя забирать их обратно.

— Это всего лишь закладка, — Ривер пожал плечами и сделал глоток кофе. — Ну что, ты достаточно надумалась, чтобы пойти со мной в Эхо? Я хочу повидаться с Джеком. Убедиться, что у него есть чем завтракать и чем заняться сегодня. Знаешь, у меня ведь нет младших братьев или сестёр... но мне нравится чувствовать ответственность за кого-то.

«Было бы Дьяволу не всё равно, есть ли что покушать мрачному рыжеволосому мальчишке?». «Да, — ответил голос Фредди. — Особенно если бы он знал, что за это он понравится тебе ещё больше».

— Ладно, — сказала я, игнорируя этот голос, засовывая его в глубокий, пыльный уголок своего сознания, где о нём можно будет забыть на какое-то время.

Ривер уже принял душ и ходил в льняных брюках кофейного цвета, белой футболке, как у Джеймса Дина, чёрно-белых брогах и панамке — возможно, его, а, возможно, найденной вчера на чердаке.

Я надела мамин комбинезон для рисования. Она нашла его в оранжерее после того, как нам пришлось уволить садовника. Он был весь залепан разноцветными красками.

Мы с Ривером пошли в город. По пути, как раз когда мы дошли до туннеля, я остановилась и посмотрела на него.

— Вчера у Люка был ночной кошмар.

Ривер засмеялся. Закинул голову назад и засмеялся!

— И как, ему понравилось?

— Он чуть не подавился лунным светом от руки десятилетней мёртвой девочки. Так что нет, не особо, — я начала чувствовать напряжение в лице, словно кто-то ущипнул меня за него. Так бывало, когда я злилась — обжигающей, пламенной, адской яростью, — и пыталась это скрыть.

Ривер всё равно заметил. Он обхватил меня руками и притянул к себе.

— Прости меня, — сказал он и посмотрел так, словно говорил всерьёз, насколько ему можно было доверять. То есть, вообще никак. — Я не смог удержаться, особенно после случая со спиритической доской. Ситуация словно была создана для меня. Кроме того, меня бесит, как он с тобой иногда обращается. Было приятно немного поиздеваться и над ним.

Я подняла взгляд на Ривера. Его кожа светилась в утреннем солнце и пахла свежестью и солью, как море. Его волосы ещё не высохли после душа и казались почти чёрными. Внезапно моя злость... испарилась.

— Поэтому ты это сделал? Чтобы наказать его? А как насчёт Саншайн? Зачем ты так с ней поступил?

— Она тоже плохо с тобой обращается.

— Ривер, ты её даже не знал, когда использовал на ней сияние в туннеле.

— Это правда, — он снова рассмеялся. — Послушай, Ви, дело в том, что я страдаю от прискорбной необходимости в справедливости. Да, мне нравится ощущать сияние. Да, мне трудно себя остановить. Но я также не могу просто стоять и смотреть, как люди плохо относятся к тем, кто этого не заслуживает. Это мощная сила. Возможно, даже более мощная, чем сияние. — Он замолчал на секунду, и блеск вернулся в его глаза. — Но я также любитель попоказничать. Так что, если выбирать между двумя вариантами...

На моём лице была написана ненависть, но Ривер делал вид, что не замечал.

— Поэтому ты осиял Джека и ту девочку Изобель? Потому что любишь проказничать?

Парень перестал улыбаться.

— Этим... я не горжусь. Честно слово. Всё зашло слишком далеко. Я это понимаю.

Я ни на секунду не поверила, что он сожалел о содеянном. Но мне этого *хотелось*.

— Просто не делай так больше. Ни с кем. Я серьёзно, Ривер.

Он кивнул.

— Я и не планировал.

Мы зашли в магазин и купили бананы и свежие булочки с шоколадом на завтрак. Женщина за прилавком улыбнулась, когда Ривер платил за еду. Милая улыбка. Искренняя. Ривер улыбнулся в ответ. И я вспомнила о том, что сказал Люк на чердаке. Что никто в городе с нами не общается. Впервые за всё время я задумалась, не сами ли мы в этом виноваты.

Может, мы действительно снобы? Мы жили в большом доме, и наши предки были великими людьми, но деньги закончились, а Ситизен едва не разваливался. Тем не менее, мы продолжали держаться особняком. У родителей были друзья, которые иногда навещали в Эхо, но они никогда не дружили с людьми из собственного города. Папа однажды сказал, что единственное, что ему наскучило, это скучные люди, а в Эхо живут только такие. Вспоминая эти моменты, я гадала, не было ли ему просто стыдно, что мы не можем заплатить по счетам за отопление.

Я глубоко вдохнула и улыбнулась женщине. Она тоже улыбнулась. Это было приятно.

Ривер показал мне, где живёт Джек. Дом находился на тупиковой улице рядом с большой кирпичной коробкой ненависти, в народе величаемой школой. Меня аж передёрнуло, когда мы проходили мимо. Мне хотелось обучаться на дому, как папа, но мы не могли себе этого позволить.

Я не знала, хватит ли мне сил вернуться в школу осенью, если родители не приедут. Люк увлекался спортивными играми и общался со спортсменами — по крайней мере, во время учебного года. У меня же была только Саншайн, а Саншайн... это Саншайн.

Наверное, мне стоило бы вступить в какой-нибудь кружок, например... театральный. И в клуб пчеловодов. Может, не нужно было проводить всё свободное время с книгами? Или следовать за девяностолетней бабулей, которая любила поговорить о Дьяволе?

Я внезапно почувствовала себя старой. Очень старой. Как Фредди. Я прижала ладони к лицу, но мои щёки всё ещё были гладкими, мягкими, юными.

Ривер покосился на меня, и я опустила руки. Мы пришли к дому Джека.

Он был маленьким, с отслаивающейся краской и грустной аурой, как забытая игрушка, оставленная под дождём. Мы подошли к двери и постучали. Я приготовилась улыбаться, так как ожидала увидеть серьёзное лицо Джека за дверью.

Вместо него нам открыл мужчина. Он был высоким и тощим, с седыми волосами и тёмными кругами под глазами, как у истощённых вокзальных бродяг в 30-х годах. Но его утончённые, правильные черты лица имели приятную, городскую грацию, которую было не скрыть даже за синяками и выступающими костями. Когда-то давно он был очень красивым. На нём были грязная жёлтая рубашка и коричневые шерстяные штаны. Помятый жакет от костюма валялся комком в коридоре.

Это был Даниэль Лип — тот пьяница, который любит рассказывать на каждом углу всё, что он думает о моей семье, мужчина, испортивший нам вид в первый день с Ривером, когда мы пили кофе. И меня внезапно осенило. Я поняла, почему Джек одинок. Почему он такой тихий.

Даниэль Лип стоял со стаканом янтарной жидкости, обхватывая его длинными пальцами. Полагаю, он пил бурбон. В его второй руке была зажата иголка с длинной чёрной нитью. У него были большие глаза, как у Джека, вот только у мальчика они выглядели пронзительно, меланхолично, а у него — потеряно.

— Джек дома? — спросил Ривер. Его выражение лица отражало моё. Удивлённое. Недоумённое. Обеспокоенное.

— Чего вам от него надо? — голос у мужчины был хриплый и тихий, но с нотками вызова. Не успел Ривер ответить, как в дверном проёме появился сам мальчик.

— Привет, Ривер. Привет, Вайолет. Знакомьтесь, это мой папа.

Даниэль переводил взгляд с сына на нас. Затем наклонился вбок и отпихнул Джека. Легонько, но не ласково.

— Помолчи, Джек.

Последовала длинная пауза. Даниэль сделал глоток из своего бокала, а мы наблюдали за ним, не произнося ни слова.

— Так что вам нужно от моего сына? — спросил он и улыбнулся. — Хотите выкупить его? Вы, богатенькие, любите так делать, не так ли? — его взгляд остановился на мне. — Да, я знаю, кто ты, Вайолет Уайт. Моя семья жила в Эхо столько же, сколько и твоя. Только мы не живём в особняке у моря. Нет, мои предки жили и умирали в трущобах, — он рассмеялся, тихо и хрипло. — Только посмотри на себя! Приходишь в мою дыру, пытаешься купить моего сына. Хочешь арендовать его в качестве товарища по играм, как в книге Чарльза Диккенса? Да, я читал её. Я умею читать.

Он сделал щедрый глоток виски и осмотрел меня с головы до ног, с башмаков до бровей, пока я не начала переминаясь с ноги на ногу. Это что, шутка какая-то?

— Нет, я не хочу покупать вашего сына. Мы просто хотим...

Я посмотрела на Джека. Он цинично ухмылялся — я такого не ожидала. Мальчик привык к тому, что его папа выставляет себя дураком. Я перевела взгляд на Даниэля Липа. Интересно, он хоть знает, насколько умный его сын? Знает, что он его не боится?

Даниэль начал возиться с иголкой. Он пытался пришить пуговицу обратно к рубашке, при этом не снимая её и держа во второй руке стакан. К тому же, обе его руки тряслись.

— Я всё утро пытаюсь её пришить.

Казалось, он уже забыл про Диккенса и арендованных товарищей.

— Можно подержать ваш напиток? — вежливо поинтересовался Ривер.

Мужчина пожал плечами и отдал стакан. Ривер наклонил его и сделал щедрый глоток. Мои брови поднялись до чёлки. Зачем Риверу дешёвый бурбон мистера Липа? Он ведь не пьёт.

Даниэль, освободив правую руку, воткнул иглу в среднюю пуговицу жёлтой рубашки. Я дёрнулась, испугавшись, что он уколёт себя. Джек смотрел на это с секунду, затем забрал нить из рук отца, повёл его к стулу у двери и осторожно усадил.

Мы с Ривером молча наблюдали за этим. Когда Джек закончил, он обернулся и многозначительно посмотрел на Ривера. Тот вылил виски и оставил стакан на земле.

* * *

По возвращению домой мы с Ривером пошли искать Люка. Я хотела, чтобы он извинился перед братом. Но это значило, что ему нужно будет объяснить про сияние, а это не самый лёгкий разговор.

Я заметила, что дверь в сарай открыта. Он был меньше, чем кажется, исходя из названия. На самом деле это небольшое белое здание с парочкой окон. Повсюду стояли банки с краской, маленькие табуретки, мольберты, кисти, холсты и реквизит для натюрмортов — кувшины, бокалы, бутылки вина, искусственные фрукты, свечи и человеческий череп.

Внутри рисовал Люк. У него было два холста: один с белой основой, а второй — с чёрной.

— Я хочу нарисовать диптих, — сказал он, не отрываясь от коробки с краской. — Немного импрессионизма с налётом викторианской прихоти. На чёрном холсте, — он указал себе за спину, — будет девушка на пляже с глубокими, усталыми глазами, в яркую лунную ночь. На ней будет старомодный купальник, знаете, с шортами и поясом, как у тебя, — он покосился на меня. — Нарисую ещё парочку случайных предметов в перспективе, какую-нибудь рыбу или кита. И — это *изюминка* — в руках она будет держать собственную тень, словно та больна и нуждается в помощи. На белом холсте будет та же девушка на пляже, но уже в дневное время, с той же тенью. Это метафора. Знаешь, девочка чувствует себя тенью, будто её не существует. Экзистенциальный кризис и всё такое, — он быстро посмотрел на меня, а затем вернулся к картинам. — Можешь помочь мне с белым холстом, если хочешь.

Я промолчала. Но мне было чертовски приятно, что брат вновь взялся за рисование, и Ривер это понял, так как он подмигнул мне за спиной Люка.

Я посмотрела на солнечный свет, льющийся сквозь маленькие окошечки, на незаконченные картины родителей, на залитый краской пол, на Люка, сосредоточившегося на мольберте перед ним. Вдохнула слабый, горьковатый запах скипидара, масляный аромат краски, свежий морской воздух. Может, я была права, когда решила перестать рисовать.

Мой взгляд остановился на незавершённом портрете моей мамы. Это был не автопортрет. Этот длинный нос, эти мечтательные глаза были нарисованы папиной рукой. Я всегда могла их различить. Его мазки были резкими, чёткими, цвета темнее, чем у мамы. Она была Шагалом, Ренуаром. А отец... ну, он был собой. Полагаю, из них двоих — он был настоящим художником.

Ривер прогуливался и разглядывал старые картины. Он был стройным, красивым и улыбающимся. Но стоило на него посмотреть, как моё чувство умиротворения исчезло без следа. Наш разговор с прошлой ночи не давал мне покоя, нависал надо мной и закрывал

вполне настоящий, вполне тёплый солнечный свет в комнате.

Я представила Дьявола с красными глазами, вырастающего у него за спиной. Голова снова начала зудеть, и я вздрогнула, словно от холода, хотя это было не так. Ривер заметил. Я знала. Но ничего не сказала. Он просто наклонился, взял коробку засохших акриловых красок, сунул её под мышку и указал на самый большой холст в сарае.

— Этот свободен? Мой художественный талант слишком велик, чтобы быть запечатлённым где-либо ещё, кроме как на самом большом холсте. Это же холст называется?

Холст, который он выбрал, был предназначен для семейного портрета. Мама ещё с моего детства любила говорить о том, что нарисует нас вчетвером. Много лет назад она принесла этот холст. С тех пор он оставался нетронутым.

— Конечно, — ответила я, не глядя ему в глаза. — Он твой.

Ривер положил коробку и огляделся, пока не нашёл банку домашней краски, которой родители иногда подготавливали холст. Он открыл крышку, хорошенько встряхнул её и макнул руку внутрь. Когда он её вытащил, с неё стекала жёлтая краска.

— Джексон Поллок, — улыбнулся он. — Только так и надо рисовать.

Он замахнулся кулаком на холст и раскрыл его в последний момент, разбрызгивая желтую краску.

Я взяла кисточку.

Ривер использовал три банки краски, отдавая должное Поллоку. Синие, жёлтые и чёрные пятна покрывали весь холст. Я смотрела на него с какое-то время. Ривер подошёл ко мне сзади и положил руку, всё ещё влажную от краски, мне на поясницу, добавляя цвета маминому комбинезону.

— Это твой портрет, Ви. Синие глаза, жёлтые волосы, чёрные помыслы.

— Вот почему он такой уродливый, — рассмеялся Люк. Громко.

— Не переноси свою ненависть к Поллоку на новичка, — сказала я, подходя к крошечной раковине, чтобы помыть кисточки. — Люк считает абстрактный экспрессионизм... ну, дерьмом. Мама тоже. Но это естественный потомок...

— Пицца, — Люк встал и потянулся. — Мне нужна пицца, прежде чем я услышу речь Ви об искусстве.

— И мне, — это уже отозвалась Саншайн, стоявшая в дверном проходе со стаканом ледяного чая.

— Где ты была сегодня? — спросила я. — Мы тут создавали великие произведения!

Я отошла и посмотрела на картину Люка. Затем на свою. И нахмурилась. Почему он рисовал, как я, а я — как он? Мы же совершенно разные! Но мои линии велись, заворачивались и плотнели точно так же, как и его. Мазки были быстрыми и короткими, как и его. Это... меня беспокоило. Наводило на мысль, что мы с Люком не так уж и отличаемся друг от друга... будто мы оба двигались в одном направлении, но разными путями.

— Родители заставили меня развозить книги, — ответила Саншайн. Медленно и с придыханием — ведь тут был Люк. — Кучке старых домохозяек понадобились их дряные романчики.

— Саншайн, ты самая милая девочка, которую я знаю. Я тебе когда-нибудь говорила об этом?

Она улыбнулась, а затем начала охать и ахать над картиной Люка.

— Так где в этом городке можно заказать пиццу? — спросил Ривер.

— Рядом с главной площадью есть одно отличное местечко. Хочешь пойти?

— Ага, — сказал он, и его глаза заискрились. — Было бы идеально.

— Идеально для чего?

— Увидишь, — ответил он и ухмыльнулся.

* * *

В Эхо была замечательная пиццерия под названием «Лукка», находящаяся на городской площади, напротив кафе. Им владела всё та же итальянская семья — Лучано, Грациелла и их три сына. Судя по всему, готовили в семье мужчины, а Грациелла, по большей части, раздавала приказы и кричала снова и снова: *«аллора, аллора!»*. Как-то раз я спросила её, что это значит, и она ответила, что с итальянского это переводится как «теперь я думаю». Видимо, Грациелле нужно погружаться в глубокие раздумья, чтобы приготовить пиццу.

Мы пришли довольно рано, потому в ресторане было пусто. Люк выбрал столик у окна, выходящего на площадь. Оно было открыто, и нас обдувал лёгкий ветерок. На Саншайн был

розовый облегающий сарафан, и даже я переоделась из своего комбинезона в чёрную шёлковую майку и юбку. Я чувствовала себя красивой. Яркое солнце романтично отсвечивало от Ривера и заставляло его тёмно-коричневые волосы сиять.

«Было бы идеально».

Я осмотрела ресторан, выглянула в окна на площадь и снова посмотрела на Ривера. Он прислонился к дивану, убрав руки за голову и как бы говоря: «Не о чём беспокоиться, Ви... Я самый спокойный парень на свете... и ничего не задумал... ничего не скрываю...».

Его непринуждённость меня раздражала. Но тут я заметила жёлтую краску на его правом предплечье, и моё раздражение... испарилось.

Я заказала песто и маргариту. Пиццу принесли меньше чем через двадцать минут, с тонкой корочкой, местами подгоревшей в печи. Вкуснятина!

Грациелла бродила неподалёку и произносила длинную речь на итальянском, которую никто не понимал. Кроме Ривера — как я и предполагала, он знал этот язык. Он сказал что-то женщине, быстро и чётко, и она рассмеялась. Затем позвала своего тёмноволосого сына, Джанни, отправила его на кухню, и он вернулся с мисками фисташкового мороженого для каждого из нас.

В шестом классе, когда мы делали групповое фото, я стояла рядом с Джанни. И всё то время я не могла отвести глаз от его длинных карамельных рук, едва касающихся моих белых. Даже когда нас попросили посмотреть в объектив, я продолжала пялиться на мальчика. Заметив это, он просто улыбнулся, и с тех пор я питала к нему лёгкую симпатию. Она также подпитывалась тем, что он всегда здоровался, пока остальные ученики полностью меня игнорировали.

Джанни сел рядом с Саншайн и Люком, напротив меня с Ривером. Он положил локти на стол, и Саншайн слегка прижалась к нему, не переставая улыбаться. Но Джанни смотрел на меня.

— Вышел новый выпуск «Свежей чашки», — сказал он. Его английский был превосходным, поскольку вырос он в Эхо, но в голосе всё ещё слышались низкие, эмфатические нотки родного языка.

Я кивнула.

— Видела в кафе. Что нового?

Глаза парня загорелись.

— Кофе-пурвер, *молто бене, молто бене!* Но мама запрещает мне подавать его, даже несмотря на то, что мы жарим тропические кенийские зёрна, которые идеально для этого бы подошли. Но нет, у нас будет только традиционный эспрессо. Потому что мы *итальянцы!* Но я всё равно заказал специальную турку, так что ты просто обязана зайти к нам как-нибудь после работы и попробовать его. Её должны доставить на этой неделе, так что мы могли бы...

— Я Ривер, — он протянул руку через стол. — Новенький в городе. Я живу с Вайолет.

— Снимает у нас дом, — быстро добавила я.

Джанни сделал вид, что не заметил грубого поведения Ривера, и пожал ему руку.

— Я Джанни.

Последовала пауза, и оба парня посмотрели на меня. Я повернулась к окну, стараясь не смотреть ни на кого конкретно. Люк смотрел в ту же сторону, на отражение в стекле, и перебирал свои каштановые волосы, но перестал, когда заметил, что я за ним наблюдаю.

— Вы слышали новости? — спросил Джанни после нескольких секунд в тишине.

— Какие? — поинтересовалась Саншайн. Она засунула ложку с мороженым в рот, а затем плавно вытащила её. — Я не читаю газет. У меня от них голова болит.

Я пнула её под столом, но она меня проигнорировала.

— Что-то странное случилось в Иерусалим Рок. Все об этом говорят, потому что случай немного напоминает то, что произошло у нас на кладбище. Только хуже.

— Где находится этот Иерусалим Рок? — недоумённо поинтересовался Люк.

— Это небольшой городок в двух часах езды на юг отсюда, — сказал Джанни, и его глаза потемнели, лишаясь всяких эмоций. — Два дня назад группа местных жителей встретила в поле за городом и обвинила какую-то женщину в колдовстве. Они привязали её к столбу и закидывали камнями, пока она не потеряла сознание. А затем сожгли, — Джанни замолк и сделал глубокий вдох. — Они посчитали её ведьмой, потому что у неё были рыжие волосы. *Рыжие волосы!* Да что стало с людьми в последнее время? Кто-то подкинул ЛСД в наш колодец?

— Что... что стало с женщиной? — прошептала я, весь воздух словно выкачали из моих лёгких. — Рыжеволосой. Кто-нибудь её спас? Она в порядке?

Джанни покачал головой.

— Нет, Вайолет. Она умерла. Следующей они привязали маленькую рыжеволосую девочку и принялись обвинять её в том, что она ведьма. В их руках уже были зажаты камни, но тут наконец подросла полиция. Ей было всего девять лет. Страшновато, правда?

Никто не ответил. Ривер продолжал смотреть на Джанни, тот — обеспокоенно поглядывал на меня, а я — на Ривера. Внезапно мои руки затряслись, а по телу прокатилась волна дрожи, и меня затошнило.

«Ривер. Сияние. Он уезжал на пару дней. Он мог уехать в Иерусалим Рок и сделать это. Это мог быть он! Кто ещё мог такое сотворить?».

— Джанни, — позвала Грациелла с кухни. — *Ин кучина. Субито.*

Парень снова покачал головой и встал из-за стола.

— Мой вам совет, подумайте о том, чтобы закупиться «Сан-Пеллегрино». Лучше принять меры предосторожности и попить воды из Италии некоторое время.

Джанни исчез за кухонной дверью. Саншайн и Люк разговорились, но я не слышала, о чём. Ривер отказывался на меня смотреть. Он просто сидел и выглядывал в окно. Наши колени соприкасались, и мне вдруг показалось, что оно горит. Я начала отодвигаться.

Ривер напрягся. Отвёл назад плечи и задрал голову. Я замерла и проследила за его взглядом. Снаружи на качели сидел тощий мальчишка с длинными рыжими волосами и ковбойской шляпой. Он наблюдал за мамой, играющей с маленькими близнецами. Продавец попкорна Джимми сидел рядом со своей тележкой, уперевшись подбородком в грудь — видимо, дремал. Счастливая картина! Я глубоко вдохнула с облегчением.

И тут я увидела его. Даниэля Липа — отца Джека. Он был сильно пьян. Мужчина покачнулся, неловко переставляя ноги, дошёл до середины газона и замер, шатаясь из стороны в сторону, высасывая всю прелесть из моего города.

Ривер заёрзал. Он тоже наблюдал за папой Джека. Его глаза прищурились до тонких щёлочек, а лицо выражало... нетерпение. Да такое сильное, что его челюсть напряглась. Это меня пугало. Страх начал цепляться, цепляться, цепляться за меня, как вода за утопающего, пока моё горло не сжалось, и я не подавилась.

Что-то должно было произойти. Саншайн и Люк были заняты друг другом и сидели спиной к окну. Ривер схватил меня за руку под столом, но его кожа оказалась холодной, и

мои пальцы тут же онемели. Я наблюдала за отцом Джека, качающегося посреди площади. Он засунул руку в карман. Достал что-то серебряное, блестящее в тусклом свете солнца.

Поднял руку к шее.

И перерезал себе глотку.

Ничего не происходило. Секунду. Две. Три.

А затем полилась кровь.

Перед его жёлтой футболки мгновенно намок, и её окрас изменился на алый. На её фоне отец Джека казался трупно-белого цвета. Он посмотрел на серебристое оружие в своих руках, словно видел его впервые, и выкинул его. Оно ударилось об тротуар и проехало по дороге.

Мать с близнецами закричала. Две темноволосые девушки завопили. Отец Джека рухнул на колени. Секунда. Две. Затем он повалился набок и уже не шевелился.

Саншайн подпрыгнула от звука криков и выглянула в окно. Её рот приоткрылся от ужаса, и с губ сорвался тихий вскрик. Люк поднялся на ноги и проследил за её взглядом. Его руки крепко сжали край стола.

Мужчина убил себя прямо на моих глазах. Перед всем городом. И Ривер заставил его это сделать. Я знала. Знала с той же уверенностью, с какой чувствовала, что рядом море по вкусу соли в воздухе. Знала с той же уверенностью, с какой узнавала шаги Люка по Ситизену.

Знала с той же уверенностью, с какой чувствовала руки Ривера вокруг меня, когда он спал.

Саншайн продолжала тихо завывать, а меня трясло: ноги, руки, голову. Лицо Ривера ничего не выражало. Вид у него был отнюдь не виноватый. И не пристыженный. Просто никакой. Его рука всё ещё сжимала мою под столом. Я стряхнула её. Встала из-за стола и выбежала из ресторана.

Я остановилась, когда добежала до женщины с близнецами. Она молча смотрела перед собой, прикрывая глаза детям, чтобы они не видели труп. Глянула на зияющую рану на шее мужчины, на пропитанную кровью рубашку, на пропитанную кровью землю. Трава от неё почернела.

Что-то слева притянуло мой взгляд. Бритва.

Ко мне подбежала Саншайн и издала очередной вопль. Вокруг тела начала собираться толпа. Две девушки, продавец попкорна, мальчик в ковбойской шляпе, Люк, Грациелла, Джанни. Я в последний раз взглянула на труп и пошла обратно в пиццерию. Ривер всё ещё сидел за столом. Увидев меня, он улыбнулся, словно ничего и не произошло. Будто всё произошедшее — *пустяк*.

Я ушла. Побрела по дороге через лес к дому. Но, пройдя полпути, я развернулась и пошла обратно по городу, мимо своей школы.

Джека я обнаружила в его пустой кухне, сидящего в темноте и глядящего перед собой, словно он ждал, когда случится что-то плохое. Что ж, случилось.

— Как-то раз я решил сбежать из дома после того, как папа напивался всю неделю подряд, — сказал он, когда я вошла без стука. Мальчик сидел на кресле-качалке у дешёвого деревянного столика. Интересно, свет выключен, потому что ему так больше нравится, или потому, что они не могли оплатить счета? Оба варианта были мне знакомы.

— Сперва я пытался подстроить свою смерть, как Гекельберри Финн, — продолжал Джек. — С помощью свиной крови. Я даже ходил к мяснику и пытался купить её. Но парень задавал слишком много вопросов, и мне пришлось уйти.

Я осмотрела кухню. На стенах были мрачные пожелтевшие обои, а от рисунка в виде розовых цветочков воняло гнилым оптимизмом. Благо, они уже начали отклеиваться. В раковине стояли пустые бутылки, в воздухе пахло сигаретами, пылью и старым мусором. Я сравнила её с кухней Ситизена, с её высокими потолками, большими окнами, жёлтым диваном и свежими продуктами в холодильнике.

— Хочешь уйти отсюда? — спросила я.

Джек кивнул. Затем встал и скрылся дальше по коридору, а когда вернулся, в его руках был рюкзак. Он последовал за мной прочь из дома.

Мы избегали главной площади и шли в Ситизен в молчании, в наших ушах раздавалось эхо сирен скорой помощи. Полагаю, вскоре он узнает о судьбе своего отца. Наверняка мальчик уже догадывался. Образ бледного лица Даниэля Липа и его окровавленной рубашки продолжал всплывать в моей голове. Я мало что знала о детях. Особенно о таких умных, которые всё замечали и смотрели на меня своими синими глазами из-под рыжевато-коричневых волос. У меня до сих пор дрожали руки, а моё сердцебиение было учащённым, *неправильным*, словно моя дрожь выбила сердце с его места, и оно не могло найти путь обратно.

Я отвела Джека на кухню Ситизена. Он сел на диван и наблюдал, как я тру свежий имбирь в два стакана с домашним лимонадом. Фредди всегда так делала, когда я была расстроена. Мы с Джеком сидели на жёлтом диване, грелись в слабом вечернем солнце, попивая острый, сладкий, пряный напиток, и чувствовали себя лучше. По крайней мере, я точно. Не знаю, было ли дело в имбире или в воспоминании о Фредди. Но мой страх немного уменьшился. Хотя, наверное, не стоило ему это делать.

После я проводила Джека в одну из гостевых спален на втором этаже. Она сильно запылилась, но простыни были чистыми... по крайней мере, когда их стелили. Надеюсь, это было не так уж давно. Комната была мужской, с оливково-зелёными обоями, тёмными занавесками, ковром и чёрным кирпичным камином.

Джек осмотрелся и ничего не сказал, но мне показалось, что ему нравится. Он положил рюкзак на кровать и прислонился своим щедедушным тельцем к изысканному резному столбику кровати.

— Это был отец? — спросил он, глядя прямо на меня с поджатыми в тонкую линию губами.

— Да.

— Он мёртв?

Я не отводила взгляда от его синих очей.

— Да.

Я подошла к старой лампе у кровати и включила её. Свет был ярким, жёлтым и наполнил комнату теплом. Благодаря ему стали видны коричневые веснушки на носу и щеках Джека, и его сухие глаза.

Я вытерла рукой пыль с тумбочки.

— Это сделал Ривер?

Моё сердце остановилось. И снова забилося.

— Что ты имеешь в виду?

— Он использовал сияние, чтобы папа убил себя?

Я сглотнула и сделала глубокий вдох. *«Ривер рассказал ему о сиянии?»*.

— Нет. Да. Наверное, да.

Джек молчал с пару минут и просто смотрел на камин, хоть в нём и не горело пламя.

Я подняла взгляд к потолку. Во всех комнатах Ситизена был высокий потолок, и обычно это придавало дому просторный вид. Но сегодня мне казалось, что его высоты недостаточно. Эта спальня, старые сатиновые покрывала, большая деревянная кровать и шесть закрытых окон удушали меня.

— Мне жаль, Джек, — наконец выдавила я. — Я попрошу Ривера покинуть дом. И заставлю его уехать. Навсегда.

Даже говоря это, я знала, что вру. Ничего подобного я не сделаю.

— Ривер просто заботился обо мне.

— Это не оправдывает его поступка, — резко произнесла я и положила руки на худые плечи мальчика. — Что он рассказал тебе о... о своих способностях? О сиянии?

Джек пожал плечами и заправил волосы за уши.

— Ничего особого, только то, что он мог заставлять людей видеть монстров. Но мне кажется, что это не всё, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Ривер — лжец.

— Да, я знаю.

Джек начал разбирать свои вещи. Их было много — судя по всему, он надеялся никогда не возвращаться домой. Я тоже на это надеялась. Я помогла ему разложить всё по местам и принесла зубную пасту. Когда мы добрались до дна рюкзака, мальчик достал небольшую квадратную картинку не больше девяти дюймов.

— Это моего дедушки, — сказал он и прикрепил её к стене над тумбочкой. — Папа продал все остальные картины, потому что хотел пить весь день, вместо того чтобы идти работать. Но я сумел спасти эту.

Автопортрет был нарисован масляной краской. Автор нарисовал себя, стоящего перед холстом с поднятой кисточкой, и белокурую женщину, лежавшую на диване справа. Художник кого-то мне напоминал. Кого-то очень знакомого. Может, Даниэля Липа в трезвом виде.

Или нет.

А женщина на диване выглядела в точности как Фредди.

Я уложила Джека спать, спустилась на кухню и стала дожидаться Ривера.

Первым домой вернулся Люк.

— Даниэль Лип! — вскрикнул он и плюхнулся на диван рядом со мной. Вверх взлетели пылинки и заплясали в последних лучах солнца, проникающих сквозь окно. — Чёрт! И ты увидела эту резню во всей красе, с грёбаного окна пиццерии! Как ты, сестрёнка?

Я просто покачала головой. Люк не знал и половины правды. Брат вздохнул.

— Он был пьяницей столько, сколько я себя помню. Я ненавидел то, как он кричал на нас, но всё же... Он практически был нашей городской достопримечательностью. — Люк развалился на диване и скрестил руки. — Интересно, что подтолкнуло его к этому решению?

— Он был отцом Джека, — прошептала я. — Даниэль Лип. Это был его *papa*. Мы с Ривером встретили его этим утром.

Люк приподнялся.

— Вот чёрт!

— Именно... Я привела Джека к нам. Что ещё мне было делать? Я не могла просто оставить его в полном одиночестве, ждать, пока появятся государственные служащие и засунут его в какой-то богом забытый сиротский дом! Потому я отдала ему зелёную комнату.

Люк внезапно наклонился и обнял меня. Поначалу я не знала, как реагировать. Но, в конце концов, мои руки поднялись по собственной воле и обняли его в ответ.

— Наш отец — козел, который сбежал в Европу и никогда не звонил и не присылал открыток. Но, по крайней мере, он не убивал себя на городской площади, — Люк снова вздохнул, и его плечи поникли. Я грустно улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ, и эта улыбка так сильно отличалась от его обычной самодовольной ухмылки, что брат стал непохожим на себя.

Люк встал, подошёл к холодильнику, достал холодный чай и налил его в два стакана. Затем вернулся на диван.

— Что же стало с миром? Дьяволы, дети на кладбище, охота на ведьм, пьяные самоубийцы на главной площади. Может, наступил конец света? Апокалипсис близко? — он сделал щедрый глоток чая и покачал головой. — Как я и сказал вчера, всё началось с приездом Ривера. Это могло быть совпадением, как и большинство вещей в жизни. Но каковы шансы увидеть, как мужчина убивает себя в центре города, сидя при этом на самой лучшей точке обзора, и это при том, что вчера мы игрались с его сыном на чердаке? *Gospodi!* Я никогда не забуду его кровавую рубашку.

Я вздрогнула. Самой дрожащей дрожью, которая начинается с головы и распространяется к пальцам ног. Вот только дрожь у меня вызвал не образ рубашки Липа или зияющая рана на его глотке. Это был Ривер. Ривер, с нетерпением смотрящий, как Даниэль поднимает бритву к шее.

Последний луч солнца скрылся за окном. На кухне наступили сумерки.

— У Джека есть одна картина, я видела её, когда он распаковывал вещи. На ней нарисована Фредди. Он сказал, что картина принадлежала его дедушке.

Брови Люка взметнулись вверх.

— Вот-вот, — кивнула я.

Он встал с дивана и потянулся.

— Ну, добавим этот пункт к нашему растущему списку загадок. Я иду спать. Джек

наверняка рано проснется. И поскольку он переехал к нам, придётся о нём заботиться.

«И делать это правильно, — говорило выражение его лица. — А не как наши родители». Люк вышел из кухни, и через минуту я услышала его шаги на втором этаже. Наверное, он хотел провести мальчишку.

Я сидела в пустой кухне и пила чай. Уже стемнело. Большая часть комнаты была скрыта в тени. Окна остались открытыми, и меня вдруг охватило чувство, будто кто-то наблюдает за мной с улицы, скрытый во мраке...

Входная дверь распахнулась. Я услышала шаги в фойе, на мраморной лестнице, затем в обеденной, которой мы никогда не пользовались. Они остановились у двери на кухню.

Я помешала льдинки на дне стакана и подняла голову.

Ривер.

Мы не сводили друг с друга взгляда. Глядя на него, у меня появилось жгучее желание прогнать его прочь из Ситизена, в грязь, и бить его по лицу, пока не сотру с него это ленивое выражение. Может, Ривер был прав насчёт меня и моей жестокости.

— Вайолет, помнишь, как мы дремали на этом диване? — он присел рядом со мной.

— Да, это было в понедельник, — я повернулась и посмотрела на большой нож мясника, лежавший на кухонном столе. Люк резал им хлеб, хотя я не раз его предупреждала, что для этого есть специальный зазубренный нож. Я подумала о том, чтобы взять его, о том, как он будет чувствоваться в моих руках, когда я проткну им Ривера между рёбер. Мой разум задержался на этой мысли, и жестокость запела в моём сердце.

— В понедельник? А кажется, словно это было вечность тому назад.

Я проигнорировала его.

— Ну что ж, расскажи, как ты это сделал. И попытайся не врать, лжец.

Ривер перестал улыбаться, но его лицо оставалось спокойным.

— Я заставил его думать, что бритва была шариковой ручкой. А затем — чтобы он провел ею линию по шее, — парень тихо рассмеялся.

Услышав это признание, как он произносит его вслух и делает мои подозрения истиной, я почувствовала, как у меня сжалось сердце. Словно кто-то держал его в кулаке. Он соврал, когда обещал больше не использовать сияние. Прямо мне в лицо.

Я ненавидела его.

По крайней мере, часть меня.

Что же до второй... ей было плевать. И это пугало меня до чёртиков.

Ривер взял меня за руку и прижал её к груди. Я попыталась выдернуть её, но он лишь крепче сжал мне запястье, и... через секунду моя ярость исчезла, да так быстро, как прохладная вода исчезает во рту в жаркий день.

— Тот факт, что оружие было не в твоих руках, не отменяет того, что ты убийца, Ривер.

Он продолжал держать меня за руку. Я снова попыталась выдернуть её, но не в полную силу.

Затем погрузилась в себя. Попыталась вернуть свою ярость. Но бесполезно. Рука Ривера обжигала меня, и это было приятно.

— Не беспокойся, Ви. Я вне опасности. В этом прелесть моих уникальных способностей. Никто в них не поверит. Меня ни за что не поймают.

— Чёрт, это совсем не то, что я имела в виду!

Я откинула его руку и встала, нависая над парнем.

— Дело не в том, что тебя могут поймать. Ты совершил убийство. *Убийство!* Тебе не

кажется, что это неправильно? Совсем? Даниэль был пьяницей, он обижал меня и не заботился о своём ребёнке, но он также был жалким, потерянным, грустным человеком. Нельзя убивать людей, Ривер. *Никого* нельзя убивать! Ради всего святого, лучше бы ты проявил сострадание!

«*Давай же, Ви. Разозлись. Он этого заслуживает. Он этого хочет. Его ленивый взгляд... это вызов, и ты должна на него ответить...*».

Ривер пожал плечами.

— У кого есть на это время? Говоря на языке морали, убийство — довольно двусмысленно. Давай немного пофилософствуем, Ви. Каким бы я был человеком, если бы позволил Даниэлю жить дальше? То, как он говорил о тебе на площади... это было неправильно. Джек был несчастен. Сама согласись, Даниэль *хотел* умереть. Зачем ещё он так часто напивался? А я мог дать ему то, чего он желал, без всякого труда. Некоторые люди не заслуживают жить. Более того, некоторые заслуживают *умереть*. Зачем я родился с этим даром, если не для того, чтобы сделать мир лучше? Да, не спорю, я создаю монстров ради своих прихотей, потому что мне нравится чувствовать сияние. Но отец Джека... это было не ради забавы. А ради Джека. И ради тебя. Да, вышло далеко не идеально. Но вам обоим будет лучше без него, — он прижал ладонь ко рту и зевнул. Разговор ему наскучил. — Ты не можешь этого отрицать, Ви.

Я молчала с минуту.

— Ещё как могу.

Но Ривер... его слова начинали обретать смысл. По крайней мере, они *звучали* логично. Часть меня, остававшаяся в здравом уме, не купилась на его речь. Не совсем. Что-то в ней казалось... неправильным.

Не так ли?

Ривер опустил руки мне на талию и притянул к себе.

— Я ни о чём не жалею. Единственное, что меня смущает, это то, что результат моего сияния становится всё сложнее предугадать. Раньше я был очень хорош в этом. Да что там, всего пару месяцев назад! Но, в последнее время, я не могу перестать использовать его, и тогда всё идёт не по плану.

— Погоди... *что?* Ты не можешь предугадать результат? Что это значит, чёрт возьми?! — я завертелась в его хватке, но Ривер не обратил внимания.

— О, это пустяк. Я просто начинаю понемногу терять контроль. Странно, но не более. Похоже, сияние зажило своей жизнью, словно это оно контролирует меня, а не наоборот. Но я уверен, что в этом нет ничего страшного.

Я перестала рзать. Мне становилось лучше. Ривер прав. Некоторые заслуживают умереть. Неконтролируемое сияние — пустяк.

— Знаешь, Вайолет, когда я с тобой, то иногда могу уловить отзвуки твоих мыслей. Например, я знаю, что ты ненавидишь свёклу. Сама мысль о ней принимает форму отвратительной коричневой дымки в твоей голове. Я увидел её, когда мы остановились у свёклы в продуктовом. Естественно, я тут же пошёл дальше. Другое дело помидоры. Когда ты их представляешь, вокруг них появляется приятное розоватое сияние.

Я рефлекторно схватилась за голову, словно желая защитить свои мысли от Ривера. Но, почувствовав себя глупо, быстро опустила руки.

— Что ещё ты можешь?

— Я могу сказать, что нравлюсь тебе, несмотря на то, что это неправильно, — парень

улыбнулся, и часть меня растаяла от этой улыбки, как шоколад во рту и лёд на солнце.

Но вторая часть пожалела, что у меня нет кирпича в руке, чтобы я могла бить его прямо по милой, кривоватой ухмылке, пока не потечёт кровь, кровь, кровь, и не заляпает его рубашку, прямо как в случае отца Джека.

— Ви, ты бы видела чёрные тучи, окружавшие Даниэля Липа в твоей голове этим утром. Ух! А я-то думал, что ты ненавидишь свёклу. Ты поместила этого ублюдка в чёрную дыру. *Бездну.*

— Есть огромная разница между тем, чтобы желать кому-то смерти, и убивать, Ривер.

И тут мне пришла чёрная, злая, сочащаяся тьмой мысль. Что, если для Ривера не было никакой разницы? Это он подразумевал, когда говорил, что не может предугадать результат сияния? Был ли его разговор о двусмысленности морали просто способом оправдать нечто, что он не мог контролировать?

Я вспомнила слова Джанни о бедной рыжеволосой женщине. Ведьме. Из-за произошедших ужасов она совсем вылетела у меня из головы.

— Ривер, где ты пропадал?

Он пожал плечами. Затем задрал мне майку одной рукой и начал целовать мне живот. Его руки были покрыты засохшей краской.

— Ты... ты был в Иерусалим Рок?

«Сосредоточься. Если позволишь ему утихомирить твой гнев, то ты ничем не лучше него».

Ривер продолжал ласкать меня.

— Где это?

— В городе, о котором упоминал Джанни, где сожгли женщину. Это был ты, не так ли?

Я ничего не чувствовала, произнося эти слова. Только нежные поцелуи Ривера на своей коже, как прохладный ветерок в жаркий день.

— Я, — поцелуй, — понятия, — поцелуй, — не имею, о чём ты говоришь.

Поцелуй, поцелуй, поцелуй.

— Значит, ты не был в Иерусалим Рок? — мне становилось сложно сосредотачиваться на мыслях. Поцелуи Ривера... мне было так хорошо! Я внезапно стала мечтательной и счастливой. — Тогда где?

— Где-то в другом месте. Мне просто нужно было уехать ненадолго. Я поехал на юг, но не помню, куда именно.

— Похоже на ложь, Ривер. Ты всегда такой загадочный... и мне это нравится, правда, но я хочу... хочу знать... — *«Сосредоточься!»*, — ты когда-нибудь убивал раньше? В смысле, заставлял кого-то совершить самоубийство, кроме Даниэля Липа?

— Да, — пробормотал он у моей кожи.

— Сколько?

Ривер повернул меня и начал целовать поясницу.

— Многих, Ви.

Мои глаза закрылись.

— Как много?

— Не знаю. Столько, сколько нужно было. Может, двенадцать. Может, гораздо больше. Знаешь, нужно подумать. Я жил с сиянием четыре года.

— Так... так ты даже не можешь вспомнить, скольких людей ты убил?

Ривер встал. Его пальцы поглаживали меня по спине, медленно и уверенно. Он уткнулся

лицом мне в шею.

— Нет. Что сделано, то сделано. Больше я об этом не задумываюсь.

Его губы коснулись моего подбородка. От него пахло песком и солью, словно он плавал. Вероятно, мои волосы пахли так же. Такое случается, когда живешь у океана.

Мы целовались. Долго, страстно. Я почувствовала, как чары Ривера начинают проникать в меня, как было на кладбище. Они текли по моим венам, как вода по горам. Как время в летние деньки. Как кровь по перерезанной глотке.

— Ривер, ты используешь на мне сияние?

— Возможно. Тебе не всё равно?

Всё равно. По крайней мере, сейчас.

— Пошло оно всё, — прошептала я и притянула его к себе.

Я проснулась и обнаружила перед собой расплывчатый мужской силуэт. Льющийся из окна солнечный свет окружал его золотистым сиянием, прямо как ангелов на картинах времён раннего Ренессанса. Я моргнула и закрыла глаза. Я лежала в кровати Ривера в гостевом доме. Приложила руку ко лбу. На меня накатило сильное головокружение.

— Тебя не учили стучаться? — спросила я, снова закрывая глаза. Затем зевнула, откинула одеяло и поднялась на ноги. На секунду меня охватила паника, что я голая, но, опустив взгляд, я увидела, что на мне всё ещё чёрное платье. Мой взор обратился на брата.

Вот только у кровати стоял не он.

А незнакомец.

Он был молод. Примерно мой ровесник, может, на год младше. Парень был высоким, со светлыми волосами, выгоревшими на солнце. Мои доставшиеся от бабушки голландки были темнее. Под его глазом расцветал фиолетовый синяк, размером с кулак. Его нос был идеален, если не считать горбинки, которая так и кричала о том, что его сломали.

— Ну здравствуй, — поздоровался незнакомец и улыбнулся. — Прости, что так «вовремя» ворвался... что бы тут ни происходило. Я искал... — он повернулся и сомкнулся взглядом с Ривером, — брата.

Тот медленно сел, потянулся и почесал затылок.

— Привет, Нили. Чудный синяк. Как ты нашёл меня на этот раз?

Парень швырнул газету на кровать.

— По заголовкам всех национальных газет, придурок! Детишки бегают по кладбищу с колами, — он кинул ещё одну газету, на сей раз местную. — Прошлой ночью мужчина вышел на городскую площадь и перерезал себе глотку. Молодец, Ривер. Очень тонко.

Затем он кинул последнюю газету: «Вести Иерусалим Рок».

Тишина.

Я попыталась разгладить волосы и платье. Мой разум кипел.

У Ривера был брат по имени Нили.

Он не упоминал о нём. Говорил ли он хоть слово правды? Хоть раз?

Я вдруг поняла, что Ривер и Нили смотрят на меня, и сделала глубокий вдох. Если не успокоюсь в ближайшее время, мои щёки покраснеют, и все мои чувства будут написаны на лице.

— Это Вайолет, — представил меня Ривер. — Она живёт в поместье со своим братом Люком. Но ты, наверное, уже это знаешь.

Нили снова мне улыбнулся. У него была та же кривоватая ухмылка, что и у Ривера. Было странно видеть её на лице незнакомца. Его глаза были голубыми, а не карими, как у брата, но они так же хитро блестели, как бы говоря: «я замышляю только шалость». Но блеск Ривера был ленивым, кокетливым. А у Нили... сама не знаю. Добродушным, энергичным, интригующим — как у непоседливого ребёнка или терьера.

— Я встретил Люка в Эхо. Когда я спрашивал о брате в одной кофейне, мне показали на него. Он сказал, что Ривер живёт в вашем гостевом доме, и машина на въезде это подтвердила. Правда, Люк забыл упомянуть, что в кровати моего брата может оказаться симпатичная девушка, — он показал на меня пальцем, но смотрел при этом в другую сторону.

Мои щёки залились краской, и я ничего не могла с этим поделать.

— Да, я спала в кровати Ривера, но между нами ничего не было. Не то чтобы ты спрашивал. Мы просто спали. *Рядом* друг с другом. Вчера у меня было плохое настроение, и Ривер меня утешил. Ещё он страдает ночными кошмарами, поэтому...

Я замолчала. Мне было неизвестно, что произошло прошлой ночью, после того, как мы поцеловались на кухне Ситизена. Помню, как возненавидела его за убийство папы Джека, всерьёз возненавидела, а потом... перестала. Мы оказались в гостевом доме, легли в кровать...

Улыбка стерлась с лица Нили. Он посмотрел на брата, и его глаза ожесточились.

— Скажи, что не использовал его на ней. Господи, Ривер! Так низко ты ещё не падал. А я-то думал, что ниже некуда.

Тот вздохнул, встал, поднял футболку с пола и надел её.

— Вайолет знает о сиянии. Я всё ей рассказал. Если я и использовал его прошлой ночью, то исключительно рекреационно. — Ривер покосился на Нили и быстро отвернулся, словно на долю секунды ему стало стыдно. — Что бы мы ни делали, это останется между Вайолет и мной. И никем другим, ясно?

Нили пристально посмотрел на брата, но ничего не сказал.

— Слушай, — снова лениво и спокойно начал Ривер, — давай перейдём на кухню и я приготовлю нам завтрак. Нельзя обсуждать важные темы на пустой желудок. А с тобой, Нили, они всегда *важные*.

Мы дружно вышли на кухню. Никто и слова не сказал. Единственным звуком был лязг кастрюль, сковородок, и раздраженные вздохи брата Ривера. Посидев так несколько минут, я решила, что будет мудро оставить их наедине.

Я вернулась в Ситизен, чтобы провести Джека, но его нигде не было. Чёрт! Нужно было встать пораньше, как и говорил Люк. И определённо не нужно было снова спать с Ривером. Чёрт! Я не могла трезво мыслить. Рядом с этим парнем я — сама не своя.

Это меня пугало. С другой стороны, в последнее время меня пугало абсолютно всё, хотя я никогда не считала себя трусихой.

Я вышла наружу и увидела, как Люк рисует в сарае. Дверь была открыта, чтобы внутри попадало больше света. Брат склонился над мольбертом с решительным и собранным лицом. Таким он редко бывал.

— Привет, — поздоровалась я, заходя внутрь. — Ты не знаешь, где Джек?

Люк ткнул на угловой стол, не отвлекаясь от работы. Джек тянулся к холсту, нанося чёрные и белые акриловые краски зигзагообразными, тонкими линиями. Я увидела красные глаза и маленькие ручки, цепляющиеся за надгробия. Он рисовал Дьявола на кладбище.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прирождённый талант, — сказал Люк. — Он никогда раньше не рисовал, но у него получается так же хорошо, как у нас в его возрасте. Джек хорошо передаёт цвет и атмосферу... и измерение... — парень замолчал, вновь погрузившись в свою картину.

Джек поднял голову, убрал непослушные медные пряди с веснушчатого лица и улыбнулся.

— Думаю, это у меня в крови.

Я улыбнулась в ответ.

— У нас тоже.

И тут что-то встало на место в моей голове. Что-то важное. Что-то, на что стоило

обратить внимание...

— Тебя нашёл брат Ривера? — Люк отложил кисть и повернулся ко мне.

— Да. В кровати с ним.

Джек снова поднял голову на эти слова, но затем вернулся к рисованию. Люк понизил голос:

— Что с тобой происходит, Ви? Раньше ты не проявляла интерес к мальчикам, не считая разговоров с Джанни за чашечкой кофе, а теперь проводишь каждую ночь в постели с незнакомцем?

Он был абсолютно прав. *Что* со мной происходит?

Ривер с его сиянием. Вот что. Тем не менее, у меня не было настроения получать нагоняй от брата, который проводил лето, лапая грудь щекастой официантки или попу нашей соседки.

— Кто бы говорил, — мои слова прозвучали довольно грубо, и в этот момент я сама себя возненавидела. — Мэдди. Саншайн. Ты не можешь держать руки при себе.

Люк покачал головой.

— Это другое. Ты... Тебе нужно быть осторожней, чем мне. И нет, прежде чем ты перебеёшь меня, не потому, что ты девочка. Ты страстная. Больше, чем мы с Мэдди и Саншайн вместе взятые. Ривер разобьёт тебе сердце, можешь не сомневаться.

— Этому не бывать.

Люк посмотрел мне в глаза.

— Не разобьёт. Иногда он кажется славным, когда балуется с Джеком, готовит мне ужин или рассказывает милые истории о своём прошлом. Мне нравится, что он другой. Что он... такой загадочный. Но я ему не доверяю. Вообще. Просто... иногда я об этом забываю. Я не подпущу его к своему сердцу, Люк, ни за что.

Тот вздохнул.

— Так чего хотел его брат? Я видел его БМВ у въезда во двор. Машина крутая. Какой подросток может себе позволить разъезжать на новеньком БМВ?

— Он хотел увидеть Ривера.

— И что, он тоже к нам переедет? Нужно удвоить цену за проживание.

Я покачала головой.

— Просто продолжай рисовать.

Люк нахмурился. В этот момент, стоя перед холстом с кистью в руке, он так напоминал нашего отца, что меня это даже смутило. Я перевела взгляд на Джека. Их рыжие волосы блестели в солнечном свете, пока оба горбатились над своими шедеврами. Они одинаково странно держали кисть, зажимая её между большим и средним пальцем, и придерживая указательным.

Я вышла из сарая и вернулась в гостевой дом, входя без стука. Ривер варил шесть яиц, а Нили пил горячий эспрессо. Оба молчали. Царила неловкая и напряжённая атмосфера. Я встала в дверном проёме и задумалась, что сказать.

Наконец Ривер впихнул мне в руку тарелку с яйцами, и мы сели за стол, чтобы молча поесть. Я окунула тёплый тост в жидкий желток и попыталась игнорировать тишину. Нили, как и его брат, был настоящим кофеманом. К концу завтрака они выпили три чашки эспрессо. Делали они это забавно, беря чашку в ладонь, а не придерживая её за ручку. Прежде чем сделать глоток, оба парня прищуривались. Они пили, как братья.

Когда мы поели, Ривер и Нили взялись за уборку, всё ещё отказываясь разговаривать. Я

заинтересованно наблюдала за ними. Нили был выше Ривера примерно на 15 сантиметров и немного худее. Но его кожа была того же загорелого оттенка, и он носил ту же дорогую, необычную одежду: тёмные узкие штаны с низкой посадкой и белую ветровку, застёгнутую вплоть до подбородка. Никогда бы не подумала, что ветровка может выглядеть дорого и престижно.

Нили был таким же красавцем, как и Ривер, только с добрым и открытым лицом, когда у Ривера оно было мрачным и загадочным. Когда они пили кофе, то напоминали близнецов. Но когда они двигались по кухне, то казались незнакомцами. Движения Ривера были плавными и ленивыми. Движения Нили — быстрыми и расчётливыми. Они оба одинаково хмурились, и на их загорелых лбах пролегали морщинки.

— Ривер говорил, что у него нет братьев и сестёр, — решила я нарушить тишину, обозвав Ривера лжецом. Это было приятно. — Ваши родители действительно археологи?

Нили откинул голову назад и расхохотался. Громко, низко и заразительно. Затем покосился на Ривера.

— Ты врёшь чаще, чем наш отец распутничает. А это о многом говорит.

Ривер пожал плечами.

— Ложь делает жизнь интересней. И всерьёз облегчает её.

Нили снова рассмеялся и встретился со мной взглядом.

— Ривер считает, что жизнь должна быть лёгкой. А затем за одну ночь устраивает больше бед, чем Дьявол за десять! Ведь ему не о чём беспокоиться, весь бардак уберёт за ним младший братец, — он наклонился к моему уху. — Можно рассказать тебе секрет? Это всё фигня. Ривер несёт подобную чушь, когда ему страшно, прямо как наш папа. Вопрос в том... чего он боится? Ты уже поняла это?

Парень отошёл. Я потёрла ухо в том месте, куда он шептал. Ривер внимательно наблюдал за мной, но я отказывалась смотреть ему в глаза.

— Что ты сказал ей, Нили? Что ты сказал?

Он выглядел... взволнованным. Я наслаждалась ситуацией.

Нили упёрся руками в стол и подался вперёд.

— Братьев и сестёр у него нет... Бред какой! У нас минимум два сводных брата и одна сводная сестра. По крайней мере, это те, о ком мы знаем. Как я уже говорил, наш отец — тот ещё распутник. К счастью, они все слишком малы, чтобы знать, каково быть частью нашей семьи. Но вскоре они поймут.

— Сестра? — беспокойство Ривера сменилось удивлением. — Мне никто о ней не говорил.

— Я сам только что узнал, придурок. Я изучал его банковские счета и обнаружил, что он обеспечивает ещё одну женщину где-то в Орегоне. Тебе не пофиг? Отец никогда не признает их своими на официальном уровне. Да и ты сам мне сказал, цитирую, что «никогда не хочешь видеть отродье, порождённое нашим изменником отцом».

Ривер грациозно пожал плечами.

— Может, я соврал.

— Заткнись, — Нили поймал мой взгляд. — Вайолет, он случайно не называл тебе свою фамилию?

— Уэст. Ривер Уэст.

Нили вновь рассмеялся и покачал головой.

— Фамилия Ривера — и моя — Реддинг. — Он замолчал на пару секунд, чтобы я

обдумала его слова. — Нили сокращение от Корнилий. А Ривер — это кличка. На самом деле его зовут Уильям.

Я часто заморгала. Затем перевела взгляд с одного брата на другого. Лицо Ривера постоянно менялось, и он часто отводил глаза. Нили же смотрел прямо на меня, и его лицо оставалось открытым и добродушным. Парень улыбался, словно знал, о чём я думала.

А думала я о том, что Реддинги — самая известная и древняя семья Восточного побережья. Если в незапамятные времена моя семья считалась богатыми промышленниками, строящими поместья, они всё равно не шли *ни в какое* сравнение с Реддингами. У них были усадьбы вдоль всех 13-ти колоний. Они владели кораблями, железнодорожными путями и президентами. У них были связи с мафией, масонами и «Битлз».

Фредди упоминала их в своих рассказах. Однажды, когда мне было десять, она достала украшение — изумрудное кольцо, которое мы продали после её смерти. По её словам, она надевала его в молодости, когда ходила на развратные вечеринки Реддингов.

Значит, я спала с Реддингом. *Рядом с Реддингом.*

— Значит, я спала с Реддингом. *Рядом с Реддингом,* — озвучила я свои мысли. — Я слышала о вашей семье. Фредди рассказывала, как была на одной из ваших похабных вечеринок в Нью-Йорке.

— Похоже на нас, — ответил Ривер, кидая мне странный взгляд, который я не смогла понять.

Нили задумчиво почесал предплечье.

— Эхо. Какое милое название для городка. Оно идеально. Эхо всего, что предшествовало этому моменту. Какой он по счёту? Восьмой, девятый? — он заметил, что делает с рукой, и остановился. — Когда ты перестанешь убегать, Ривер? Если ты вскоре не остановишься, мне придётся избить тебя. Сильно. Кулаками. А я бы предпочел этого не делать.

— Восьмой. Восемь городов, если не считать Арчера. Но там ведь никто не умер?

Нили мрачно и горько усмехнулся.

— Значит, города без многочисленных смертей не в счёт. Приятно знать. Господи, Ривер! Я даже не знаю, боготворить тебя или избавить от страданий.

Ривер сбегал и раньше... и люди тоже умирали. У меня заныла грудь, словно от укола острого, обжигающего льда... хотя на улице было достаточно тепло. Я переводила взгляд с одного парня на другого и гадала, во что же я ввязалась.

Ривер положил руку на плечо Нили.

— На этот раз я держу всё под контролем. Клянусь.

Тот стряхнул её.

— Ты всегда так говоришь.

Когда Ривер заявил, что Арчер в счёт не берется, щёки Нили слегка покраснели. Сейчас же его шея и лицо покрылись бурыми пятнами.

Ривер поджал губы, и на его подбородке появилась ямочка. А глаза... последний раз, когда он так прищурился, мужчина убил себя прямо на городской площади.

— Корнилий, не начинай эту ссору. Она плохо закончится.

— Только отец может называть меня Корнилием, — сказал он стальным голосом. Его взгляд лишился всяческого юмора. Мне было страшно наблюдать за ссорой двух братьев. Я чувствовала себя героем «Подглядывающего».

— А как там папа поживает? Каково постоянно играть роль примерного сына? Не

надоело ещё? — они смотрели друг на друга секунду. — Я пытаюсь остановиться, Нили. Правда. Но если я вернусь домой, всё пойдёт по второму кругу. Я уже не так хорош, как прежде. Сияние меняется...

— Ты пытаешься остановиться? — Нили хохотнул. — У тебя отлично получается, Ривер. Куда бы ты ни поехал, через час в этом городе будет царить хаос, — он потёр пальцами покрасневшие виски и закрыл глаза. Затем открыл их и посмотрел на меня. — Спроси его о Ратлснейк-Олби.

— Ривер, что произошло в Ратлснейк-Олби? — тихо спросила я, боясь услышать ответ. Мне хотелось выйти за дверь, прогуляться вдоль берега и не возвращаться, пока не пойму, как воскресить Фредди.

Ривер открутил холдер от кофеварки и начал наливать в чашку эспрессо. На меня он отказывался смотреть.

— Ничего там не произошло. Нили как обычно делает из мухи слона. Когда-то давно я наткнулся на небольшой городок в прериях. Мне показалось, что будет весело, если его жители поверят, что находятся под индийской атакой. Откуда же мне было знать, что все в городе вооружены?

Нили злобно покосился на брата.

— Весь город погиб. Двадцать три человека. За один час. И как же я делаю из мухи слона? Как *такое* можно раздуть?!

— Слушай, ни один невинный не пострадал. Все жители были пенсионного возраста и злыми, как злодеи в шекспировской пьесе. Я пробыл там всего пять минут и успел стать свидетелем, как мужчина стегает свою кобылу, а женщина выбрасывает кота с верхнего этажа. На табличке у церкви было написано: «Все женщины — наложницы Дьявола, все дети — его пешки». В городе ежегодно проводилось празднование в честь чумы, которая избавила мир от скверны. Мне стоит продолжать? Я сделал миру одолжение.

— Нет. Ты сыграл в Бога.

— Я и есть Бог.

Нили всплеснул руками.

— Ну вот, опять! Что я могу на это сказать? Как мне вразумить *Бога*?

— Почему я об этом не слышала? Жители города перестреляли друг друга насмерть. Почему это не попало в новости? — я встала между братьями. В моём животе разрастался чёрный, яростный ужас. Ривер не мог уничтожить целый *город*. Это не озорство и не месть. Это зло. *Дьявольское* зло.

— Ратлснейк-Олби находился в таком захолустье, что всем было на него плевать. — Пауза. — Ну и мы с папой *позаботились* о том, чтобы всем было плевать.

Последовала минута молчания.

— Знаешь, у вас с отцом больше общего, чем ты думаешь, — сказал Нили. — Жить стало бы намного легче, если бы вы наконец это признали.

Ривер резко повернулся к брату.

— А ты ещё спрашиваешь, почему я постоянно сбегаю! Думаешь, я не знаю, что сильно на него похож? Думаешь, меня это не пугает? Езжай домой, Нили. Разговор окончен.

Тот не сдвинулся с места.

— Я читал о тех подростках. О том, что ты с ними сделал. Целых два часа они думали, что горели заживо. Два *часа* криков, полных ужаса. Два часа они извивались от боли, пока родители беспомощно наблюдали за своими детьми. — Нили указал на свой фингал. —

Прочитав об этом случае, я нашел студенческую пивнушку и затеял драку с богатеньким пареньком. Каждый раз, когда я бил его по лицу, я представлял тебя.

Ривер сделал шаг назад и поднял руки вверх.

— Горящие подростки? Нили, ты о чём?

— Это случилось пару недель назад в тexasском парке. У меня в машине осталась газетная вырезка. Думал, я никогда не узнаю?

Ривер покачал головой.

— Я никогда не был в Техасе.

— Хватит врать! — Нили стукнул кулаком по столу.

— Клянусь тебе, я понятия не имею, о чём ты говоришь! Я. Никогда. Не. Был. В. Техасе Ты мой *брат*. Если ты мне не веришь, то кто поверит?

— Я *хочу* тебе верить, Ривер. Ты даже не представляешь, насколько. Я люблю тебя... больше всего на свете. Но ты. Меня. Убиваешь. Я ненавижу то, что ты делаешь. Ненавижу! Ненавижу так сильно, что мне приходится бить незнакомцев до потери сознания, просто чтобы не сойти с ума! Я становлюсь *психом*! Иногда мне кажется, что я совсем теряю самообладание. И это меня пугает, Ривер. Я *боюсь*!

Ривер посмотрел на своего брата, на меня, затем снова на него, и в его глазах была написана горечь. Острая, как бритва, перерезавшая глотку Даниэлю Липу.

— Знаете, что? — сказал он через минуту. — Катитесь к чёрту. Оба.

А затем он вышел через дверь.

Я собралась было идти за ним, но Нили встал у меня на пути.

— Ему нужно побыть одному. Через пару часов он придёт в себя. Так происходит каждый раз, когда мы встречаемся.

Я прислонилась к дверной раме и наблюдала, как Ривер исчезает за деревьями.

— Да. У меня тоже есть брат, — покосилась на сарай. — Мне это знакомо.

Нили окинул меня внимательным взглядом и улыбнулся. Покраснение начало сходиться с его лица.

— Ну, здравствуй, Вайолет Уайт. Рад знакомству. Я Корнилий Реддинг из семьи Реддингов с Восточного побережья. У меня есть волшебный брат-убийца и проблемы с управлением гневом, — сказал он и засмеялся.

Я хихикнула в ответ. Так мы и стояли, переглядываясь и смеясь, как ненормальные. Подул морской ветер, и я учуяла запах Нили. От него пахло ромашковым шампунем, свежей одеждой, грязью, лесом и полночью.

Нет... не полночью. Полуднем.

Солнцем, а не звёздами.

— Что делаешь? — Саншайн зашла в мою спальню без стука. Похоже, в этом доме никто не имел представления о правилах приличия. — Люк и тот мальчишка рисуют. Я услышала, что у вас новый жилец, и пошла его поприветствовать, но в гостевом доме никого не оказалось. Мне стало скучно, так что я отправилась на твои поиски. Что это у тебя на тумбочке? лягушка? лягушка из стодолларовой купюры?

— Думаю, — ответила я на первый вопрос. — Валяюсь и думаю. — Я убрала ноги, чтобы Саншайн могла сесть на кровать, но девушка подошла к большому зеркалу и начала рассматривать свою грудь и длинные каштановые волосы. — И да, это лягушка-оригами. Ривер постоянно их дарит. Я не слишком-то этим горжусь.

Будто если я произнесу эти слова вслух, они станут правдой.

Саншайн просто покачала головой.

— Я много чего о тебе слышала в последние дни, Вайолет. Сначала ты спишь с Ривером. Теперь это, — она махнула на лягушку. — Вау.

— Он боится, что у меня закончатся деньги, и я не смогу купить продукты.

— Оправданная забота, — подруга откинула волосы за спину и повернулась ко мне. — Но оставлять денежную лягушку на твоей тумбочке... всё равно странно.

Мне не хотелось говорить о Ривере. Встреча с Нили пробудила во мне новые ощущения. Я пока не знала, какие именно. Но я чувствовала себя... лучше. Чище. Избавившись от Ривера, я наконец-то могла подумать и о других вещах. О Фредди, о рисунке Джека, об ощущении, которое меня охватило, когда я увидела Люка с Джеком в сарае, и когда увидела, как Ривер и Нили пьют кофе.

— Однажды Фредди мне кое-что рассказала... Она прихорашивалась к рождественскому ужину. Еду мы готовили сами, так как за пару месяцев до этого нам пришлось отказаться от повара. Она надела облегающее чёрное платье. Вид у неё был грустный и задумчивый. Не из-за того, что у нас заканчивались деньги — это её вообще не заботило. Она считала, что, возможно, это её последнее Рождество. И оказалась права.

Я сделала небольшую паузу и часто заморгала.

— Бабушка расчёсывала себе волосы прямо перед этим зеркалом. Я наблюдала за её отражением, восхищаясь тем, как её платье сочиталось с крестом на стене. Они бы хорошо смотрелись напротив зелёной стены. Я подумала, а не нарисовать ли мне эту картину? Но затем Фредди отложила расчёску и повернулась ко мне. Она сказала: «Прячь свои письма, Ви. Прячь их, но не слишком хорошо, чтобы близкие смогли найти их после твоей смерти».

Густые брови Саншайн взметнулись вверх. Она опустилась рядом со мной на кровать.

— С тех пор я и ищу эти письма. Я обязана их найти, Саншайн, и как можно скорей. Почему-то... это кажется важным.

— Ну, мне всё равно нечем заняться, — девушка встала, подошла к моему шкафу и начала вытаскивать ящички.

Я улыбнулась. Иногда она была хорошей подругой.

Мы обыскали два шкафа в спальне. Ничего. Посмотрели за семью картинами в гостиной, надеясь найти потайной сейф. Ничего. Порылись в комод и под кроватью. Всё это я делала и прежде, но решила попробовать снова.

Всё ещё ничего.

И тут я представила Фредди. Представила, как она отворачивается от зеркала в своём чёрном платье, ловит мой взгляд, и смотрит на...

Я подошла к деревянному кресту и сняла его со стены. Он оказался тяжелее, чем выглядел — пять сантиметров в толщину, с простой резьбой средневекового монаха. Затем перевернула его, прижала пальцы к задней части и сдвинула панель в сторону.

Внутри оказалось пустое отверстие длиной в 30 сантиметров. Я вернула крест на место и позвала Саншайн:

— Идём за мной.

Мы зашли в гостевой дом. Как Саншайн и говорила, внутри никого не оказалось. Наверное, Нили отправился на поиски Ривера. Я зашла в спальню последнего и открыла верхний ящик комода. Крест был на том же месте, где я его и спрятала. Я перевернула его и нажала на заднюю панель подушечками пальцев.

Она открылась.

— Вот и нашли, — сказала Саншайн, когда из отверстия выпало два сложенных листа бумаги и упали к нашим ногам.

Я улыбнулась.

21-е июня 1947

Фредди...

Прошлая ночь была ошибкой.

Я влюбился в тебя с первого взгляда. Как только переехал в твой гостевой дом, как только ты щёлкнула пальцами и сняла одежду прямо передо мной. Бесстыжая и раскрепощённая, как танцовщицы в европейских клубах.

Я любил тебя рисовать. Любил выводить углём острый угол твоего локтя, любил рисовать розовый блеск твоей кожи на холсте, любил смешивать разные краски, чтобы подобрать идеальный оттенок для твоих голубых глаз. Любил, когда ты голая разваливалась на моём диване и нежилась, как котёнок под солнцем. Любил, как ты пила джин из фляжки, словно заправский матрос. Любил, что тебя никогда не интересовало, кто я такой и откуда взялся, потому что это не имело значения. Единственное, что было важно, это то, что ты видела перед собой. И тебе это нравилось. Нравился я. По крайней мере, мне так кажется.

Но у тебя есть муж. А у меня... у меня нет ничего. Ничего, кроме нескольких кистей и дикого желания рисовать.

Сейчас я собираю свои вещи. К тому времени как ты проснешься, к тому времени как достойный, мужественный Лукас вернётся, меня уже не будет. Я возвращаюсь в город. Я оставил тебе две картины. Они были твоими любимыми.

— Джон

Я знала. Знала ещё до того, как прочту следующее письмо.

27-е февраля 1950

Фредди,

*Давно мы не общались. Этим летом будет три года. Ты могла рассказать мне об этом раньше. Тебе **стоило** рассказать об этом раньше. Но я тебя прощаю. Полагаю, ты боялась, что я вернусь и создам кучу проблем... буду выть на луну или устраивать дуэли. Но ты должна была догадаться, что я не такой. В отличие от моих коллег, мой характер никогда не славился пылкостью и артистичностью.*

Недавно я женился на девушке из Эхо. Энн Мэри Томпсон... да, та симпатичная

блондинка, которая когда-то работала у тебя горничной. Мы встретились пару месяцев назад на танцах в Нью-Йорке. Она шикарно танцует, Фредди. Ты и представить не можешь. Она почти так же хороша, как ты.

Через несколько недель мы переедем в Эхо. Как я и сказал, я не собираюсь устраивать неприятностей. Сделаем вид, что мы незнакомы.

Но я был бы счастлив периодически видеться с мальчиком. Хотя бы мельком.

— Джон

П.С. Ты назвала его в мою честь. Это очень мило с твоей стороны.

— Это значит то, что я думаю?

Мы с Саншайн вернулись в мою спальню. Теперь мы сидели у меня на кровати и передавали друг другу письма, перечитывая их снова и снова.

— Похоже на то, — ответила я сдавленным голосом и прочистила горло.

— Твоего папу зовут Джон, — Саншайн внимательно наблюдала за мной, пытаюсь понять, что я буду делать. Например, начну метаться по комнате и разбрасывать вещи в разные стороны. Хотя она прекрасно знала, что я не стану вести себя подобным образом.

— Да, я знаю, как зовут моего отца.

— И этот «Джон» был художником, и твой папа художник, и вы с Люком художники...

— Да, я знаю. И что?

Девушка всплеснула руками.

— Ох уж эти аристократы!

Я покосилась на неё и, полагая, что-то в выражении моего лица заставило её молча встать и направиться к выходу. Но затем она остановилась. Её лицо было... грустным... и задумчивым, и очень на неё непохожим.

— Ви... думаю, тебе стоит поискать остальные письма.

Она окинула меня долгим взглядом, и я кивнула.

Подруга ушла.

Фредди тоже любила так на меня смотреть. Задумчиво. Грустно. Особенно когда волновалась из-за того, что Люк побил меня, или когда я говорила, что ненавижу его, или когда наши родители уезжали на слишком долго.

Я пошла в бальный зал. Села под портретом дедушки Лукаса. Сидела так до самого заката, размышляя о всяком и чувствуя, словно вот-вот расплачусь, если дам себе волю.

Но я этого не сделала.

В тот вечер на городской площади показывали очередной фильм.

Люк и Джек продолжали рисовать в сарае. Я хотела поговорить с ними о письмах, но никак не могла набраться храбрости. Кроме того, их было больше. Я в этом не сомневалась.

Но где?

Где я видела ещё один чёрный крест?

Ривера нигде не было, и внутри меня снова начало зарождаться неприятное ощущение. Я не знала, что оно значило, и почему вообще появилось, потому пыталась его игнорировать.

Саншайн пригласила нас на ужин к себе домой. Её родители приготовили жареного цыплёнка с молодым картофелем в сметане. Люк и Джек отправились к ним, но я осталась в Ситизене. У меня не было сил на светские беседы. Зато было настроение, чтобы посидеть на ступеньках в дом и посмотреть на море. Именно за этим занятием меня и обнаружил Нили.

— Хочешь сходить на старый фильм? — спросила я.

— Да. Очень даже.

Я собрала нам вещи для пикника, прямо как Ривер, когда мы ходили на «Касабланку». Но на сей раз всё было иначе. Сейчас в общей картине появился Дьявол, привидение, убитый мужчина и двадцать три трупа в захолустном городке под названием Ратлснейк-Олби.

Когда мы проходили мимо туннеля, я подумала о том, чтобы рассказать Нили его историю. О том, что Ривер показал Саншайн, пока они были там вместе. Но, в конце концов, решила промолчать. Нили всё равно либо бы рассмеялся, либо набил бы кому-то морду. Я даже не знала, что хуже.

— Значит, Ривер сбежал не в первый раз? — спросила я через пару минут в молчании.

— Ага, — Нили забрал у меня корзинку для пикника.

— И ты всегда отправляешься на его поиски?

— Ага.

— А затем вы ссоритесь, он исчезает на время, и вы возвращаетесь домой.

— Обычно так и бывает, — он покосился на меня. — Ривер не останется, Вайолет. Не знаю, чего он тебе наговорил, но он никогда не остаётся на одном месте надолго. Даже дома.

Я попыталась придать себе равнодушный вид. Я же ненавижу Ривера! Мне должно быть всё равно.

— Ты его первая девушка, если тебя это утешит, — сказал парень, заметив выражение моего лица. Он остановился, взял мою ладонь и перевернул её. Затем наклонился и поцеловал её. Я ахнула от удивления. Он сделал это так легко и естественно, как люди улыбались солнцу.

А я-то думала, что это Ривер — дамский угодник.

Нили рассмеялся.

— Я никогда прежде не видел, чтобы Ривер с кем-то спал. Несомненно, он пичкал тебя ложью. Он всегда так делает. У моего брата... проблемы. Но, насколько мне известно, ты — первая девушка, на которую он обратил внимание. Наверное, это хорошо. Поэтому... спасибо.

— Ты поцеловал мою ладонь, чтобы выразить благодарность?

— Ага.

Последние несколько дней я провела с парнем, обладающим сиянием, которое он не мог перестать использовать, и склонностью к убийствам в качестве правосудия. Но всю оставшуюся дорогу к городу меня не покидала лишь одна мысль — я до сих пор чувствовала поцелуй Нили на своей ладони

* * *

По приходу я осмотрела парк, пытаюсь найти Ривера. Его там не было.

Вечер выдался прохладным, потому я ощущала тепло, исходящее от тела Нили, пока он сидел рядом со мной на подстилке. На экране показывали едущий поезд. Заиграл Рахманинов. Фильм назывался «Короткая встреча». Я уже смотрела его прошлым летом на этой же площади. Яркий британский акцент и чертовски душещипательная концовка.

Слева от меня перешёптывались две девушки, пока маленький ребёнок делился подтаявшим мороженым с очень вежливым колли. Справа высокий и худощавый мальчик с рыжими — почти фиолетовыми в сумерках, — волосами резал перочинным ножиком яблоко на дольки и передавал их светловолосой девочке, пришедшей на фильм с семьёй. Бородатый мужчина наступил на кучку грязи и постелился рядом с ней. Я знала, почему там оказалась эта кучка грязи. Кто-то вырвал всю траву, где... капала кровь Даниэля Липа.

— Ты волокита? — тихо спросила я у Нили, когда жутко болтливая женщина в огромной шляпке встала прямо перед нами, закрывая вид на обречённую парочку на экране.

— Кто? — переспросил он, кидая на меня озадаченный и игривый взгляд.

— Парень... у которого много девушек.

Громоподобный хохот Нили нарушил вечернюю тишину. Люди начали оглядываться на нас, но это его не остановило. Моё лицо залилось краской. Слава богу, что на улице темно!

— Теперь я понимаю, — прошептал он. — Ривер. Ты. Всё ясно. Он всегда был слишком требовательным к девушкам. Но это... — указал на меня, — имеет смысл. *Ты* имеешь смысл.

А затем он улыбнулся кривоватой ухмылкой, как у его брата, и я вспомнила, как сидела на этом же месте, смотрела фильм с Ривером, и было это всего пару дней назад.

* * *

На середине фильма, прямо после сцены на лодке, я почувствовала, как кто-то взял меня за локоть. Подняв голову, я уставилась прямо в карие глаза Джанни.

— Пойдём, Вайолет. Нам нужно поговорить.

— Ладно, — прошептала я. Мне было любопытно, и я совсем не волновалась. Наверняка он хотел показать мне свою новую кофеварку.

Я поднялась на ноги. Нили посмотрел на меня и поднял брови, но я ткнула в сторону Джанни и пожала плечами.

Нили нахмурился.

— Поспешите.

Я последовала за Джанни прочь с площади. Он остановился в маслянисто-жёлтом круге света от фонаря у антикварного книжного магазина и стряхнул кудрявые чёрные волосы с глаз. На его правой щеке красовался свежий порез.

— Джанни, что случилось с твоим лицом? — спросила я. Он меня проигнорировал.

— Вайолет, я хочу тебе кое-что показать.

Вдруг откуда ни возьмись налетел холодный ветер. Я застегнула свой жёлтый кардиган.

— Хорошо. А это не может подождать до конца фильма?

— Нет. Ты должна увидеть сейчас.

Это было странно. Не будь я так рассеянна из-за мыслей о Ривере, Нили, Дьяволе, суициде, Джеке, письмах и сиянии, то тут же бы это заметила. Вместо этого я позволила Джанни взять меня за руку и пошла с ним по улице. Вниз, вниз, к тёмному тупику.

Стоило сказать кому-нибудь, что я ушла с ним к великому неизвестному. Например, Нили. Бородатому мужчине. Пареньку с яблоком. Кому угодно. Но я смолчала, потому что доверяла ему. Чёрт побери, мы дружили с шестого класса!

Я последовала за ним, спокойная и безмятежная, как монахиня, читающая молитву. Мы остановились на дороге у поместья Гленшипов.

— То, что я должен тебе показать, находится внутри, — произнёс Джанни.

Наконец-то во мне зародилось семя страха.

— Но он заколочен! Туда нельзя входить. Да мне и не хочется. В этот дом годами не ступала нога человека. Там наверняка полно крыс, летучих мышей, приведений и... других тварей.

Обычно я не такая трусиха. Но ночь была темна, а поместье Гленшипов выглядело большим, чёрным, внушительным и полным чёртовых призраков. Джанни как-то странно на меня поглядывал. Его большие карие глаза выглядели иначе в лунном свете... как-то тускло и бесчеловечно. Он опустил руку в карманы джинсов и достал небольшой молоток.

— Пойдём.

Парень вцепился в мою руку и повёл меня к поместью. Я заметила на земле две деревянные планки. Одно из огромных окон дома было расколочено, и я увидела тусклый огонёк внутри здания. Джанни оторвал ещё одну планку и откинул её наземь. Окно оказалось разбито, но парень убрал все оставшиеся осколки из рамы, прежде чем затащить меня внутрь.

Затем он отбросил молоток и поднял с пола масляную лампу. Ориентируясь благодаря лунному сиянию, льющемуся внутрь через расколоченное окно, Джанни нащупал дверь в другой части комнаты и повернул ручку. Помещение наполнилось ярким светом.

Я оказалась в пыльной, ветхой библиотеке. Обои отклеились, одинокий кожаный стул был разорван, все книги исчезли, полки смотрелись голыми и пустыми. Я поборолла в себе желание изучить эту комнату. Мне претило заходить внутрь, но при этом было жаль, что я не заходила в Гленшип раньше. Мне жутко хотелось сравнить его с Ситизеном, увидеть, что осталось от бывшего величия этого поместья, порыться в ящиках и ещё много-много чего. Джанни продолжал странно на меня смотреть. Чёрт, мне хотелось увидеть спальни, кухню и подвал, где была убита девушка. Фредди однажды сказала, что в Гленшипе был подземный бассейн, шесть потайных ходов и...

Джанни потянул меня за руку.

— Пойдём, Вайолет. Он наверху, — парень посветил лампой на лестницу.

Я перестала разглядывать комнату и сосредоточилась на Джанни.

— Кто там?

Он уставился на меня своими пугающими, безжизненными глазами.

— Ведьма, конечно же.

Даже после того, как он *это* сказал, я не испугалась по-настоящему. Думала, что он шутит. Скучно и безвкусно, в духе той истории из Иерусалим Рок. Но всё же. Мы вышли из библиотеки, прошли по чёрно-белому плиточному полу, поднялись по большой лестнице, как в Ситизене, мимо второго этажа, мимо третьего. Лестница становилась всё уже и уже, а затем вывела нас к чердаку.

У меня перехватило дыхание. Чердак Гленшипов так сильно походил на чердак у меня дома, что на секунду я забыла, где нахожусь. Зеркала от пола до потолка, шкафы, сундуки, паутина... Кто оставил все эти вещи? Остался ли кто в живых, чтобы объявить на них своё право?

Мои руки чесались от желания покопаться в пыли и узнать, что здесь таилось. Я представляла фотографии, старые пластинки и, возможно, упоминание о Фредди в каких-нибудь письмах...

Джек.

Его рыжие волосы были спутанными, припыленными и грязными от бог знает чего. Тощие ручки мальчика были подняты у него над головой. Его запястья были обвязаны веревками, висящими на опорной балке, простирающейся вдоль потолка. На Джеке были только джинсы. Его маленькие босые ноги казались фарфоровыми на фоне грязного пола. Веснушчатое лицо мальчика было повернуто вбок. Я видела полосы от слёз на его испачканных щеках.

— Помоги, — сломленным голосом произнёс он. — Он постоянно называет меня ведьмой. Что это значит? Что с ним?

Джек потянул за верёвки на потолке. Его ручки выглядели невероятно крошечными под узлом.

Я повернулась к Джанни. Весь страх, который я не испытывала до этого момента, нагнал меня со скоростью мчащегося поезда.

— Джанни? Что здесь происходит? Что ты делаешь? — в моём горле появился комок, и голос начал затихать до уровня шёпота.

Тот улыбнулся и подтолкнул меня локтем.

— Кое-кто мне рассказал, что ты скрывала ведьму у себя дома. Я пошёл в Ситизен и вытащил его из твоей берлоги. О чём ты думала, Вайолет? Посмотри на эти рыжие волосы! Какое зло! Рыжеволосый монстр, поклоняющийся Дьяволу! — он наклонился и что-то поднял. — Я должен был показать тебе, Ви. Не любая девушка сможет оценить то, что я собираюсь сделать. А ты — не любая.

— Что ты планируешь сделать, Джанни?!

Тут я заметила, что было у него в руке. Я вырвала лампу из его левой ладони и осветила чердак.

В углу слева лежала груда камней. Рядом с красной канистрой бензина. Джанни посмотрел на меня пустым взглядом.

— Заставлю его признаться, естественно. Можешь смотреть. Или помочь, если хочешь. Вон там лежат камни, но если они не сработают... я нашёл старый ржавый нож в подвале. Он-то точно сработает. Главное не выпотрошить его всего под конец. Он должен ощутить пламя. Я слышал, что Дьявола выжигают из ведьм. Но ничего не выйдет, если они умрут до того, как ты их подожжёшь.

Джек закричал и начал извиваться. Сквозь его крики я слышала кого-то ещё. Кто-то позади меня смеялся в темноте. Я подняла лампу, но её свет не доставал до дальних уголков.

Смех, смех, смех.

— Ривер? — крикнула я, но мне было не перекричать Джека. — Пожалуйста, пусть это будет не Ривер, — прошептала я, не обращаясь ни к кому конкретному, ведь никто и не слушал.

«Фредди, помоги мне. Джанни сожжёт его... что мне делать, что мне делать? С ним что-то не так, он сам не свой. И мне кажется, я знаю, почему. Фредди, помоги, помоги мне, Фредди, пожалуйста...»

Джанни взял канистру.

— Нужно намочить его перед признанием. Сэкономит нам время.

И тут он поднял её над головой Джека.

Фредди мне не поможет. Как? Она мертва.

Я накинулась на парня. Он издал странный гортанный вопль и уронил канистру. Та разлилась на пол. Воздух наполнился сильным запахом бензина.

Джанни вскочил на ноги. Его прекрасное лицо было искажено от злобы. Он взвыл и затрусил меня за руку. Лампа выскользнула из моей ладони...

И тогда всё загорелось.

И тогда появился Нили.

Дым был повсюду. Я ничего не видела, но слышала смех. Джанни потёр глаза и закричал: «Где я?». Дым немного рассеялся. Нили кидал старые покрывала и одежду в огонь, пока тот не затух. Я попыталась освободить Джека. Наконец я справилась с последним узлом, и Нили потащил нас к лестнице.

Мы выпрыгнули из разбитого окна библиотеки, и я ударилась коленом об рамку. Упав на землю, я почувствовала густую траву под своими ладонями. Поднявшись на ноги, я посмотрела на Джанни. Он больше не выглядел злым — лишь недоумённым, напуганным и чертовски растерянным.

Джек обнял меня, и я крепко прижала его к себе. Джанни продолжал тереть глаза.

— Джанни, — позвал его Нили суровым голосом. — Посмотри на меня.

Тот убрал руки от лица.

— Что я здесь делаю? Что произошло? Кто этот ребёнок?

Нили схватил его за белую футболку и потряс. Не слишком грубо, но и без особой нежности.

— Замолчи. Замолчи, чёрт тебя подери!

— Это я начал пожар? — Джанни переводил взгляд с Джека на окна чердака Гленшипа. — Я... Со мной что-то не так...

Нили врезал ему в челюсть. Парень рухнул на землю и не двигался с пару секунд. Затем Нили подал ему руку и помог подняться.

— Джанни, сосредоточься.

Кровь с его подбитой губы стекала по подбородку. Но он посмотрел Нили в глаза и кивнул.

— Вот, что ты сделаешь. Ты забудешь всё произошедшее. Ты не будешь об этом думать, не будешь задавать вопросов, — он потянулся в карман, достал бумажник и вытащил пачку купюр. — Бери их и держи рот на замке.

Джанни просто продолжал стоять с открытым ртом. Нили взял его за руку и вложил в неё деньги.

— Иди домой. Кто-то мог увидеть пожар. Наверняка полиция уже в пути. *Иди.*

Убирайся отсюда. Сейчас же!

Парень сжал деньги в кулаке и кивнул. Затем повернулся, оглянулся через плечо на Нили и встретился со мной взглядом. Через несколько секунд он скрылся во тьме.

Нили взял меня за руку.

— Нам тоже пора уходить, Вайолет.

Я покачала головой.

— Он наверху. На чердаке. Нужно вернуться...

В ночной тишине раздался вой сирен. Нили потащил меня в сторону. Я взяла Джека за руку, и мы побежали.

— Джанни сказал, что ты меня искала.

Мы с Джеком сидели на полу перед камином в зелёной гостевой комнате. По возвращению домой я набрала дров в гараже и разожгла огонь, полагая, что, если нам что-то и может помочь, так это тепло от пламени.

Пока я это делала, Джек стоял рядом, словно не хотел выпускать меня из поля зрения. Мальчик весь дрожал. Его лицо, всё ещё испачканное в грязи, было мёртвенно-бледным. Но со временем ему стало лучше, и дрожь прекратилась. Я дала ему старый чёрный свитер Люка. Щёки Джека покраснелись от огня — наконец-то он согрелся.

— Я оставил Саншайн и Люка и вернулся сюда. Джанни обнаружил меня одного в комнате и сказал, что ты ждёшь меня на чердаке Гленшипов, — продолжал он. — Это было странно, да и сам он вёл себя необычно, но, не знаю... я купился на это. Глупо с моей стороны. В следующий раз такого не произойдёт. Я буду умнее. — Джек сжимал и разжимал ладони. — Он заставил меня снять футболку и обувь. Затем связал мне руки и сказал, что сожжёт меня живьём.

Я обняла мальчика и прижала его к себе.

— А ещё я слышал смех, — сказал он, поднимая ко мне голову. — Это был Ривер?

Я не ответила, и мы просто молча сидели с какое-то время.

— Я кое-что нашла сегодня, — начала я, решив, что более подходящего времени это обсудить не будет. — Письма. Помнишь картину на своей тумбочке? Так вот...

— Это насчёт моего дедушки?

Я вздохнула.

— Так ты уже знаешь.

Джек заёрзал, встал и взял картинку.

— Это она, не так ли? Твоя бабушка? Папа кое-что мне рассказывал, когда бывал трезвым. То, что когда-то говорил ему дедушка.

— Да, это она. А это Джон Лип, твой дедушка. Он похож на твоего отца. — Я замолчала и глубоко вдохнула. — И на моего.

Мы смотрели друг на друга с секунду. Две.

— Я нашёл портреты твоей бабушки в бальном зале, — сказал Джек, возвращая рисунок на тумбочку. — Тогда-то я и понял.

— Покажи мне.

Я последовала за ним по коридору, а затем поднялась по мраморным ступенькам на третий этаж. По дороге мне захотелось заглянуть в комнату Люка, но изнутри донёсся смех Саншайн.

Джек пошёл к левой стене зала, к окнам, и указал на два небольших портрета Фредди в стиле ню. Оба терялись в море больших, плотных полотен, покрывающих стены.

Впервые присмотревшись к ним, я увидела, что картины Джона Липа были сделаны в гостевом доме. Тот же диван, те же обои... на подоконниках даже стояли банки с краской. Фредди была изображена бледной, голой и сияющей.

Мы с Джеком долго рассматривали портреты, а затем решили вернуться в зелёную гостевую комнату. Я достала письма Фредди, которые весь день пролежали у меня в кармане, и отдала их Джеку. Он читал их у камина.

Когда мальчик закончил, то встретился со мной взглядом своих голубых глаз и улыбнулся.

— Значит... наши отцы были братьями.

Я кивнула.

— Сводными.

— Так я могу теперь жить здесь? Мы ведь родственники?

— Если у нас с Люком есть право голоса, то... да.

Джек снова улыбнулся. Даже после столь ужасающей ночи, мальчишка не мог не радоваться.

Я оставалась с ним, пока он не уснул. Сидела у его кровати и читала вслух «Лев, Колдунья и Платяной шкаф», пока Джек не закрыл глаза. Но перед уходом я его разбудила и заставила закрыть за мной дверь на замок, а также взяла с него обещание, что он никому не будет открывать её, кроме нас с Люком. Ни под каким предлогом.

Затем я направилась в спальню, заперла дверь и села на кровать. Оказавшись вновь в одиночестве, я почувствовала себя совершенно опустошенной. Так же, как Монтана, которая, насколько я слышала, была пустотой из пустот, рядом с Вайомингом. Я подошла к одному из окон. За ним чернела ночь, соответствующая моему мрачному настроению.

На стопке книг на полу обнаружилась фигурка-оригами пингвина.

Я спустилась на кухню.

Нили был на том же месте, где я его оставила по возвращению из Гленшипа. Он зажёл две свечки на столе, из-за чего в помещении воцарилась атмосфера средневековья. Парень сидел на диване и насвистывал Рахманинова.

— Нили, ты преследовал нас с Джанни до самого Гленшипа?

— Да.

— Почему?

Он не ответил.

— Ривер не появлялся? — спросила я.

Он покачал головой.

— Почему ты ударил Джанни?

— Мне пришлось. У нас кончалось время, а мне было нужно, чтобы он к нам прислушался.

— Вот, как ты решаешь проблемы? Бьёшь людей?

Нили ухмыльнулся.

— Нет, я... волокита.

Я рассмеялась. Это вышло как-то само собой. Затем указала на холодильник.

— Хочешь имбирного лимонада?

— Ещё как!

Под его внимательным взглядом я налила два стакана антидепрессивного сока Фредди. Парень сделал глоток и вздохнул.

— Мне стыдно, что я ударил Джанни. Он не виноват в произошедшем. Не пойми меня превратно, я люблю драться. Но это было... ненужное зло. — Нили взъерошил себе волосы, и в эту секунду так напомнил мне Ривера, что у меня перехватило дыхание.

Затем опустил руку, так и не приведя причёску в порядок.

— Просто... стоило мне подумать о том, что он навредит ребёнку, тебе или кому-то ещё... как я потерял самообладание... — тихо закончил он.

Я прислонилась к столу.

— Ривер не особо раскаивается за свои поступки.

— Мой брат не так плох, как кажется. — Нили поднял на меня взгляд. В сиянии свечи его синяк стал более фиолетовым, будто за день ему стало только хуже, а не лучше.

— Знаю.

— Он живёт с очень могущественным даром. И он одинок. Ему не с кем поговорить о нём, никто не может помочь ему отличить правильное от неправильного.

Я молча попивала лимонад. Внезапно мне захотелось почесать затылок. То же покалывание я чувствовала ночью на кухне, когда мне показалось, что за мной кто-то наблюдает. Обернулась — никого. Посмотрела на тёмное кухонное окно. Ничего, кроме нашего с Нили отражения.

Мне вспомнился смех, прозвучавший на чердаке Гленшипа, и я вздрогнула.

Нили встал и расстегнул ветровку. Под ней была чёрная футболка, но не это привлекло моё внимание. Я смотрела на длинный розовый шрам, начинающийся на шее парня и идущий вдоль всей правой руки.

— Чёрт! — выпалила я и тут же пожалела об этом. Мне хотелось протянуть руку и коснуться шрама. Хотелось впиться в него ногтями и содрать, чтобы увидеть чистую, гладкую кожу Нили. Я поборола это желание.

— Всё нормально, — улыбнулся он. — Иногда даже я ужасаюсь, когда смотрю на себя в зеркало. Можешь коснуться его, если хочешь.

Хотела. Я провела пальцами по его шее и вдоль руки. Шрам заканчивался на запястье, и кожа на нём была мягкой и без волос. Мягче, чем должно быть.

— Прятать эту штуку — настоящее испытание. Особенно если ты яхтсмен, который любит снимать футболку в жару, как все нормальные люди.

— Как это произошло?

Нили тихо рассмеялся.

— Риверу было четырнадцать, — уголки его губ подёрнулись, — а мне только исполнилось тринадцать. Брат ещё не знал о сиянии, но начинал что-то подозревать. Например... что он не такой, как все. Как-то раз мы пошли на пляж, чтобы развести костёр. Ривер любит смотреть на огонь, когда он чем-то расстроен. Не прошло и часа, как мы поссорились. Когда я не дрался с другими детьми, то моей жертвой становился Ривер. — Нили сделал паузу и слабо улыбнулся. — Ох уж эти мои драки. В обычной ситуации Ривер знал, как меня успокоить и заболтать, при этом уворачиваясь от ударов. Но в тот раз он потерял контроль над собой.

История была мне знакома. Я знала, что будет дальше, и потому закрыла глаза. Значит, Ривер не соврал. Бывает же! По крайней мере, не полностью.

Нили погладил меня по руке.

— В тот раз он действительно был не виноват. Он разозлился и подумал что-то плохое обо мне. Все мы так делаем. Но мысли Ривера материальны. Они — оружие. Мы дрались, и я вжал его в песок. А затем... он заставил меня кое-что увидеть. Окровавленный труп девушки, плывущий в океане у моих ног. Очень жутко, в его стиле. Он не хотел этого, просто стоило подумать и... всё произошло. Но я испугался и начал убегать. Потом споткнулся и упал... прямо в костёр.

Я открыла глаза.

Нили прикоснулся рукой к шраму и покачал головой.

— Я упал прямо в огонь, Вайолет. Он перешёл на меня. Ривер толкнул меня на землю и засыпал песком, чтобы я перестал гореть. Он кричал моё имя и плакал. Затем я отключился, и на этом мои воспоминания обрываются. Следующий месяц я провёл в больнице. Меня лечили самые лучшие доктора. И вот, что осталось.

Нили опустил взгляд на свою руку. Он всё ещё улыбался, но его глаза помрачнели. Я прикоснулась пальцами к выступающей коже на его предплечье.

— Мне жаль.

Ничего получше я не придумала.

— Послушай, я знаю, что Ривер делал... плохие вещи. Знаю о старом виноделе. Об испанских близняшках. О той шотландской девочке. Знаю об этом, о многом другом. И ненавижу его за это. Но Ривер мой брат. Он был рядом со мной каждый раз, когда я слишком много себе позволял в детстве, каждый раз, когда эмоции брали надо мной верх, и я ввязывался в драку с тремя старшими детьми одновременно. Он никогда не сдавался, никогда не убегал, никогда не рассказывал нашему отцу, никогда не просил меня остановиться или измениться. Он ломал себе правую руку шесть раз. Но всегда приходил мне на выручку. Всегда.

Мне хотелось спросить о виноделе, о близнецах, о шотландской девочке. Хотелось больше узнать о маленьком Ривере, о периоде его жизни, когда он не знал о сиянии.

Но когда я открыла рот, то сказала:

— Я слышала смех на чердаке. До того, как ты пришёл. И это был не Джанни. Там был кто-то ещё, прятался в тени, наблюдал за нами и смеялся. И смех был безумным, истеричным. Ужасающим...

— Просто забудь об этом. — Нили взял меня за руку на секунду, а затем отпустил. — Я заберу брата домой, и всё прекратится, ладно? Ривер... сам не свой.

Он снова сел на диван и прижался лбом к стене.

— Мне кажется, он стал зависимым от сияния, как от своего рода наркотика. Он постоянно сбегает. Может, действительно потому, что хочет перестать его использовать. Я не знаю. Но моему брату либо становится скучно, либо он встречает кого-то, кто ему не нравится, или начинает злиться из-за какой-то несправедливости и... — Нили посмотрел на меня и грустно улыбнулся. Грустная кривоватая улыбка и кривоватый нос — идеальное сочетание. — И тогда гибнут люди. Всегда.

Я села рядом с ним на диване, и с какое-то время мы ничего не говорили, только периодически слегка прикасались руками. Как обычно, я учуяла запах океана и солнца, и почувствовала себя... лучше.

Но тут у меня вновь закололо в шее.

Мне нужна возможность видеть. Кухонные углы наполнились тенями, а я не включила свет. Мог ли Ривер прятаться там, в ночи? Или я просто никак не могла прийти в себя? Может, мне послышался тот смех на чердаке...

Может, я так сильно испугалась, что потеряла рассудок.

Это возможно?

Полагаю, что да.

Но нет... Джек тоже его слышал.

— Я больше ничего не могу сделать, кроме как вернуть его домой, — сказал наконец Нили. — Даже несмотря на то, что он снова сбежит.

Я не встречалась с ним взглядом. Не рассказывала о дурацкой чёртовой боли при мысли

об отъезде Ривера.

Нили снова встал, надел ветровку и застегнул её до самого подбородка.

— Вайолет, я могу попросить тебя об одолжении?

— Ладно...

— Я очень рад тому, что происходит между вами с Ривером, — он внимательно посмотрел на меня, и по блеску в его глазах я догадалась, что речь была о нашей первой встрече, когда он обнаружил меня в кровати с его братом. — Но я считаю, что ты не должна позволять ему прикасаться к тебе. Только выслушай меня полностью. У меня есть предчувствие, интуиция, которая подсказывает, что Риверу станет лучше, только если он перестанет использовать сияние. Не считая те случаи, когда это ему жизненно необходимо. Поэтому не позволяй ему прикасаться к тебе. Сможешь?

Я покачала головой.

— Ничего не понимаю. Как прикасания Ривера связаны с сиянием?

Тот просто уставился на меня.

— Хочешь сказать, ты не знаешь? Он тебе не сказал?

Парень резко ударил кулаком по столу. Одна из свечек упала и потухла. Половина кухни окунулась в тень. Я сидела на диване, а Нили нависал надо мной. Даже когда я встала, он всё ещё нависал надо мной. До чего же он высокий! Даже его голос доносился свысока.

— Ривер должен прикасаться к человеку, чтобы использовать сияние. Без физического контакта у него ничего не получится. Ему не обязательно касаться тебя прямо в этот момент, это могло случиться час или два назад. По крайней мере, так было раньше. Теперь эффект может продлиться несколько дней. Его сияние... меняется. Становится сильнее. Или слабее. Кто знает.

Он вновь стукнул по столу, и потухла вторая свеча. В кухне стало темно, но я всё ещё видела силуэт Нили.

— Не могу *поверить*, что он тебе не сказал! Он затаскивал тебя к себе в кровать, прикасался к тебе, заставлял видеть разные вещи, чувствовать... бог знает что, и при этом ни разу не упомянул, как работает его сияние? — Нили запрокинул голову, и я подумала, что сейчас он рассмеется. Вместо этого парень издал мучительный, расстроенный вопль. Я подскочила от удивления. От его крика мои мысли завертелись быстрее и быстрее...

Ривер берёт Саншайн за локоть. Ривер показывает Джеку, как играть в йо-йо, положив руку ему на плечо. Ривер обхватывает меня рукой на кладбище и целует. Ривер пожимает руку Джанни в пиццерии. Ривер берёт стакан с виски, Ривер касается пальцев Люка контролируя указатель на спиритической доске, Ривер целует меня, касается, касается, касается...

— Это неправильно и не принесёт тебе ничего хорошего, Вайолет. Он может заставить тебя видеть вещи, которых нет на самом деле. Я люблю его, но не отрицаю, что он нестабилен. И опасен. Более опасен, чем любой, кого ты знаешь и узнаешь в будущем. Ты должна запретить ему прикасаться к тебе.

Но я едва его слушала, потому что мой мозг кипел, а все мысли разбились, сломались и упали окровавленные на пол. Нили это чувствовал, чувствовал грустные, нездоровые эмоции, исходящие от меня. Но мне было плевать. Плевать, если он заметил.

Я ненавидела Ривера.

Ненавидела!

Нили ушёл. Ему этого не хотелось, но он тоже сильно разозлился из-за Ривера. Нам обоим требовалось остыть. Я сидела в одиночестве на краю кухонного дивана. В темноте. Через какое-то время мой гнев сменился усталостью.

Тут волосы на затылке встали дыбом. Я была на кухне не одна.

Рядом со мной сел кто-то тёплый. Я вздохнула.

— Ривер.

Облегчение. И злость. Всё вместе. Мне хотелось столкнуть его с дивана, чтобы он рухнул на пол, но мои руки не шевелились. А через секунду Ривер встал и зажёл свечу. Посмотрев на меня, он кивнул.

— Значит, Нили показал тебе свой щрам.

— Ты подслушивал?

— Что-то вроде того. — Пауза. — Знаешь, каждый раз, когда я смотрю на него, то вспоминаю тот миг. Мой брат горит. Из-за меня. Из-за того, на что я способен.

Ривер взял меня за руку и прижал её к своему сердцу. Я её отдернула.

Парень вздохнул.

— Мне больно, Ви.

— В смысле?

— Ну, тот розоватый туман, который всегда окутывал твои мысли обо мне, пропал. Теперь мой цвет стал алым с чёрными прожилками. По опыту знаю, что это означает страх. Или ненависть. Так что же, Ви?

— И то и другое, — устало промычала я.

— Дело в истории о Ратлснейк-Олби?

Тишина.

— В суициде?

— Знаешь, где я была сегодня, Ривер? Знаешь, что со мной произошло? Хочешь узнать, почему от меня пахнет дымом?

— Ты ходила на фильм с Нили. Вы разжигали костёр?

— Нет. Пока мы смотрели «Короткую встречу», меня нашел Джанни. Он хотел что-то мне показать. Этим «чем-то» оказался Джек, привязанный к балке на чердаке Гленшипов. Он собирался закидать его камнями. Порезать. Поджечь!

Я встала. Воспоминания о связанном и испуганном Джеке вывели меня из апатии. Мои щёки покраснелись, а в душу закралась ярость — свежая и сильная.

— Убирайся, Ривер. Уходи!

Тот не сдвинулся с места. Впервые его глаза стали полностью серьёзными, обиженными. Казалось, будто это я его предала. Могут ли глаза лгать? Были ли они так же искусны во лжи, как его рот?

— Вайолет, это был не я. Я бы никогда не стал использовать сияние, чтобы навредить невинному ребёнку. Как ты могла подумать обо мне такое?

— Ты заставил Джека увидеть Дьявола. А его отца — перерезать себе глотку на главной площади.

— Ты права, — он поднял руки в воздух, словно пытался отмахнуться от правды. — Ты права. Чёрт. Слушай, я не знаю, что произошло в Гленшипе, и что не так с Джанни, но я не

имею к этому отношения. Ты в порядке, Ви? А Джек?

— Я слышала твой смех, Ривер! — моё лицо загорелось от гнева. — На чердаке. Я тебя слышала! А затем узнала от Нили, что тебе нужно прикасаться к людям, чтобы использовать сияние. Сколько вранья я от тебя наслушалась? Насколько это твоё сияние вышло из-под контроля? Потому что мне кажется, что пора уже спасти этот мир и замуровать тебя в подвале. Я пока не решила, стоит ли это делать. Самое время сказать что-то в своё оправдание. Что-нибудь убедительное. И побыстрее.

Ривер прислонился к дверной раме и вздохнул. Внезапно он изменился. Парень больше не выглядел хитрым или по-кошачьему гибким. Просто юным, опечаленным и немного безнадёжным, что совершенно сбilo меня с толку, потому что Ривер никогда так не выглядел.

— Хочешь узнать, почему я люблю Нили? — спросил он. — Мы ссоримся и ссоримся, но, тем не менее, мой цвет в его голове никогда не меняется. Я всегда ярко-жёлтый, что бы ни натворил. А я делал многое. Он никогда не боялся и не ненавидел меня. За это сложно не любить. Безусловная преданность встречается очень редко.

Я ничего не ответила, и он слегка подался вперёд.

— Хочешь подняться со мной на чердак? — наконец спросил парень нежным голосом. — Я больше не буду врать. Только правда.

— Хорошо.

Вот и всё, что ему потребовалось, чтобы уговорить меня. С другой стороны... какого чёрта? Он уедет, и это к лучшему. Одна последняя ночь за беседой никому не повредит. Кроме того, мне всё ещё нравилась часть него, независимая от сияния. Костёр, как он защищал меня от Люка, готовил вкусную еду, оригами, сон в его объятиях...

Через десять минут мы с Ривером сидели друг напротив друга на старом бархатном диване на чердаке и слушали Роберта Джонсона. Мне нравился статический треск на заднем фоне, присущий всем старым пластинкам. Сделав глубокий вдох, я почувствовала солёный ветер и запах дыма, пропитавший мои волосы. Ветер задувал в круглые окна, вертевшиеся, как монетка на столе, а свечи мигали в такт моему сердцу. Ривер закинул несколько тёмных виноградинок себе в рот. Я принесла еду с кухни, сильно сомневаясь, что он успел за сегодня поесть. И зная, что мне должно быть всё равно. Но, чёрт побери, ничего не могу с собой поделать!

Ривер взял гауду, отрезал кусочек и вручил мне. Я осторожно взяла сыр, делая всё возможное, чтобы мы не коснулись пальцами. Парень убрал руки за голову и откинулся на диван.

— Я слышал, как Нили просил тебя не прикасаться ко мне.

Я посмотрела на него.

— Ривер, я не помню, что вчера произошло. Ничего из того, что случилось после поцелуя на кухне. Утром я проснулась в твоей кровати и ощутила головокружение. Я даже не знала, есть ли на мне одежда. Я тебе не доверяю. Ты — лжец. И зависим от сияния. Почему я не помню, как ложилась спать? Или всё, что могло произойти до этого?

Тот пожал плечами.

— Ну да, поначалу я использовал на тебе сияние, чтобы ты успокоилась. Ты была расстроена из-за Даниэля Липа. Я *помогал* тебе. Я совсем не хотел, чтобы ты всё забыла. Просто сияние иногда так работает.

Я с минуту переваривала новую информацию.

— Сначала ты признаёшься мне, что у тебя проблемы с контролированием своего дара. А затем Джанни сходит с ума и похищает Джека, и я слышала смех, но ты ни в чём не виноват! — я стиснула зубы и заговорила медленнее: — Ну, наверное, я должна тебе поверить. Ты лжец. Но я должна тебе верить. А если не поверю, то мне придётся что-то с этим делать. Например, напоить тебя и утопить в океане, пока ты не убил Джека.

Ривер поднял руку, блестящую от оливкового масла, взъерошил себе волосы и посмотрел на меня.

— Где-то так, Ви.

— «Убогого полюбишь убогою душой».

— Что?

— Это из стиха Одена. Фредди часто так говорила.

— Что это значит?

— Думаю, что никто не идеален.

— Золотые слова, друг мой.

Так мы и сидели: не разговаривая, и не касаясь друг друга. Роберт Джонсон начал петь «Между дьяволом и глубоким синим морем». Играл песню медленно и меланхолично, совсем не как Кэб Кэллоуэй.

Я покосилась на Ривера и прислушалась к шуму волн снаружи. В этот момент я поняла, что Роберт пел обо мне.

Воздух потяжелел, и гром ворвался в тишину, как барабанная дробь. Начиналась буря. Запись остановилась, ветер похолодел, и атмосфера на чердаке изменилась. Всего за сотню ударов сердца здесь стало морозно и темно. Будто сон сменился кошмаром. Обычно я люблю грозу, но сегодня у меня было не то настроение.

— Нили прав, — внезапно сказал Ривер. Его лицо потемнело и вытянулось с началом бури, и я задумалась, можно ли ему доверять. — Мне стоит держать руки подальше от тебя. Этот ублюдок всегда прав. Вайолет, можно тебе кое-что сказать?

— Да.

Прогредел гром. Ривер вздрогнул.

— Я ненавижу грозу. Пару месяцев назад я бросил свою богатенькую гимназию и сбежал в Нью-Мексико. Там ни разу не шёл дождь. Мне не снился горящий Нили. Вообще ничего не снилось. Мне всегда плохо спалось, пока... пока я не приехал сюда. И встретил тебя.

— Моя мама не была археологом или шеф-поваром, — продолжил он через несколько секунд в молчании. — Она была светской львицей с добрым сердцем, но умерла пять лет назад. Утонула в море, прямо как герой стиха. Упала с яхты во время бури. Я был с ней. Видел, как она перевалилась за борт, упала в чёрную воду и исчезла.

Фредди тоже умерла пять лет назад. Я много знала о тоске и смерти.

— Мне жаль, — искренне сказала я.

— Она говорила, что я не обязан быть таким, как мой отец. Что я должен быть милосердным, даже к тем, кто этого не заслуживает. Но её милосердие передалось Нили, а не мне. Он... тяжело пережил её кончину. Тогда брат и начал драться. Какое-то время он делал это каждый день. — Ривер провёл рукой по волосам и снова откинулся на диван. — Но его за это не наказали, в отличие от меня.

Я ничего не говорила. Не прикасалась к нему. И не позволяла прикоснуться ко мне.

— Через год после смерти мамы у меня появилось сияние, — он закрыл глаза. — А

затем я сделал нечто глупое. У меня были добрые намерения, но ты сама знаешь, куда ими выложена дорога.

Ривер открыл глаза, вздохнул и снова закрыл.

— У моего отца был день рождения. Он любил мою мать. Очень любил, несмотря на всех своих любовниц. Несмотря на все разы, когда он отвлекался на юных дев, стелящихся ему на пути из-за его денег. Мои родители были лучшими друзьями с самого детства. Школьная парочка. Её смерть чуть не убила его. Потому мне пришла в голову «гениальная» идея для подарка. Каким же я был глупым! Я нашёл его в кабинете. Он сидел в лучах солнца и смотрел на стену. Я подошёл к Уильяму Реддингу II и положил руку поверх его. И показал ему маму. Показывал достаточно долго... пока он не заплакал. Затем я убрал руку.

Блеснула молния, и Ривер снова вздрогнул. Потом облокотился на колени.

— Когда он понял, что произошло, то избил меня. Папа взял пресс-папье из ящика стола и бил меня им, пока не сломал два ребра.

Ривер говорил без тени жалости к себе, как будто зачитывал рецепт или давал направление. Я слышала, как капли барабанят по крыше, стук-стук-стук, словно пытаются пробраться в дом.

— Но после всех избиений он заставил меня сделать это снова. Опять и опять, пока не начал лишаться рассудка, видя перед собой мою мать, благоухающую жизнью, как в день перед смертью. На этом он не остановился. С тех пор, если кто-то был с ним несогласен, он звал меня, чтобы решить эту проблему. Я делал всё возможное. Как я и сказал, в детстве мне лучше удавалось контролировать сияние. Но этого всегда было недостаточно. Своего первого человека я убил по папиному приказу. Ну, если точнее, заставил его убить самого себя. Просто потому, что ему хватило дерзости отказаться от предложения Реддингов. Папа любит хорошее вино и хотел купить виноградник этого мужчины. Он был родом из Италии, и в детстве привозил нам вино прямо из дома. Он отказался. Угадай, кто выиграл в итоге? Добрый, упрямый, старый винодел умер, а мой отец, Уильям Реддинг II, теперь гордый обладатель собственного винного завода. И, чёрт бы меня побрал, я помог ему заполучить его.

Я обняла Ривера. Не задумываясь ни о сиянии, ни о чём. Просто сделала это. Мы долго так сидели, запутавшись друг в друге, пока буря и ветер не утикли. Затем Ривер вытер глаза рукавом рубашки и часто заморгал.

— Папа хочет, чтобы я вернулся, потому что стал зависим от сияния. Ему нужно постоянно видеть маму, хоть это и сводит его с ума. Он не может её отпустить. Клянусь, это хуже наркотиков. Нили считает, что у меня проблемы, но дела папы обстоят куда хуже. «Роза для Эмили» — так назывался тот рассказ, о котором ты упоминала?

Я кивнула.

— Я много об этом думал. Об Эмили, и как она не могла отпустить мужчину, которого любила, и лишилась рассудка из-за этого. Мне кажется, мой отец не совсем... здоров. — Ривер уткнулся лицом мне в шею. Его руки покоились на моей спине и выводили узоры на моём позвоночнике. — Нили у нас миротворец. Забавно, учитывая, как часто он лезет в драки. Он думает, что сможет убедить нашего отца измениться. Остановиться. Ну, или хотя бы позволить мне остановиться. Но он ошибается... брат не понимает, с чем имеет дело. Да и он никак не может удержаться от драк, чтобы действительно помочь, — Ривер покачал головой. — Он кажется открытым и милым парнем, и так и есть. По большей части. Но он очень вспыльчив. Как наш отец.

— Как и ты, — сказала я.

— Как и я.

Дальше мы просто обнимали друг друга, решив покончить с разговорами. В конце концов, Ривер начинал водить пальцем по внутренней стороне моей руки, прикасаясь голой кожей к коже. В моей голове звучал голос Нили, моля заставить Ривера прекратить, но я его игнорировала. Мне хотелось увидеть, что будет дальше.

Ривер поднял ладони к моим щекам. Мою кожу покалывало, и я чувствовала, как на меня начинает действовать его влияние. По мне курсировали приятные ощущения, успокаивая мою беспокойную душу.

Какой-то частицей разума я задумалась, использовал ли Ривер на мне сияние чаще, чем признавал. Например, каждый раз, как прикасался ко мне.

А делал он это часто.

Возможно, я даже начинала привыкать к этому. Как он и его отец.

Вдруг он не мог удержаться? Вдруг он искренне хотел коснуться меня и не знал, что использует сияние? Это ничего не меняло. Скорее, только делало всё хуже.

Я опустила руки на его грудь и оттолкнула парня. Ривер открыл глаза и посмотрел на меня. Его лицо покраснело, как, полагаю, и моё. Мы оба встали и замерли, глядя на друг друга с порозовевшими щеками.

— Даниэль Лип был моим дядей, — сказала я, сомневаясь, что для этого разговора наступит более подходящий момент. — А ты убил его, прежде чем я успела его узнать. Тот крест, который ты снял со стены в спальне, прятал в себе письма моего дедушки, которым оказался не Лукас Уайт, а Джон Лип. Художник.

Ривер покачал головой. Вид у него был ошеломлённый.

— Дай мне их прочесть, — сказал он серьёзным тоном. Таким же он говорил о своём отце и пресс-папье. — Сейчас же.

Я достала письма из кармана юбки и передала их Риверу. Тот прочёл их дважды и вернул мне.

— Прости. Я не знал. Он был просто пьяницей, который обижал тебя и наплевал на своего ребёнка. Я не мог этого вынести.

— Да, знаю. Но однажды ты должен будешь смириться с несправедливостью, как все обычные люди, не обладающие сиянием. Это часть жизни. Нельзя наказывать всех подряд.

— Я могу попытаться.

— Ну, может, тебе удастся придумать другой способ, который не будет включать в себя бойню. Или самоубийства. Жизнь не какой-нибудь западный романчик, Ривер. Мы пытаемся быть цивилизованными, а ты ведёшь себя так, словно попал в Дэдвуд.

Он рассмеялся.

— Жаль, что это не так.

Я не смеялась, но отлично понимала, что он имел в виду. Я начиталась Зейна Грея и Макмертри, посмотрелась Серджо Леоне, и теперь слова «одинокый стрелок» и «самосуд» вызывали во мне лишь приятную вспышку радости.

— Есть ли другие письма? — спросил Ривер. — Или ты нашла только эти? Я... — он замешкался, и его выражение лица вновь стало каким-то странным. — Я бы хотел прочитать все, что ты нашла, — тихо закончил парень.

— Больше ничего, — сказала я, присматриваясь к нему. — А что? Почему тебя это интересует?

Странное выражение исчезло, и Ривер просто ласково рассмеялся. Звук напомнил мне летний ветерок. Этот смех так отличался от того, что я слышала на чердаке, что на секунду я поверила, что там был не Ривер.

Но... кто тогда?

И тут в моей голове возникла мысль, да такая грандиозная, что оттолкнула все другие — например, мысли о письмах, Даниэле Липе и Дэдвуде Ривера.

«Почему его не интересует, кто на самом деле был на чердаке, заколдовал Джанни и смеялся? Он не задавал никаких вопросов. Не спекулировал ни над одним ответом. Почему?»

Ужасный, жестокий голос внутри меня сказал, что у Ривера есть достойная причина, чтобы не любопытствовать. Он говорил, что иногда сияние заставляет людей забывать о произошедшем. Если оно подействовало так на меня, то могло подействовать и на него.

Ривер уже себя подозревал. И поэтому не хотел обсуждать эту тему.

Я внезапно почувствовала себя очень усталой. Старой, потрёпанной, использованной и годящейся только на розжиг, как дешёвый бульварный роман, у которого отсутствует половина страниц, да и вообще читать его никто не хочет. Вот она я, разбираюсь с Ривером, сиянием, Дьяволом и связанным Джеком на чердаке, а всего пару дней назад моя жизнь была не более чем холодным чаем на крыльце у Саншайн и попытками наскрести денег на еду.

Та жизнь осталась в прошлом.

— Сегодня я буду спать в своей комнате, — сказала я хрупким, неуверенным, ненавистным мне голосом. — И да, Ривер, чёрт бы тебя побрал, ты ещё легко отделался! Ни к кому не прикасайся. Ни к Люку, ни к Саншайн, ни к Джеку. Просто иди в гостевой дом и ложись спать. Я серьёзно.

— Не делай этого, Вайолет. Пожалуйста, не уходи. Буря...

Но я ушла. Повернулась к нему спиной и пошла прочь.

Хоть уже было далеко за полночь, я никак не могла уснуть. Взяла семь книг из скромной библиотеки Ситизена и разложила их вокруг себя на кровати. Но открывать не стала. Даже свою любимую книгу о двух волшебниках, которая всегда поднимала мне настроение. В ней была тысяча страниц и много заметок.

Я просто сидела и вглядывалась в темноту в окне, проводя рукой по бахrome на абажуре. Вдруг кожу на затылке начало покалывать. Я встала, накинула на плечи жёлтую шаль Фредди и ушла.

По пути мне попала дверь в комнату Люка. Изнутри доносился голос Саншайн и какой-то шорох. С каких пор они целовались не для того, чтобы меня позлить, а ради удовольствия?

Я почувствовала себя неуютно, стоя за дверью брата и подслушивая то, что, в кои-то веки, не было предназначено для моих ушей. Моё лицо залилось краской. До меня наконец дошло. Все их прелюдии и поцелуи, которые якобы должны были меня позлить... всё это бред. Я была просто предлогом. Потому что Люк и Саншайн нравились друг другу. *Очень* нравились.

Я отвернулась, впав в лёгкое удивление, но не сдвинулась с места. Мне хотелось уйти, но в то же время не хотелось возвращаться в спальню, где меня ждали книги и ощущение, что за мной кто-то следит.

А затем, не успела я осознать, что происходит, как мои ноги начали двигаться. По коридору. На чердак.

Ривер ушёл, и я не знала, радовало это меня или нет.

Я всмотрелась в тени в углах, вновь ощущая, что за мной кто-то наблюдает, как в спальне, на кухне и в Гленшипе.

По крайней мере, на этот раз никто не смеялся.

Мой взгляд упал на чёрный сундук. Из-за него я сюда и поднялась, просто не понимала этого раньше. Я присела и открыла его. Достала пустую бутылку джина, высушенную розу, красную карточку и платя. Ага, вот он.

Я вытащила деревянный крест и нажала на панель сзади. Затем перевернула его, и на пол упали мятые бумажки. Их было пять. Пять бумажек. Пять писем. Я пробежалась взглядом по первому из них, ожидая найти внизу имя Джона. Но первое письмо было подписано кем-то другим. Я быстро-быстро просмотрела все остальные.

11-е января 1928

Дорогая Фредди,

Как ты можешь выйти за него? Ты же это не всерьёз? Лукас добрый и надёжный, но он не создан для тебя. И да, я знаю, что он строит тебе огромное поместье у моря, но ты никогда не будешь в нём жить. Этого не произойдёт. Ты так юна... Как и мы все. Мы — всего лишь дети.

Не спеши стать взрослой, Фредди.

Мольба от твоего друга.

18-е февраля 1928

Фредди. Выходи за меня.

Ты знаешь меня лучше всех. Ты была со мной, когда это произошло впервые. Первое

горение. Мы отдали друг другу свою невинность. Там, в подвале, пока наверху была вечеринка. Каждый раз, как я слышу шаги над головой, я думаю о тебе.

Мы ничего не скрывали друг от друга. И мы отдавались друг другу целиком.

Знаю, что ты на это скажешь. То же, что и всегда.

Ладно, не выходи за меня. Но, если не за меня, то выйди за Чейза. Он хотя бы знает, что такое накал страстей. Любовь. Он много путешествовал. Умеет поддерживать беседу и даже пытался прочесть Джойса. Его родители обожают тебя. Они так и не оправились после того, как Александра упала с домика на дереве и умерла. Его семье не помешало бы твоё очарование. Твой смех. Твоя жажда жизни. Прошу, не выходи за Лукаса. Он наскучит тебе, и ты не станешь хранить ему верность. Пожалей его. Пожалей себя.

С любовью,

10-е июня 1929

Дорогая Фредди,

Это не то, что ты думаешь.

Мне становилось лучше. Всё было под контролем. Ты взяла с меня обещание никогда больше его не использовать после того, как сгорела церковь. И я пытался. Предполагалось, что это больше не произойдёт.

Роуз. И Чейз. Уверен, ты в курсе. Наши семьи дружили годами, и Роуз была влюблена в него с тех пор, как научилась ходить. Думаю, когда-нибудь это должно было случиться. Мне стоило догадаться. А затем, когда я нашёл их в его спальне... для меня это был шок. Ей всего шестнадцать. Они... не подходят друг другу. Роуз слишком чувствительная, слишком невинная, как для игрока Чейза. Я не мог поверить, что он соблазнил её. Я так разозлился... Я планировал всего лишь напугать его, заставить думать, что она неверна ему, чтобы он оставил её в покое и отпустил с миром...

Это не должно было так закончиться. Я думал, он просто забудет о ней... Это я подарил ему нож на четырнадцатый день рождения. Для наших рыбалок. Чтобы резать сеть, потрошить рыбу и всё такое.

Вместо этого он перерезал моей сестре глотку. С меня хватит. С этим покончено навсегда.

Помнишь, как мы курили опиум на чердаке Гленшипов? Чейз смеялся, что ты не станешь этого делать, а ты хотела доказать, насколько он неправ. Так вот, Фредди, то, что у меня, хуже опиума. Гораздо хуже. Возможно, мне придётся уехать на какое-то время. Но я смогу совладать с собой.

Я люблю тебя, Фредди. Всегда, всегда, всегда.

— Уильям

15-е декабря 1942

Дорогая Фредди,

Ты единственная, кто понимает меня. Ты единственная, кто знает, помимо моей семьи. Твоё молчание последние годы было... невыносимым.

Скоро моему сыну будет столько же, сколько и мне, когда это случилось. Помнишь, как мы испугались, когда я схватил тебя за руку и заставил увидеть твоего старшего брата в лейтенантской форме? Ты так сильно ударила меня, что мой нос кровоточил целый час.

А после этого ты обняла меня своими хрупкими ручками и говорила, что всё будет хорошо. Снова и снова.

Пять лет назад я приехал в Эхо. Просто чтобы ещё раз взглянуть на этот городок. Я

никому не сказал, что собираюсь туда. Я пошёл в поместье Гленшипов. Оно почти превратилось в руины. Это едва не разбило мне сердце.

Однажды мы занимались любовью в библиотеке, за зелёными бархатными занавесками. Ты помнишь?

Я навестил и Роуз. Ты похоронила её в семейном мавзолее, чтобы она вечно покоилась в любимом городе. Я так и не поблагодарил тебя за это.

Недавно посмотрел фильм «Гражданин Кейн». Он напомнил мне о тебе.

Ты моя розочка, Фредди.

— Уилл

13-е марта 1958

Фредди,

Джон сказал мне, что Тру утонула. Да, я попросил твоего бывшего присмотреть за тобой. Не вини его. Он всё ещё любит тебя.

Джон сказал, что ты перестала краситься, пить, спонсировать художников и устраивать вечеринки. В общем, всё, что ты так обожала. Всё, что давало тебе жизнь. Он также сказал, что ты заперлась в поместье, и проводишь дни, глядя на океан или небо.

Люди постоянно умирают, Фредди. Даже дети. Это не твоя вина. Бог не наказывает тебя за бурную молодость. Как и меня за... то, что я творил. Просто такова жизнь.

Ты часто говорила, что во мне живёт Дьявол. Но люди меняются. Я изменился. Я не Дьявол, Фредди.

Ответь мне. Пожалуйста.

— Уилл

Я оделась и пошла в гостевой домик. Пришлось пробираться в темноте через деревья и влажную траву, вздрагивая от каждого холодного порыва ветра. Ривер не спал. Сидел на кухне и пил кофе. Если он и удивился моему визиту, то не подал виду. Я попросила его разбудить Нили, потому что хотела им кое-что показать. Он молча прошёл по коридору и сделал, как я просила.

Мы пошли в город. От крошечной тьмы нас спасал только мой слабый фонарик. Дождь прекратился, но тропинка была скользкой и грязной.

— Куда мы идём, Ви? — наконец спросил Ривер, когда мы прошли туннель. Нили не проронил ни слова.

— Искать доказательства, — ответила я. — В мавзолее Уайтов.

— Доказательства чего? — было приятно, что на этот раз он в недоумении, а не я.

Я его проигнорировала.

— Джек взбирался на мавзолей Гленшипов, когда искал Дьявола. Но мавзолей Уайтов спрятан гораздо глубже, в деревьях. Зато он больше. И у него готические колонны. И глубокомысленная фраза, высеченная над входом. Вам понравится.

— Не сомневаюсь, — Ривер споткнулся об камень, но вовремя восстановил равновесие. — А нельзя посмотреть на него утром? Когда будет тепло и видно, куда идти?

— Нет.

Нили хохотнул.

Когда мы подошли к кладбищу, в небе появилась луна. Ветер с моря стал более ласковым. Железные ворота оказались открытыми. Мы протиснулись сквозь проём.

Я замерла и попыталась насладиться ощущением покоя и одиночества, которое всегда появлялось у меня на кладбище. Затем повела Нили и Ривера к мавзолею Уайтов.

Наша семейная гробница держалась особняком в самом конце кладбища, неподалёку от могил самоубийц и заброшенной сторожки, которая рассыпалась на кирпичики. Здесь были похоронены Фредди, мой дедушка и безумный дядя, а также два несчастных младенца, которых Фредди родила перед моим папой.

За гробницей Гленшипов постоянно ухаживали, потому что она находилась у входа на кладбище. А вот за нашей — нет. Каменная крыша поросла плющом, а стены закрывали ежевичные кусты, похожие на колючих пиявок. Оказавшись перед мавзолеем, я была немного ошарашена степенью его запущенности. Она была ощутима и этим угнетала. Я призадумалась, когда была тут в последний раз. Когда вообще здесь *кто-то* был? После смерти Фредди? Неужели прошло так много времени?

Внутри меня зародилось горькое чувство вины. Почему я не ухаживала за могилой Фредди?

Может, я получила от родителей не только любовь к искусству и снобизм, но и небрежность к другим? *«Всё нормально, Вайолет, — отозвался в моей голове голос бабушки. — Мне нравится нынешний вид моей могилы. Забытая и заброшенная».*

Это была правда. Фредди всегда любила покинутые, тихие вещи. Как города-призраки, поржавевшие автомобили на свалках или сломанные мельницы, стоящие на месте, где когда-то была ферма.

У неё хранилась коллекция ключей к зданиям, которые сгорели в Эхо. Одиннадцать практически одинаковых ключей, не считая одного большого, принадлежавшего старой деревянной церквушке, обращённой пеплом одним свихнувшимся священником. Она прятала их в розовом носовом платке и показала мне одной летней ночью, когда мы обе не могли уснуть. Я помнила светлячков, и что платок Фредди пах розами, и влажный ночной воздух, и имбирный лимонад, и мягкие, морщинистые, родные руки.

Я вытянулась и дёрнула за плющ. Под ним скрывались слова, высеченные на камне над дверью. Они закручивались спиралями и светились в лунном свете, как нечто из Средиземья.

— Это эльфийский? — спросил Ривер, как только я подумала о мире Толкина.

— «Меа кулпа. Из-за этого греха пали ангелы. Эксуро, эксуро, эксуро». — Я встала на носочки и провела пальцами по словам. — «Меа кулпа» переводится как «моя вина», но ты это наверняка знаешь. Вторая строка из «Генри VIII» Шекспира. А последнее значит: «Я горю, я горю, я горю». Фредди попросила сделать эту надпись десятилетия тому назад, но ни разу не призналась, что она значит. В конце концов мне пришлось пойти в библиотеку. Я перевела фразу с латыни, но вот что Фредди под ней подразумевала...

— Что ей жаль, — впервые отозвался Нили с тех пор, как Ривер его разбудил. Он выглядел очень мило и сонно в мятых льняных штанах и ветровке. — Она сожалеет о своих грехах. А горит — в адском пламени.

— Не думаю, — Фредди не горела в аду. В этом я была уверена.

Я постучала пальцем по ржавому замку на двери в мавзолей, и с него слетели кусочки металла. Предположительно, его можно сломать и крупным камнем. Чёрт его знает, где сейчас лежит ключ.

Стоп....

Имена могут быть и снаружи, под листвой.

Я обошла гробницу и отодвинула плющ. Первым именем, бросившимся мне в глаза, было Тру Уайт. Моя тётя. Та малышка, которая утонула. Привидение, которое придумал Ривер, чтобы запугать Люка. Дочь, которая привела Фредди к Богу и Дьяволу.

Но все устали на другое имя. *Роуз Реддинг. Любимая дочь, любимая сестра. Убитая на свой 16-й день рождения, 8-го июня 1929.*

Я достала из кармана красную карточку и пять писем, и передала Риверу фонарик. Он молча прочитал их, после чего отдал письма Нили.

— Ты знал? — спросила я через несколько минут тишины. — Ваш дедушка обсуждал с вами Фредди и Эхо? Поэтому ты приехал? Ты знал, что у него тоже было сияние?

Ривер задумчиво посмотрел на меня. Затем прислонился к стене, укрытую одеялом из плюща, и кивнул.

— Дедушка называл это «горением». И да. За пару лет до смерти он начал говорить со мной. Тогда я впервые узнал о своём даре, сиянии, который передаётся из поколения в поколение. Вот только отец его не получил. От деда я узнал о женщине по имени Фредди, которая была единственной, кого Уилл Реддинг когда-либо любил. Я узнал о городке Эхо, где дедушка потерял контроль над горением, и из-за этого его сестра умерла. Перед смертью он пытался меня предупредить, но было слишком поздно. На то время папа уже заставил меня работать на него, и я глубоко погряз в этой штуке. У меня появилась зависимость. Я думал... думал, если приеду в Эхо, возможно... не знаю. Что это мне поможет.

— Едва ли, — встрял Нили.

Я тоже об этом подумала. Ривер посмотрел на меня полными мольбы глазами.

— Я приехал в Эхо и узнал, что у Фредди была внучка, которая выглядела точь в точь как она. И эта внучка сдаёт гостевой дом. Всё казалось даже слишком идеально. Я бы назвал это судьбой. Я думал... что ты спасёшь меня, Ви.

— Я пытаюсь.

— Знаю, — Ривер потянулся ко мне... и остановился. Затем опустил руки. — Дело не в этом, Ви. Не в Фредди и не в моём дедушке. И даже не в сиянии. Дело в том, как ты сидела на тех ступеньках и читала под палящим солнцем. В том, как ты пьёшь кофе, становясь на цыпочки. В том, как ты прямолинейна, и в то же время скромная. Заботливая и эксцентричная. И немного сноб. Дело во всём этом. — Ривер замолчал на секунду, но не отрывал от меня взгляда. — Прежде у меня никого не было. Ни одной девушки. Я не знаю, что делаю, Ви. Посмотри на меня. Ты мне веришь? Ты веришь в то, что я тебе говорю?

Последние слова он буквально выпалил, словно стыдился их.

— Нет. Ты лжец, — фраза получилась не такой дерзкой, как планировалось.

Нили рассмеялся.

— Круто она тебя сделала, братец. А я предупреждал, что будут последствия от твоего вран....

Крик. Детский крик. Он донёсся со стороны мавзолея Гленшипов. Мы переглянулись и пошли на звук. Приблизившись к старой гробнице, я увидела в тени двух ребятшек. Высокого, стройного, темноволосого паренька. Второй был помладше. Он лежал на земле у могилы и прикрывал лицо, потому что старший мальчик избивал его. Ночной воздух наполнился визгом. Он был призрачным, *прозрачным*, слабым, жалким и душераздирающим.

— Нет, Ривер, я разберусь, не трогай его! — крикнул Нили, но было слишком поздно. Ривер сбил мальчика с ног и прижал его к мавзолею. Затем схватил его за футболку и поднял. Сомкнув руку на его шее, он стукнул паренька об обросшую плющом стену.

Голова мальчика дёрнулась назад и ударилась об камень.

— Ривер, прекрати! — закричала я. Это был тот самый мальчик, которого я видела пару дней назад. Задира. «Касабланка» и йо-йо. — Он ещё ребёнок! Остановись.

Он меня проигнорировал.

— Дерёшься с тем, кто вдвое меньше тебя? — прорычал Ривер. — Думаешь, это честно? Это нормально?

Задира съёжился. Затем поднял руку и указал на мальчика, лежащего на земле.

— Я пришёл сюда покурить, а этому придурку хватило наглости сказать мне, чтобы я уходил. Из-за Дьявола. Дьявола! Эти лживые щенки всем рассказали, что видели грёбаного Дьявола, и теперь наш город опозорился! А потом я ловлю одного из них, и он говорит, что я должен уйти с кладбища. Мелкий засранец!

Я присела рядом с младшим мальчиком. Мы уже встречались. Это был тот светловолосый паренёк, который замешкал у ворот, когда остальные дети покидали кладбище. Он был весь в грязи, с рваной одеждой, и из его рта и носа шла кровь. Он вытер рукой глаза и сердито посмотрел на темноволосого мальчика.

— Я не вру! Дьявол был здесь. Мы все его видели!

Задира начал вырываться из рук Ривера.

— Ах ты лживый ублюдок! Я буду бить тебя, пока не пробью грудь и не вытащу твоё маленькое сердечко через рёбра....

Нили кинулся вперёд и убрал руки Ривера с мальчика. Тот словно окаменел на секунду, глядя пустым взглядом в тени, а затем побежал за деревья.

Руки Нили дрожали в лунном свете. Его дыхание участилось. Ладони сжались в кулаки.

— Ты сделал это, Ривер? Ты использовал сияние на этом парне? — его голос изменился. Стал низким и напористым, словно он *хотел*, чтобы Ривер ответил «да». Тот потёр виски.

— Я... не знаю. Я просто... Мои руки сомкнулись на его шее, и я разозлился, и...

Нили замахнулся правой рукой, той, на которой были шрамы, и ударил Ривера по лицу. Тот дёрнулся и сделал шаг назад. Затем прикоснулся к своей щеке и посмотрел на брата.

— Спасибо, — Ривер убрал каштановые волосы со лба, и движение показалось мне немного дерзким. Словно он подначивал Нили сделать это снова.

— Ну же, — ответил второй брат напряжённым и взбудораженным голосом, после чего начал кружить вокруг Ривера. Я думала, что ничего уже не произойдёт, но тут Нили попытался быстро ударить Ривера в челюсть.

Тот с лёгкостью увернулся. Нили склонил голову и набросился на брата, после чего оба рухнули на землю. Нили оказался сверху, но Ривер схватил его за шею.

— Ты закончил? — прокричал он. — Закончил?!

— Да! Чёрт бы тебя побрал, — прошептал парень, потому что локоть Ривера мешал ему говорить.

Ривер отпустил его, и они встали. Затем перевёл взгляд с брата на меня и начал спускаться вниз по холму.

Я повернулась к светловолосому мальчику.

— Ты ранен?

Глупый вопрос.

— Немного, — ответил он, прижимая руку к рёбрам и вытирая кровь с губ. — Но всё будет хорошо.

Я убрала его руку и потрогала грудь, чтобы понять, всё ли цело.

— Давай я, — Нили присел рядом. Его дыхание всё ещё было учащённым, но выглядел он... спокойней, чем перед дракой. — Я знаю, как оказывать первую помощь. Одним летом

я работал волонтером-санитаром.

Нили пощупал мальчика. Его костяшки были в крови — то ли от драки с Ривером, то ли от падения на землю. Но парень словно не замечал боли. Он работал быстро и уверенно, и его ничуть не беспокоил взгляд тёмных глаз светловолосого мальчишки, в отличие от меня.

— Тебе повезло, — сказал он через пару минут. — Кости не сломаны. Но синяков будет много. Тебе лучше пойти домой и попросить маму приложить лёд.

Мальчик опёрся на землю и встал. Нили положил руку ему на плечо.

— Не стоит больше сюда возвращаться. Никакого Дьявола нет и не было. Обещай, что будешь держаться подальше от кладбища.

— Попытаюсь, — ответил мальчик, всё ещё прижимая руку к рёбрам. Затем он развернулся и пошёл по тропинке.

Я наблюдала за ним, пока ночь не поглотила его.

Затем почувствовала, как чьи-то тёплые пальцы переплелись с моим. Нили взял меня за руку и стоял со мной плечом к плечу, глядя на деревья. Я чувствовала запёкшуюся кровь под подушечками пальцев.

— Позже я поищу второго паренька. Не знаю, что Ривер с ним сделал, но... явно ничего хорошего. Нужно прибрать за ним грязь.

Я кивнула. Затем мы пошли к Ситизену, прислушиваясь к пению ночных животных. Нили крепко держал меня за руку, пока я его не отпустила.

* * *

Когда мы вернулись в гостевой дом, Ривера там не оказалось. Нили отправился на поиски. Было поздно. До рассвета оставалось пару часов. Трава была мокрой, а в воздухе парил холодный туман. В небе светила луна, и вокруг царила тишина, если не считать шума океана. Даже сверчки притихли.

Я зашла в дом, порылась в морозильной камере Ситизена и нашла лёд. Взяла две тряпки, вложив в каждую по четыре кубика, и вышла на улицу. Затем села на ступеньки перед входом, на том месте, куда доставал свет из окон фойе.

Через несколько минут пришёл Нили. Без Ривера.

— Держи, — я передала ему одну тряпочку.

Парень улыбнулся, и на секунду синяк под его глазом стал ярче. Он прижал лёд к опухшей руке.

— Спасибо, милая. К такому легко привыкнуть... Что о тебе заботятся после драки.

— Знаешь, мне кажется, с задирой всё будет нормально, — соврала я, потому что иногда даже девушки должны врать. — Уверена, Ривер просто заставил его увидеть какого-нибудь Ктулху.

— Да, наверное, — рассмеялся Нили. — Мне не стоило... Просто брат очень, *очень* меня злит. Потому... — он приподнял травмированную руку и указал на синяк на лице. — Мне жаль, что ты стала этому свидетелем.

— Всё нормально. Мне и самой периодически хотелось его ударить.

— Он умеет произвести впечатление, — Нили вздохнул, и я снова увидела грустную улыбку на его устах. — Знаю, может показаться, что я не воспринимаю его проблемы всерьёз, но это не так. Я беспокоюсь о нём. Постоянно. Просто подумал, что тебе стоит

знать.

— Я знаю.

И вот уже его губы расплылись в доброй улыбке.

— Ты хоть что-нибудь пропускаешь мимо, Ви?

Я пожала плечами, думая о Люке и Саншайн, о тайных письмах Фредди, о тайне Даниэля Липа.

— Да, и довольно многое.

Парень хохотнул.

— Ладно, пойду прогуляюсь. Не хочу быть здесь, когда Ривер приползёт домой. Наверняка мне захочется снова его ударить. Но я скоро вернусь, хорошо?

— Хорошо.

Нили ушёл. Четыре кубика льда, которые я взяла для Ривера, растаяли в моей руке и закапали на землю. Я провела ладонью по своей красной юбке (на самом деле она принадлежала Фредди) и вспомнила о крови на губах светловолосого мальчика, о перерезанной глотке Роуз Реддинг, о письмах и Ривере.

Он явился спустя двадцать минут. Легко понялся по ступенькам Ситизена и улыбнулся, как падший ангел.

— Думаю, Нили давно мечтал это сделать, — Ривер засмеялся, прижав пальцы к щеке. Та опухла и посинела. Братья с одинаковыми улыбками. И одинаковыми синяками.

Я пошла на кухню, и парень последовал за мной. Достала новые кубики льда, завернула их в полотенце и молча вручила Риверу. Глядя на его исцарапанное улыбающееся лицо, я почувствовала, как во мне что-то зарождается: сильное, крепкое и горькое, как чёрный кофе без сливок и сахара.

— Прекрати улыбаться, Ривер. Ты даже не знаешь, использовал ли ты сияние на том мальчике. Ты хоть понимаешь, насколько опасен? Ты хоть понимаешь, что это значит?

Он прижал лёд к лицу, в его взгляде поубавилось дерзости.

— Мы не могли бы обсудить это позже? У меня болит лицо. Завтра придумаем, что со мной делать. Я соберу вещи и уеду. Вернусь домой, всё испорчу и снова сбегу. — Пауза. — Правда, в следующем городе уже не будет тебя. И, если подумать, это меня бесит.

Его слова казались частично искренними. Это уже что-то. Я пристально посмотрела на него.

— То, что ты сказал на кладбище... до того, как закричал ребёнок. О том, что у тебя никогда раньше не было девушки. Это правда, не так ли?

Ривер уставился в стену и начал ёрзать. Если бы Нили был тут, он бы посмеялся с этого зрелища.

— Да.

— Ты врёшь?

— Да.

— Ты и сейчас врёшь?

— Да.

Ривер тяжело вздохнул. Вся его самоуверенность испарилась. Внезапно он стал выглядеть гораздо моложе.

— Ви, ты не могла бы поспать со мной сегодня ночью? Пожалуйста?

— Хорошо, — ответила я. Потому что этот раз будет последним. Кроме того, я верила в то, что он сказал на кладбище.

Мы пошли в спальню Ривера, открыли окна, чтобы наполнить комнату морским воздухом, и укрылись одеялом. Коснувшись щекой подушки, парень скривился. Мы не целовались, но я уснула в его объятиях и с его лицом в моих волосах.

Мне приснился сон.

О кладбищах. О туннелях. О мужчине с шерстью на зубах и перерезанной глоткой. Мне снился Дьявол, который выглядел как Ривер, только с рыжими волосами и кроваво-красными глазами. Только это был не Дьявол. И не Ривер. Это был Нили, и его светлые волосы покраснели в свете закатного солнца, а лицо покраснелось от ударов. Он дрался с Ривером, который внезапно начал меня целовать, и мне было так хорошо, так хорошо, потому что он целовал мою шею, а затем плечи. Он помог мне снять одежду, а я помогла ему, и мы оказались голыми, но мне было всё равно, я просто хотела, чтобы его поцелуи не заканчивались, длились всю вечность, аминь. Всё казалось правильным, и я знала, что время пришло, и я хотела его, о, как же я его хотела...

Хлопнула дверь.

Я резко проснулась.

Сделала глубокий вдох. И открыла глаза.

На улице почти рассвело, из окон лился голубовато-серый свет. Я проспала всего пару часов. В кровати Ривера. Мне снился сон. Просто сон. Но какой хороший... Чёртова дверь!

Но... стоп. Что-то не так. Мне было тепло. Даже жарко. Кожу покалывало.

Я повернулась и наконец поняла, что не так. Я была голой.

Как и Ривер.

Наши тела крепко прижимались друг к другу. Мой сон... он был реален! Голый Ривер свернулся вокруг меня, и это казалось так правильно, как во сне...

— Вайолет? — прошептал он.

— Да? — едва слышно ответила я. Затем сделала ещё один глубокий вдох и моя грудь упёрлась в Ривера. Быстро выдохнула. Наши взгляды встретились. Он положил руку на мою поясницу.

— По-моему... по-моему, я использовал сияние во сне. Я даже не знал, что могу так делать. О, чёрт. Мы, мы почти... господи, прости, Ви. Я не знаю, что со мной происходит...

Я даже не шелохнулась.

— Нили прав, — продолжил Ривер голосом, полным сомнений и напряжения, что было совсем не в его стиле. — Я потерял контроль.

— Да, — ответила я. Но всё так же не сдвинулась с места.

— Вайолет, со мной небезопасно, — наконец сказал он. — *Тебе со мной небезопасно.* Ты должна уйти. Уходи, Ви. Уходи! Сейчас же!

Моё сердце остановилось, вздрогнуло и снова забилось. Я высвободилась из объятий Ривера и встала с кровати. Наша одежда валялась на полу. Я оделась и ушла.

Затем развернулась, прошла по коридору и вновь зашла в комнату Ривера.

— Тебе нужно покинуть Эхо, — прошептала я. Замерла у его кровати, прижав руки к сердцу, и стала ждать. Ривер повернулся, и одеяло соскользнуло с его тела, открывая вид на оголённое бедро. — Завтра. И я не хочу видеть тебя до отъезда, понятно?

— Уходи отсюда, Вайолет, — только и ответил он.

Так я и сделала. Я ушла.

Нили сидел на кухне гостевого дома. Пил кофе из маленькой розовой чашечки с отбитым кусочком. Он сидел спиной к окну, и рассветное солнце обрамляло его силуэт.

— Нили, не понимаю, как ты можешь пить так много кофе, — сказала я несколько писклявым голосом. Затем забрала у него чашечку и выпила залпом всё содержимое. По горлу разлилась приятная горечь, и мне стало лучше.

Нили присмотрелся ко мне. Его губы расплывались в улыбке, но глаза буквально пронзали меня.

— Ви, ты в порядке?

— Да, конечно, — но мои руки всё ещё тряслись, и Нили мгновенно понял, что я вру.

— Ладно. Пока оставим этот вопрос. Хочешь знать, где я был?

Нет.

— Я пытался найти того мальчика, которого осиял Ривер, — продолжил Нили, когда я не ответила. — Вернулся на кладбище и шёл с какое-то время по его следам в лес. Но ничего не нашёл. Я беспокоюсь о нём.

Я не хотела встречаться с ним взглядом, поэтому выглянула в окно.

— Я тоже.

Нили прищурено посмотрел на меня.

— Почему не спишь? Почему не лежишь в кровати брата, не нежишься в его объятиях, не нарушаешь клятву не позволять ему себя трогать?

Я покачала головой и не ответила.

— Что случилось? — тихо спросил он. — Вайолет, что случилось?

Я посмотрела на его правую руку, на ту, что опухла. На ту, которой он ударил брата по лицу.

— Обещаешь больше не устраивать драк?

— Нет, — он замолчал и провёл рукой по волосам, прямо как Ривер. — Да. Да, обещаю. Да поможет мне Бог, Ви.

— Ривер использовал на мне сияние. Во сне. Не нарочно... но это всё равно случилось. Между нами начало кое-что происходить, и мы оба были этому рады, но затем я услышала, как открылась входная дверь, и это меня разбудило. Как раз вовремя, — добавила я, потому что глаза Нили вновь загорелись огнём, как за секунду до драки.

Он глубоко вдохнул и взял меня за руку. Сжал её так сильно, что свежие царапины на его коже вновь начали кровоточить. Так мы и стояли в тишине на кухне, пока солнце поднималось за окном, а морской воздух проникал в комнату.

Кто-то тихо звал меня по имени. Я прикрыла глаза от яркого утреннего солнца и повернулась, чтобы посмотреть, кто решил разбудить меня сегодня. Саншайн? Люк? Нили? Я потянулась и поняла, что со мной в кровати никого нет. Ривер...

Я села и потёрла глаза. Затем мой разум затопили воспоминания о вчерашней ночи, и это разбудило меня быстрее, чем ведро ледяной воды. Ривер уезжал. У него проблемы, он не владеет собой. Сияние. Письма...

— Вайолет?

Это был Джек. Он стоял в луче солнца и выглядел как обычно серьёзным.

— Привет, Джек. А я заснула. Сама. — *«Сосредоточься, Вайолет!»* — Что случилось?

— Утром я вышел на прогулку. Хотел найти идеальное дерево и нарисовать его. Но нашёл... нечто другое. В канаве у дороги.

Я уставилась на него непонимающим взглядом.

— Мне нужно, чтобы ты пошла со мной. Прямо сейчас.

Я кивнула.

— Хорошо.

Расчесав волосы и почистив зубы, я надела зелёную юбку и мягкую рубашку на пуговицах, в которой мама любила рисовать. Джек ждал меня снаружи. Я никого не предупредила, что уйду: ни Люка, ни Нили, ни... Ривера. Я сказала, что не хочу видеть его до отъезда, но теперь сомневалась в серьёзности своих слов.

Чёрт бы его побрал!

Я последовала за Джеком по дороге в Эхо, мимо туннеля и кладбища. Солнце ярко светило в небе. Из-за росы на траве мои ноги скользили в шлепанцах.

Вдалеке прозвучал свисток поезда, и хрупкие плечики Джека напряглись. Мы прошли городской центр и брели по пустому полю неподалёку от улицы Гленшипов, но мальчик так и не произнёс ни слова. Это меня нервировало.

— Ради Бога, Джек, что ты увидел?!

Но тот только покачал головой. Прошло ещё несколько минут в пути. Я уже слышала шум воды вдалеке — это была река, огибавшая весь город и выходящая в море. Смахнула с себя комара и скривилась при виде кровавого пятна, которое он оставил на руке.

Подняв взгляд, я обнаружила, что Джек остановился и указывал на железнодорожные пути.

В Эхо всё ещё ходили поезда. Дорога рядом с Ситизеном давно исчезла, но за городом пролегла рабочая дорога, по которой ездили в Канаду грузовые поезда и изредка пассажиры. Джек показывал на участок, поросший деревьями.

Мальчик взял меня за руку и вместе мы ступили на рельсы. Я прислушалась к звуку поезда, но ничего не услышала, кроме тихо и меланхолично воркующих голубей. Джек потянул меня за руку, и мы сбегали вниз по рву с другой стороны дороги.

Дойдя до низа, я недоумённо покосилась на Джека. Его рыжеватые волосы блестели в утреннем свете. Лицо у мальчика было бледным.

И тут я увидела.

Его.

Чёрные спутанные волосы, слипшиеся от засохшей крови. Они первыми бросились мне

в глаза. Тело мальчика было спрятано в тенях, откидываемых деревьями. Но на его лицо падали лучи солнца. Я отшатнулась и чуть не наступила на руку мёртвого ребёнка.

С моих уст сорвался кричащий, визгливый звук, от которого я сама вздрогнула.

— Думаю, его сбил поезд, — сказал Джек. — Проводник его, наверное, даже не услышал. Тело откинуло в сторону, и он... скатился сюда.

Я не ответила. Мой взгляд был прикован к глазам мальчика. Глаза, которые стреляли молниями на кладбище, пока Ривер сжимал его шею, теперь были широко распахнуты и смотрели в пустоту. Мёртвые. Мёртвые, мёртвые, мёртвые. Это зрелище нельзя было сравнить с тем, как Даниэль Лип перерезал себе глотку на городской площади. Тело передо мной принадлежало ребёнку. Всего лишь маленькому мальчику. Его голова была вывернута под жутким, неестественным углом, а кожа местами посинела и посерела. Его чёрные волосы были грязными от крови, земли и листьев. Чёрт, я так близко находилась к труп, что могла прикоснуться к нему...

— Вайолет, это сделал Ривер? Он заставил его прыгнуть под поезд? Я никому ничего не рассказывал. Не хочу, чтобы у Ривера были неприятности. Сначала я собирался рассказать полиции, но затем подумал, а что, если это дело рук Ривера?

Я отпустила его руку и отошла в бок. Меня стошнило. И даже когда рвать уже было нечем, тошнота не прекращалась, сотрясая моё тело. Меня трусило, как листья на деревьях, которые прятали тело мальчика от солнца.

В конце концов я выпрямилась. Подошла к ручью, опустилась на его грязный берег и умыла лицо холодной водой. Прополоскала рот. А затем вернулась к Джеку и труп.

— Ривер потерял контроль, Джек. Это он был на чердаке, я уверена. Он опасен. Для меня, для тебя, для всех. Потому... вот, что мы сделаем. Ты пойдёшь в кафе или библиотеку и останешься там, пока я не приду за тобой. Не хочу, чтобы ты оказался замешан в наших разборках. Я пойду к Саншайн. Воспользуюсь её телефоном и позвоню в полицейский участок Портленда. — Я провела тыльной стороной ладони по лбу. Лицо было холодным, но от воды из ручья или от тошноты — я не знала.

— Возвращайся в город, — сказала я, когда Джек не сдвинулся с места.

— А ты? — спросил он милым, серьёзным и обеспокоенным голосом.

Я покачала головой.

— Я пережду пару минут. Не хочу, чтобы кто-то увидел, как мы вместе возвращаемся в город. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что ты имел отношение... к этому.

Джек посмотрел на меня, затем кивнул и убежал.

Голуби снова заворковали. С верхушки дерева закаркала ворона. Тени вокруг меня заплясали от облаков, закрывших солнце. Теперь всё тело мальчика окунулось во тьму. Мне хотелось помочь ему. Подвинуть его, чтобы он не лежал так неестественно. Я хотела...

— Привет.

На одну безумную секунду я подумала, что со мной поздоровался мёртвый мальчик. Что он ожил. Я испугалась, что сошла с ума. Приложила руку к сердцу, наклонилась и уставилась на рот и глаза трупа, ожидая, когда они шевельнутся.

И тут у меня начало покалывать в затылке.

Я обернулась.

Мальчик. Не мёртвый. Он стоял в десяти шагах от меня в гуще деревьев. Ему было около четырнадцати, но он уже перерос меня. Вид у него был отдалённо знакомый. Где мы могли видаться? Он был тощим и угловатым. А его волосы... длинные волосы до плеч. Красные,

как море на заре, моряки, готовьтесь к беде. Огненно-красные. Кроваво-красные.

На нём были чёрные ковбойские сапоги, узкие, дорогие на вид чёрные штаны и обычная белая футболка. Он смотрел на меня зелёными, круглыми, удивлёнными глазами. Затем кивнул на тело.

— Да уж, мэм. То ещё зр... то ещё зрелище, — сказал он надломленным голосом. У него был слабый южный акцент. Как у Макмертри. Скорее всего, он из Техаса. — Я наткнулся на него случайно, пока наблюдал за поездами. Так я сюда и приехал. На поезде. Мне нравится смотреть на них. И иногда кататься.

Я уставилась на него и попыталась скрыть дрожь. Главное не паниковать.

— Как давно ты здесь?

«*Пожалуйста, пусть он не слышал о Ривере, господи, пожалуйста!*» — взмолилась я, несмотря на то, что и так собиралась рассказать обо всём полиции, и это уже не имело значения.

— Всего пять секунд, мэм. Я живу в Эхо. Собрался было идти в город за помощью, но тут увидел вас и того мальчика, и спрятался за деревьями, чтобы понять ваши намерения, — он протянул руку. — Меня зовут Броди.

— Я — Вайолет, — мы пожали руки. Несмотря на удобу, рукопожатие у него было крепким. Его пальцы впились мне в кожу... и отпустили. — Значит, ты Броди? Не припоминаю... мы раньше не встречались? Ты недавно переехал?

Он быстро кивнул. Копна его рыжих волос взметнулась от движения, и показались кончики ушей. Они немного торчали, из-за чего он выглядел ещё моложе.

— Пару дней назад, — мальчик нагнулся и поднял что-то земли. Чёрную ковбойскую шляпу. Затем надел её на голову, и рыжие волосы исчезли из виду, как лампочка, которая со вспышкой погасла. — Я из Техаса.

Я уже видела эту шляпу. Паренёк, сидевший на качелях, когда Даниэль Лип совершил самоубийство... на нём была такая же шляпа.

Облака проплыли дальше, и на небе снова показалось солнце, осиявшее лицо мёртвого мальчика. Я вдруг осознала, что только что познакомилась с ребёнком из Техаса, стоя в шаге от трупа.

— Да, Техас, точно... — пробубнила я, снова думая о Ривере, как сдам его, что с ним сделают, и что это сделает со мной. — Мне нужно срочно позвонить, так что... я не могу сейчас разговаривать. Мне нужно вернуться домой и сделать важный звонок...

— Вы не будете против, если я пойду с вами, мэм? — Броди снова снял шляпу. — Вы собираетесь звонить в полицию, верно? Я мог бы подождать с вами и рассказать им, что видел. Мне хотелось бы помочь. Вы выглядите немного измождённой, если честно. Мне уже доводилось видеть мёртвых мальчиков. В Техасе много трупов. Потому мне всё равно.

Но мой разум находился в миллионе миль оттуда, и я не отвечала. Когда я молча начала идти в город, Броди просто последовал за мной. Какая-то частичка меня всё же продолжала отмечать, что творится вокруг, так что это я заметила. Но что толку? Он выглядел как вполне милый, вежливый ребёнок. Ну и что, если он ко мне присоединится и расскажет полиции свою версию истории?

Дойдя до города, мы пошли незаметными тропками, чтобы избежать главной площади. Я не хотела никому объяснять, почему мои ноги по колено в грязи, почему с волос капает речная вода, почему у меня болезненный вид и почему я шагала с каким-то парёнком по имени Броди. Я была уверена, что, если хоть один человек осмелится меня остановить и

спросить, что случилось, я сразу во всём признаюсь. Расскажу о сиянии, Ривере, Дьяволе, мёртвом мальчике. Обо всём.

По пути домой Броди вроде бы спросил, куда именно мы идём, и я вроде бы ответила ему, но точно не помнила.

В Ситизене царила тишина. Я пошла в сарай, но Люк сегодня не рисовал. В гостевом доме было тихо. Прижалась ухом к двери и прислушалась: вдруг услышу, как кто-то готовит завтрак, варит кофе, жарит яичницу, или Нили с Ривером дерутся — но ничего не слышала.

Когда я вышла на задний двор, меня пронзила дрожь. В атмосфере чувствовалось что-то плохое, как перед началом бури. Вот только небо было ясным. Яркое светило солнце, воздух был тёплым. Но *что-то* вызывало у меня мурашки по коже. Что-то вызывало во мне ощущение, что за мной наблюдают.

Я осмотрелась. Никого. Нигде никого не было.

— Понятия не имею, где все. Это... странно.

Броди просто улыбнулся и пожал плечами.

Я начала колебаться. Подошла к ступенькам в Ситизен и подумала о том, чтобы прилечь в кровать. Забыть о том, что я видела. Забыть о мёртвом мальчике с запёкшейся кровью на волосах. Забыть о Даниэле Липе, перерезавшем себе глотку. Забыть обо всём.

Но затем я посмотрела на Броди с его рыжими волосами, ковбойской шляпой, его «мэм» и милым тexasским акцентом.

Он тоже видел тело.

Его не забыть. И дело это никак не замять.

— Просто подожди здесь, — сказала я, наплевав на вежливость. — Я схожу к соседям и воспользуюсь телефоном. Будет легче, если ты останешься тут. Ладно?

Броди приподнял шляпу и указал на землю у своих ног, как бы говоря, что он никуда не денется.

Я сделала глубокий вдох и пошла по дороге к дому Саншайн.

Девушки не оказалось на крыльце. Наверное, она тоже ещё спала. Интересно, который вообще час? Саншайн и Люк были ранними пташками, а я не особо знала, чем можно заниматься в такую рань: когда они встают, когда завтракают, как проводят каждое утро? Я никогда не была жаворонком, не считая тех случаев, когда меня будили серьёзные мальчики в 7 утра, чтобы показать мёртвое тело на железнодорожных путях.

Дверь в дом Саншайн была открыта. Я постучалась, но не стала дожидаться приглашения.

Первыми мне бросились в глаза родители Саншайн. Сэм и Касси стояли в гостиной — первый, как обычно, выглядел потерянным и весь в вельвете, а Касси сверкала чёрными волосами и очками. Оба смотрели на что-то на полу.

Что-то на полу оказалось Саншайн. Она лежала на животе и истекала кровью. Кровь шла из раны на виске, стекала по лицу и собиралась в лужицу на полу.

Саншайн заметила меня. Её рот открылся в безмолвном крике. Она пыталась что-то сказать, но с её уст слетали только слюна и ещё больше крови. Девушка закашлялась, и кровь засочилась сквозь стиснутые зубы.

— Может, ударь ещё раз? — предложила Касси. — Смотри, оно пытается пошевелиться.

В руке Сэма была зажата бита, которую я заметила не сразу. Почему я её не заметила? С каких пор у родителей Саншайн, ярых книжных червей, есть бейсбольная бита? Подруга коснулась рукой пальцев моих ног. Я хотела помочь ей, хотела, но не могла пошевелиться.

Меня парализовало от шока. Я пыталась закричать, но не издавала ни звука. Саншайн перестала двигаться. На бите были кровь и волосы. Почему я этого не заметила, когда зашла? Саншайн, кровь, бита, меня трясло, я кричала, но молчала...

И тут Касси наконец меня заметила. Женщина улыбнулась. В её глазах застыл странный пустой взгляд, как у мёртвого мальчика на железнодорожных путях.

— Здравствуй, Вайолет. Хочешь чая? То ещё выдалось утречко. В дом пробралась крыса, но Сэм убил её битой. Вон она, у твоих ног. До чего отвратительно создание! У неё наверняка бешенство. Сэм собирается вынести её на двор и сжечь. Вайолет, ты выглядишь расстроенной. Что-то случилось?

Тут Сэм поднял взгляд. Глянув в мою сторону, мужчина поднял биту в воздух.

— Я же говорил, что их больше, Касси! Крысы ходят стаями. Отойди подальше, я и эту убью...

Он замахнулся, и я пригнулась. Дерево задело мой висок, и я попятилась к выходу. Я не упала, но мужчина снова замахнулся и, боже, я не хотела бросать Саншайн, но услышала, как бита рассекает воздух и...

Убежала. Выбежала за дверь, споткнулась, сбежала по ступенькам, снова споткнулась, пробежала мимо леса, мимо океана, завернула во двор и заскочила напрямик в Ситизен.

У фонтана стоял Броди. Он увидел, как я бегу, но ничуть не удивился. Мальчик поглаживал грязную фигуру голой девушки и улыбался.

— Как там Саншайн? — спросил он елеиным голосом, когда я остановилась. Пот стекал с меня ручьём, во рту был неприятный привкус желчи, и я умирала от страха. — Шлюшка ещё не подохла?

А затем он посмотрел *прямо* на меня и подмигнул.

Я отскочила, да так быстро, что поскользнулась на гравии и упала. Руки скользнули по гальке, но я не почувствовала боли, потому что тут же поднялась и помчала на всех парах к Ситизену, к безопасности...

Он поймал меня на ступеньках.

Броди грубо вцепился мне в руку.

— Наверное, нам стоит познакомиться заново. Меня зовут Броди, — его костлявые пальцы впились в мой левый локоть, и он толкнул меня на землю. — А ты, должно быть, Вайолет.

Мальчик отпустил меня, словно не сомневался, что я не убегу. Он был прав.

— Чего ты хочешь? — тихо спросила я. — Кто ты?

Броди начал танцевать. Покрутил шляпу на одной руке. Его ботинки громко стучали по дорожке, а рыжие волосы разметались в разные стороны. А затем он резко остановился и посмотрел на меня.

— Я — ковбой-кукловод. Я — техасский мясник. Я — анархия. Я — Дьявол. А ещё я младший брат Нили и Ривера.

Его голос изменился. Он больше не говорил быстро, с восторгом и энтузиазмом. Мальчик говорил басом, что было странно, учитывая его возраст. А ещё медленно, вяло, протягивая слова, словно не хотел их отпускать, как скряга своё золото.

Брат. *Брат!*

Он сделал шаг в мою сторону. Его глаза тоже изменились: сузились, словно он прищуривался от солнца. И стали дерзкими. Дерзкие, прищуренные глаза. Было в этом что-то знакомое.

Я отпрянула. Мальчик хрипло рассмеялся. Хриплый, *знакомый* звук.

Я уже слышала этот смех. На чердаке Гленшипов.

Чувствовала запах дыма и газа, словно всё ещё была там, вместе с Джанни и Джеком.

— Значит, не хочешь подпускать меня к себе. Ну да, Ривер же рассказал тебе о сиянии. Мои братья слишком много болтают, но, если выбирать из них двоих, то, по-моему, Ривер самый болтливый. А ты как считаешь?

Я не ответила.

Я думала, что чувствовала испуг, когда Саншайн потеряла сознание. Я думала, что чувствовала испуг, увидев Дьявола за плечами Ривера. Я думала, что чувствовала испуг, когда увидела связанного на чердаке Джека, мёртвого мальчика у рельс, кровавую рану Саншайн, Сэма с битой, и сомневалась, что что-нибудь сможет напугать меня сильнее. Но это было всего лишь начало. Начало. И середина. Всё это вело к рыжеволосому мальчику, стоящему передо мной.

Это конец.

Броди снова рассмеялся.

— Да не волнуйся ты так. Я не сияю, как Ривер. По крайней мере, не при касании. Видишь ли, мне нужно пролить кровь, чтобы поселить семя своей фантазии. Я зову это *искрением*. Искра. Это я и делаю: сею искры в чужих разумах, как фермер — семена в поле, — Броди замолчал. Его глаза-щёлочки смягчились и приобрели мечтательный вид. — Не будь я таким жестоким юношей, то, наверное, не скоро бы узнал о своём даре.

Представляешь, какая досада? Смотри.

Мальчик скользнул рукой в сапог и достал что-то — тонкое, десятисантиметровое серебряное лезвие с жемчужной рукояткой. Нож. Я уже видела такой. Броди разрезал им яблоко, чтобы дать дольку малышке на городской площади, когда показывали «Короткую встречу».

— Этот у меня особенный, — сказал мальчик, помахивая ножом у меня перед глазами. — Я зову его скребком. Мне нравилось использовать его на своей девушке. Она была настоящей милашкой, сладкой, как двойная порция сахара, и невинной, как только что родившийся жеребёнок. Мне нравилось резать её, самую малость, и смотреть, как она кричит. Помогало скоротать время.

Он спрятал нож обратно в сапог.

— Ты похожа на неё. Моя маленькая Софи. Светлые волосы, бледная кожа, слезливый страх в твоих слезливых голубых глазах. Мы только что встретились, но, чёрт меня побери, я общаюсь с тобой, словно мы давние знакомые. Думаю, это потому, что ты похожа на Софи. Гм-м... мне пришлось бы по душе иногда тебя резать. Смотреть, как ты плачешь. Тебе тоже понравится. *Мне бы понравилось.*

Броди замешкал, и пальцы его правой руки забарабанили по кончикам рыжих волос, будто он играл на пианино.

— Так, на чём я остановился? Ах да. Значит, живу я в Техасе. Точнее, жил. Если быть откровенным, я всего лишь сводный брат Нили и Ривера. У нас разные матери. Папа не особо мной интересовался. Он платил по счетам и периодически навещался в город, оправдывая эти поездки заинтересованностью Реддингов абилинской нефтью, и чтобы прикупить себе техасского мёда. Так было, пока мама не съехала с катушек. Но в последний раз, когда он приехал, у нас состоялся очень странный разговор. Уильям Реддинг II мог заморозить ад своим равнодушием, поэтому, когда он рассказал мне о сиянии и начал задавать вопросы, вопросы о том, не делаются ли мои фантазии явью, и не заставляю ли я людей повиноваться своим желаниям... ну, я прислушался.

Я вертела головой, пытаюсь найти взглядом Ривера, Нили или Люка. *Хоть кого-нибудь.* Где они были? Неужели рыжий мальчик успел до них добраться? О, Боже...

— Будь внимательна, Вайолет! — внезапно рявкнул Броди. — Мне не нравится, когда меня игнорируют. Глаза на меня. *Глаза на меня!*

Я сосредоточила свой взгляд на нём. Глаза Броди были зелёными, узкими и безумно-безумными, и мне казалось, что я тоже сойду с ума, если буду смотреть на них слишком долго. Мне хотелось прищуриться, но я этого не сделала. Я сжала кулаки и посмотрела прямо на него.

— Так-то лучше, — томно протянул Броди. — Итак, пару месяцев назад я использовал свой ножик на Софи и, ну, пытался заставить её что-то сделать. Силой мысли. Раньше это никогда не срабатывало. Я пытался с тех самых пор, как папа поговорил со мной. Но вдруг всё сработало! О-о, как же оно сработало. А ты так себя хранила, милая Софи... Я забрал у тебя всё, и ты была рада поделиться, о да, была.

Он открыл рот и облизал нижнюю губу.

— Саншайн, — прошептала я. — Что ты с ней сделал?

Мальчик пожал узкими плечами, и они скрылись под рыжими космами.

— Ничего. Она сверкнула мне своей грудью, белой и прекрасной, как ведро свежих сливок, выступающей над вырезом того красного платья, как у дешёвой проститутки. Я

спросил у неё, где ты, и она ответила, что ты пошла в город с той сироткой. Я последовал за ней в дом и познакомился с родителями. А они познакомились с моим ножиком. Я умею быстро им орудовать. Ты была бы удивлена. Я перерезал их тощие запястья ещё до того, как они закончили предлагать мне чай. А десятью минутами позже я нашёл тебя, и Джек привёл нас к телу. Я практически бесшумный, когда хочу этого. Ты ничего не заметила.

По моему лицу бежали слезы. Выskalзывали из уголков глаз и оставляли влажные дорожки на моей шее. Ривер не был Дьяволом. Никогда не был. Истинным Дьяволом был рыжеволосый мальчишка, стоящий передо мной со своим скребком. Дьявол во плоти. Я знала это так же точно, как запах краски, сохнувшей на холсте. Как биение своего сердца в груди.

— Но... но отец Саншайн ударил её по голове битой. *Битой!* — сказала я писклявым, полным мольбы голосом, который сразу же возненавидела. — Она ранена...

— Молодчина, папа Сэм! — Броди засунул большие пальцы в карманы джинсов и скользнул взглядом по моему телу. — Хочешь узнать секрет, Вайолет?

Я покачала головой.

— Да-да, ещё как хочешь. Я, Броди Реддинг, пробыл в этой дыре под названием Эхо три дня. Вижу по твоему лицу, что ты удивлена. Как и я был... стоило выследить одного брата, как второй тут же появился. Конечно, оба слишком тупы, чтобы заметить моё присутствие. Если и есть что-то более утомительное, чем вы с Ривером, со своими разговорами о сиянии и поцелуями, то это Нили. Постоянно дерётся, как чёртов варвар. Вся эта поездка вышла удивительно скучной. Мне пришлось сжечь ведьму по пути сюда, просто чтобы не вынести себе мозги от скуки. — Броди улыбнулся, словно ему нравилось об этом думать. — Но ближе к теме, Ви. Я следил за тобой. За тобой, Ривером, Джеком, Люком и этой крысой. Видел, как вы ели пиццу, рисовали, спали. Да, мэм. Все окна в гостевом доме открыты нараспашку и находятся в трёх футах над землёй. В Ситизен Кейне я вообще был больше раз, чем можно сосчитать. Я всё видел. Всё слышал. Тебе никогда не приходило в голову периодически закрывать дверь в дом? Я мог приходить, когда захочу. Это было уж слишком легко. А лёгкость навивает скуку. Мне скучно. Скучно, Вайолет!

— Это был ты, — прошептала я. — Смех на чердаке. Задира. Ривер не забывал. Он этого не делал, как и сказал.

Я чувствовала себя грязной, голой и слабой от страха. Мне просто хотелось вернуться в кровать и проснуться, *вот только всё происходящее не было кошмаром*. Саншайн действительно была ранена, мальчик действительно был мёртв, и скоро всё станет гораздо хуже, чем сейчас.

— Ну же, Вайолет, не переоценивай Ривера. Я заискрил твоего итальяшку, это правда. Увидев ту прогнившую усадьбу, я тут же решил, что должен устроить в ней какое-то озорство. Какое чудесное место, чтобы кого-то поджечь! И всё шло отлично, пока Нили не сунул свой нос, этот размахивающий кулаками полудурок. Но тот мёртвый мальчишка у железнодорожных путей — это дело рук Ривера. Да, мэм. Нили искал его всю ночь, чтобы *спасти* — сентиментальный простак. Но теперь мы знаем, что парниша к тому времени уже валялся в канаве: окровавленный, опухший и совершенно мёртвый.

Броди низко присвистнул.

Всё это время он был здесь. Это правда. Он был прямо перед нами — смеялся, шпионил и задумывал недоброе.

Голова гудела, а горло жгло, словно я вдохнула дым. Он убьёт меня. Убьёт нас всех.

— Почему? — вот и всё, что я спросила. — Почему?!

Броди просто продолжал насвистывать какую-то грустную, старую народную песню.

— Ну, не пора ли нам проверить, что там делают мои братья? Ну-ну-ну, не качай головой, милая. Пошли.

Я рванула вперёд. Собиралась побежать в Эхо, позвать помощь... *«Просто беги, Вайолет, беги...»*

Тут моя голова резко дёрнулась назад. Скальп пронзила боль. Рыжеволосый мальчик намотал мои волосы на кулак и дёрнул к себе.

— Веди себя прилично, — зелёные глаза Броди смотрели прямо на меня, сквозь меня, словно пытались прокопать дорожку в мою душу. — У тебя тоже есть роль в моей пьесе, и ты её сыграешь, нравится тебе это или нет. Так что не трать время попусту и делай то, что тебе говорят.

Раздался крик. Из леса. Джек! Он бежал и кричал: «Отпусти её, отпусти!». Он мчался прямо к нам...

Я увидела вспышку серебра.

И Джек упал на землю.

Рыжие волосы в грязи, голубые глаза закрыты, и струйка крови, текущая по веснушкам на его бледной щеке.

Он затащил меня в гостевой дом, одной рукой сжимая рубашку, а другой вцепившись в волосы. Его тощие грубые пальцы дёргались и царапали, пока под ногтями не выступила кровь. Я пыталась извернуться, позвать Джека, но тогда ногти Броди впились ещё глубже.

Он открыл дверь и затолкнул меня внутрь. Первым делом я увидела Ривера, сидящего на коленях на кухне. Нили стоял за ним, прижимая нож к горлу брата. Голова Ривера была откинула назад, и край лезвия давил на нежную кожу рядом с его кадыком, да так сильно, что сердцебиение парня заставляло нож слегка подрагивать.

Комната закружилась. В уголках глаз появились тёмные пятна. Меня снова тошнило. А я не хотела блевать перед рыжеволосым мальчиком. «*Крепись, Ви...*»

— Нили, — прошептала я. — Нили, *остановись*. Броди обманул тебя. Ты под его чарами. Под его... искрой. Опустит нож!

По левой щеке парня текла тонкая струйка крови, прямо как у Джека.

Он посмотрел на меня при звуке своего имени, но его глаза оставались странными и пустыми, как у Касси и Сэма. И Джанни.

— Вайолет! Я поймал этого преступника, пока он пытался проникнуть в Ситизен. Он собирался похитить тебя, забрать к своим людям и изнасиловать. Он и его отряд воров и убийц не давали нам жить последние пару лет. Но теперь я его поймал. Беги в тюрьму и позови шерифа, хорошо? Я не могу пошевелить руками. Понимаешь, мне нужно держать нож у его горла, иначе больно...

Я протянула к нему руку.

— Нили, опусти нож. Это не преступник, а Ривер, твой брат, *ты должен опустить нож...*

Броди схватил моё запястье своими тонкими пальцами и оттолкнул руку в сторону.

— Не стоит этого делать, милая, — сказал он, и слова из его рта текли медленно, как чёрная патока. — Люди, которых я искрю, склонны к жестокостям, если прервать их в процессе.

Я закричала, но Броди не отпустил мою руку. Ривер наблюдал за мной поверх ножа. Его глаза не были пустыми, как у Нили. Они были живыми и сияющими, как всегда.

— Не делай глупостей, Ви, — сказал он. После этих слов нож глубже впился в кожу на его шее. Из ранки потекла кровь, просачиваясь за воротник рубашки, расцветая на ней, как цветок.

Я упала. Мои колени, грязные от берега ручья, с громким хрустом ударили по кухонному полу. Я подняла голову. Кончики моих светлых волос закачались над чёрно-белой плиткой. Встретилась взглядом с Броди.

— Просто прекрати это.

Мальчик уставился на меня. Шли секунды. Он вздохнул.

— Твоя тупость меня забавляет, — наконец сказал он и пожал плечами.

Я услышала, как нож упал на пол позади меня. Встала и повернулась. Нили устало тёр глаза. Ривер медленно поднялся на ноги. Прижал руку к шее, где раньше был нож, и вытер кровь. Затем помог мне встать, но отказывался на меня смотреть. Даже на Нили не смотрел. Его взгляд был сосредоточен на Броди.

— Как ты это сделал? — спросил он, и его голос дрогнул. Самую малость, но этого

было достаточно.

Ривер всегда был хладнокровным. Это его фишка. Он был спокойным, как летний денёк. Спокойным, как сон на солнце. Даже когда перед ним девушки теряли сознание, а мужчины перерезали себе глотку. Он был расстроен из-за грозы и своей мёртвой матери, и из-за того, что неумышленно использовал на мне сияние во сне, но он никогда не был *напуган*. Не так, как сейчас.

И если Ривер — Ривер! — был напуган...

— Скажи, как ты это сделал! — он попытался схватить Броди за воротник, но тот с лёгкостью, на носочках, с согнутыми коленями, как у тощей, хитрой марионетки, увернулся.

— Что, забрал свою искру? — Броди почесал острый подбородок. — Ну, обычно мои жертвы сами избавляются от искры, но это может занять не один час. В случае чего я вырываю искры из их голов собственными руками, фигурально выражаясь. Это легко, как сорвать яблоко с дерева, старик. А что, ты не можешь?

Броди снял ковбойскую шляпу и положил её на стол. Затем провёл рукой по своим рыжим волосам, и это так сильно напомнило мне Ривера с Нили, что мой желудок сжался. Во рту появился неприятный привкус: гнилой, злой. Они действительно были братьями.

— Полагаю, пришло время представиться, — продолжил Броди. — А то это невежливо. Пришёл сюда, порезал Нили, и даже ни разу не сказал: «Привет, я твой брат Броди. Наш папаша переспал с моей мамой, и вот мы здесь. Приятно познакомиться». Меня отвлекла та фигуристая проститутка, зашедшая во двор, и я ушёл, не сказав ни слова. А затем последовал за Вайолет и тем сопляком к мёртвому телу. Я собирался прийти раньше. Очень грубо с моей стороны. Давайте представимся должным образом, — Броди протянул руку.

Глаза Ривера стали хитрыми. Он тоже протянул руку. Моё сердце подскочило от облегчения, но тут Броди резко отдёргнул её и рассмеялся.

— Ха! Даже не надейся, Ривер. Я знаю, как работает твоё сияние. Наш папа обо всём мне рассказал задолго до того, как я приехал сюда и слушал, как вы трое без умолку болтаете об этом. Ты выглядишь удивлённым. Да, я был здесь всё это время, подслушивал и умирал от скуки. Что, всё ещё удивлён? Разве ты не знал, что у тебя есть брат, Ривер? Неужели тебе никто обо мне не говорил?

— Ты должен быть моложе, — отозвался Нили странными, слабым, неправильным голосом. — Папа, наверное, наплодил около десятка полу-Реддингов, но они всего лишь дети. Ты должен быть ещё ребёнком.

Броди хрипло засмеялся.

— Верно. *Полу-Реддинг*. Дети вырастают, Нили. Да, старый папа Реддинг не мог держать свой причиндал в узде. Он обрюхатил мою бедную мамашу, когда ей было семнадцать. Они познакомились на одной из этих роскошных вечеринок на открытом воздухе, на которых бесполезные и богатые любят сходить с ума от скуки. Она была босоногой, с рыжими волосами до талии. Осмелюсь сказать, он посчитал её самой безумной техасской богачкой, которую когда-либо видел. Полная смеха и жажды греха. Конечно, тогда он ещё не знал, что на маминой семье лежит собственное проклятье.

Броди сделал паузу. И снова пустился в пляс, уперев одну руку в бок, а другую подняв в воздух, и кружась на пятке.

— Мы склонны к сумасшествию. К самому глубинному, от которого хочется рвать волосы на голове. Маму уже давно заперли в психушке. Ха. Ха. Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха. Бабушка с дедушкой пытались вырастить меня нормальным, но они старые, а у меня полно энергии.

Так что не работало.

Пока Броди говорил, Ривер опустил на меня руки и толкнул себе за спину.

— Но затем приехал наш папа, — продолжил мальчик, — и начал спрашивать меня странные вещи. А я внимал всему, что он говорил. Затем порезал свою девушку и узнал, что я бог. А потом прочёл статью в газете, которая была настолько безумной, что распространилась от самого Восточного побережья. Статья о детишках, увидевших Дьявола на кладбище. И я подумал... эй, это в моём стиле. В стиле моей искры. Бэм! Я запрыгнул на поезд, и вот я здесь. Что думаешь, Ривер? Ты впечатлён? Нравится это зрелище?

— Это был ты, не так ли? — Нили словно окаменел. Он не шевелился, не дышал, совершенно ничего не делал. — Дети в парке. Техас. Костёр с ведьмой. Чердак. И теперь ты тут. Ты нашёл нас. Так чего тебе надо?

Броди усмехнулся.

— Ты заметил. Остин. Этот город полон свиней и шлюх. Я прошёл мимо группы крысиных детишек, которые бегали по округе, словно этот город — их. Я бросил им вызов, как Нили, предложил бой на кулаках, но они лишь рассмеялись, надрывая свои чёртовы жёлтые пуза. И тогда, знаете, я подумал: какого чёрта? Подожду-ка я всех к ядрёной матери.

Нили перестал тереть глаза. Его руки сжались в кулаки. И он ударил мальчика по левой щеке. Прямо по центру. Так быстро, что даже Броди не успел увильнуть.

Он никак не среагировал. Даже головой не дёрнул. Просто принял удар и улыбнулся.

— Дерись! — прорычал Нили с красным лицом и горящими глазами. — Я устрою тебе бой на кулаках. Прямо здесь. Без всякого сияния.

— Искры, — перебил Броди, коснувшись опухшей щеки и всё ещё улыбаясь. — Я называю это искрой.

Нили проигнорировал его.

— Ты поджигашь людей, заставляешь меня наставить нож на брата. Я винил Ривера в том, что случилось в поместье Гленшипов. Он пытался всё отрицать, но я не слушал, не верил ему...

Кулак Нили взметнулся в воздух. Но на этот раз Броди отошёл с дороги, быстро и легко, словно даже не пытался.

Лицо Нили стало алым, как кровь. Как волосы Броди.

— Всё нормально, — Ривер положил руку на плечо брату, но тот отмахнулся.

— Я должен был догадаться! — он почти кричал. — Я думал, что ты просто какой-то мелкий фермерский ребёнок, которого папа пытался навестить. Но, естественно, тебе досталось сияние. С чего бы ещё он обеспечивал какого-то тощего техасского отпрыска?

Броди усмехнулся.

— Могу поспорить, он сказал вам, что все остальные полу-Реддинги тоже всего лишь дети. Слишком маленькие, чтобы обладать искрой. И вы поверили?

Нили кружил и шагал из стороны в сторону, пытаясь подобраться к Броди. Ривер схватил его за руку.

— Не делай этого, — тихо сказал парень. — Он просто порежет тебя.

— Ску-у-у-у-ука, — протянул Броди. Затем сел на кухонный стол и обнял себя за колено. Вторая его нога раскачивалась и стучала по ножке стола. — До чего же скучно. Нили, заткнись! Ты тоже, Ривер. Вы оба навиваете на меня скуку. Я проделал такой долгий путь, чтобы посмотреть на своего законного, искрящегося брата. Хотел обрести семью. Может, попробовать объединиться и устроить настоящее веселье. Но пока ты не особо

впечатляешь, Ривер. Думаю, это потому, что добряк-Нили плохо на тебя влияет. Ты как считаешь?

Я слышала звук, но не сводила глаз с Броди. Никто не осмелился.

Оставалось надеяться, что это не Джек. Я молилась об этом. Не знала, что Броди с ним сделает. Возможно, окунёт в сон, чтобы он не мешался под ногами.

«Пожалуйста, оставайся без сознания, Джек».

Броди склонил голову и посмотрел на дверь.

— Так-так-так. Это, должно быть, брат-близнец. Саншайн упоминала о тебе, прежде чем отец убил её битой.

Я проследила за взглядом мальчика. У двери стоял Люк с обеспокоенным выражением лица. Он посмотрел на меня.

— Что, чёрт возьми, случилось с Джеком? Он валяется на земле снаружи. Нужно вызвать скорую. Сейчас же! — А затем он заметил Броди. — Ви, кто этот ковбой на нашем столе?

Брат кивнул ему, но не пытался подойти или пожать ему руку. Какой-то глубокий инстинкт подсказывал ему, что с Броди что-то не так.

Неправильно.

Плохо.

— Беги, — сказала я Люку. Но во рту пересохло, и я не издала ни звука. Я прокашлялась, сглотнула и прошептала: — Беги!

На сей раз Люк меня слышал. Он попятился к двери, повернулся...

Но Броди оказался быстрее. Он спрыгнул со стола и мягко приземлился на пол, тихо стуча каблуками по плитке. Уголкем глаза я заметила, как что-то блеснуло в свете из окна. А затем мой брат начал кровоточить. На его левой щеке появилась влажная полоса из капелек крови. В глазах Люка отразилось удивление, шок и злость.

А затем ничего.

Я шагнула вперёд с протянутыми руками, желая ему помочь, обнять, вытрясти из него эту пустоту, но Ривер сдержал меня. Я вспомнила, почему, и замерла.

Люк зашёл на кухню. Наклонился и поднял нож с пола. Покрутил его, а потом всем телом навалился на Нили. Тот влетел в кухонную стену. А затем к его горлу приставили нож. Шея Нили напряглась до предела. Мой брат держал одной рукой чёрную рукоятку ножа, а другой — подбородок парня, чтобы тот не опускал голову.

Броди захлопал в ладоши.

— Посмотрим-ка. Думаю, первым делом мы должны навсегда избавиться от Нили. Он не может искрить, а даже если бы и мог, я бы всё равно не хотел с ним веселиться. У него нет твоей... моральной неоднозначности, Ривер. Мы с тобой одинаковые, брат. Ты просто пока этого не знаешь.

Ривер проигнорировал его.

— Люк, опусти нож. Опусти этот нож.

— Не могу, — ответил он напряжённым голосом, не сводя глаз с шеи Нили. — Этот ублюдок хотел украсть мой скот и изнасиловать сестру. Я должен держать нож, чтобы он не сбежал.

Ривер попытался снова:

— Нет, не должен, Люк. Это обман. Опусти руку.

Он покачал головой.

— Не могу. Это больно.

Мне хотелось накричать на Люка, как я кричала на Нили. Хотелось упасть на колени и молить Броди отпустить их, как я молила ради Ривера, но понимала, что во второй раз это не работает.

— Прекрати, Броди, прекрати, просто прекрати! — всё равно закричала я.

— Я убью тебя, — прошептал Нили. — Я изуродую твоё лицо собственными кулаками. Попробуй посмеяться, пока будешь давиться своими зубами, больной ублюдок.

Пока он говорил, нож впился глубже в его шею. Под серебряным лезвием выступили алые капельки. Ривер увидел это и издал громкий, гневный, гортанный рык. Затем схватил моего брата за руку и начал тянуть.

— Брось нож, Люк! Брось!!!

Рука Люка начала опускаться, но тут он закричал. Он кричал и кричал. Кричал, как в тот раз, когда выпал из окна Ситизена в десять лет и приземлился на ноги, которые, естественно, сломались. Кричал, кричал, кричал.

Ривер отпустил его и отошёл. Рука Люка взметнулась к горлу Нили, и крики прекратились.

— Я же говорил, — встрял Броди. — Не мешай моим жертвам. Им это не нравится.

Ривер отвернулся от Люка и от крови, капающей с шеи Нили и пачкающей его рубашку. Он посмотрел на Броди, и в его глазах затаилась глубокая, мрачная обида, а также ужас и ярость. Ривер положил руку на сердце.

— Знаешь, Броди, я вижу цвета. Цвета людей. Не знаю, говорил ли тебе об этом папа.

Мальчик кивнул.

— Говорил. Но мне было плевать, потому что я их не вижу, да и толку от этого никакого.

— Ну, большинство людей сделаны из ярких цветов, — продолжил Ривер, словно не услышал его. — Розовый, жёлтый, голубой, зелёный. Но не ты. Ты — чёрный. Чёрный, как кофе на фоне ночного неба. Я... я никогда не видел такого прежде...

Его глаза были напуганными.

Броди улыбнулся. Кривоватой улыбкой. Улыбкой Ривера и Нили.

— Я особенный, не так ли? Я всегда это говорил, но теперь так начнут думать все. Ривер, ты не мог бы смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю? Я вижу, что ты пытаешься использовать своё сияние. Чувствую это, как электрический поток от твоего тела к Люку. Но ты не практикуешь своё безумие. Ты слишком, слишком, слишком здравомыслящий. Высушенный и слабый. Ты можешь только стоять, игнорировать меня и смотреть на Люка, пытаясь что-то сделать с собственным сиянием. Но не выходит. Ты недостаточно безумен, братец, уж поверь мне. Мои искры будут водить хороводы вокруг твоих.

Броди провёл рукой круг над головой и стукнул каблуками сапог, как Дороти из «Волшебника страны Оз».

— Чёрт, да это только начало, — безумные зелёные глаза Броди светились от возбуждения. — Подожди, пока увидишь, на что я способен. Можешь не сомневаться, это будет чертовски весело. И в конце ты будешь моим самым ярким поклонником. Поверь, братец. Моё время пришло.

Мы не шевелились. Не произносили ни слова.

Броди тяжело вздохнул и ссутулился, словно окончательно в нас разочаровался.

— Чёрт. Мне скучно. Как насчёт того, чтобы приступить к веселью?

И тут он посмотрел на меня. В глазах вновь заплясали чёрные пятнышки.

— Вайолет, — позвал он. — Подойди сюда.

Я закрыла глаза и покачала головой.

— Вайолет, иди сюда. Ты сможешь мне убедить Ривера. Иди сюда. Живо.

Что-то сверкнуло в свете. Ривер кинулся передо мной, но Броди извернулся, и я почувствовала острое жжение на щеке. Прижала руку к лицу.

И тогда всё началось.

Ривер не единожды использовал на мне сияние. Использовал, чтобы я увидела Дьявола Джека. И свою мать. Чтобы успокоить меня после самоубийства Даниэля Липа. Но сияние Ривера было нежным, соблазнительным. Оно подкралось ко мне, как сумерки, и стало такой частью меня, по которой я скучала, когда она пропадала, словно солнце под конец дня. Может, магия Ривер и была плохой, но по ощущениям... она была *хороша*.

В отличие от магии Броди.

Я почувствовала, как стальная рука сжала мой мозг в кулаке. Чувствовала, как его металлические пальцы проникают внутрь и жмут сильнее, сильнее, сильнее.

Больно. Господи, до чего же это было больно!

Я боролась. И хватка ухудшилась. Меня сжимали так сильно, что мой разум превратился в месиво — густое, маслянистое, сочащееся месиво.

Я перестала бороться.

Опустила голову и посмотрела на свою одежду. Она казалась очень далёкой. Словно принадлежала кому-то другому. Мои руки поднялись к пуговицам маминой мягкой рубашки для рисования. Внезапно всё тело зачесалось. И загорелось. Как если бы ткань обжигала меня. Как если бы все её крошечные ниточки чесались и искрились на моей коже, пытаясь сжечь её. Я резко зацарапала кнопки. Мне необходимо было избавиться от этой шутки. Мои зубы скрежетали от боли. На моём теле выступили длинные красные рубцы, и я начала рвать ткань. Ривер кричал моё имя, но будто издалека, и я крутилась, и рвала, и наконец рубашка упала на пол, где ей и было место.

Я ахнула от облегчения. Чесотка прошла. Хватка ослабилась. Мой разум перестал течь между пальцами стальной руки, и я снова смогла думать. Пока я делаю, что рука хочет, всё будет хорошо. Пока я *верю* в то, что рука хочет, боли не будет.

Сверху на мне ничего не осталось, кроме тонкой чёрной сорочки, которую я нашла в шкафу Фредди прошлым летом. Я спала в ней прошлой ночью и забыла переодеться, прежде чем последовать за Джеком к трупу. На мне не было ничего, кроме чистой ночной сорочки, зелёной юбки и грязи на коленях.

Мне хотелось обвить себя руками и спрятаться в угол.

Но рука не позволяла. Так что я ничего не сделала.

До меня доносился хриплый голос Броди. Он звучал тихо и неразборчиво, словно мальчик находился в милях от меня.

— Мальчики, вы ещё ничего не видели. Оголение — это только начало. Я буду резать её. Медленно. Нежно. Как по маслу. Смотри, Ривер. Тебе понравится.

— Броди, отпусти её, — сказал он, и его слова донеслись до меня так же тихо, как слова Броди. Они звучали устало, грустно, умоляюще, словно у него уже не осталось сил бороться. — Забери искру, и я тебя выслушаю. Я... последую за тобой, сделаю всё, что ты захочешь. Не стану противиться. Тебе даже не придётся использовать своё сияние. Я буду мирным, как новорождённая овечка.

Броди расхохотался.

— Хорошо. Это уже другое дело, братец.

Стальная рука взяла и исчезла. Мой разум содрогнулся и набух. Я прижала ладони к глазам и сильно потёрла их. Пыталась вытереть стальную руку из своей головы, тёрла и

тёрла, и делала глубокие вдохи. Затем открыла глаза...

И Ривер прыгнул. Его руки схватили Броди и сдёрнули его со стола. На пол упала бутылка оливкового масла и разбилась. Броди и Ривер катались по полу, прямо по зелёным осколкам. Броди смеялся не переставая. Он стучал сапогами по полу и смеялся, смеялся, смеялся. Ривер завёл его руку с ножом за спину, и я подумала: *«Вот оно, Ривер выиграет, Ривер спасёт нас...»*

Но всё это не имело значения. Броди повернул голову вбок и впился острыми белыми зубками в предплечье Ривера.

Его зубы окрасились кровью. Руки Ривера безвольно повисли. Глаза опустели.

Броди поднялся на ноги: тихий и быстрый, как кошка. *«Почему он такой проворный? — всплыл у меня вопрос где-то на задворках сознания. — Как он стал таким чертовски проворным? Или так двигается Дьявол?»*

Броди переступил через тело брата, подошёл к раковине и сплюнул кровь.

— Видишь, Вайолет, — сказал он, вытерев рот о полотенце с овечкой, — *поэтому я использую скребок. Это куда аккуратней. Мне нравится чистота. Полагаю, кто-то назвал бы это тщеславием, но что поделать. Мне не нравится кусать людей. Это как-то нецивилизованно.*

Я не смотрела на мальчика, хоть и знала, что это его разозлит. Я смотрела на кровь, текущую по руке Ривера. Её было так много, что она скрыла под собой отметины от зубов. Глаза Ривера окончательно опустели. И в его глазах эта пустота смотрелась ужасней, чем у Нили и Люка.

Парень подошёл к плите, взял чайник и наполнил его водой. Затем поджёг плиту и поставил чайник нагреваться.

А затем обхватил его двумя ладонями и просто замер в ожидании.

— Что он делает? — кроткое поведение Ривера испугало меня даже больше, чем нож. Комната снова закружилась. Я потёрла глаза, пытаюсь взять себя в руки. — Какого чёрта он вытворяет?

Броди поднял руки в воздух и потянулся, словно очнулся от долгого сна.

— Ривер закипятит воду, а затем выльет её на голову Нили. Это так по-детски, но у меня заканчивается время. К тому же, так я убью двух зайцев одним выстрелом, как говорят: Ривер поймёт, из чего я сделан, и что случится, если он не присоединит своё сияние к моим искрам. Есть и ещё одно преимущество: это в любом случае позволит мне закончить играть с тобой.

Он подошёл ко мне. Броди провёл пальцем по моему телу, по сорочке, начиная от шеи, затем между моей грудью, и заканчивая у пупка. Потом засунул руку в сапог и достал свой ножик.

— У тебя есть время до того, как закипит вода, Вайолет, — голос Броди был низким и старым. Старым, как горы. Как времена года. Как океаны. Как добро и зло. — Ты сделаешь, что я захочу, и сделаешь хорошо. Тогда, *возможно*, я отпущу Ривера, прежде чем он расплавит личико своего братца.

Я притихла и замерла. *«Ладно, Вайолет, просто сделай это. Сделай всё, что он просит, и спаси Ривера и Нили. Это твоя задача, и ты её выполнишь. Нет, нельзя снова смотреть на пятнышки. Ты не можешь потерять сознание, иначе их никто не спасёт. Не думай об этом, просто кивни головой, КИВНИ ГОЛОВОЙ, ВИ!».*

Я кивнула.

Броди приставил нож к моему животу. Я почувствовала острое лезвие даже сквозь тонкий чёрный шёлк и резко втянула воздух.

— Расслабься, — приказал он.

Выдохнула.

— Ты спишь с ним? Спишь с Ривером? Этим ты занимаешься? — его голос стал мелодичным, нежным, словно он общался с ребёнком.

Я покачала головой. Мой взгляд был прикован к серебряному ножу.

— Знаешь, Софи убила себя. Моя девушка, Софи. Она перерезала себе вены прямо перед тем, как я покинул Техас. Она была... беспокойной, — мальчик сделал паузу. — Иногда я жалею, что мне пришлось использовать на ней искру прежде, чем она позволила нам быть вместе. В интимном плане. Софи растили порядочной католичкой, и она верила в Бога, Ад, девственниц и шлюх. Ничего на неё не действовало, даже мои порезы, пока не появилась искра. Риверу тоже пришлось использовать на тебе сияние? Или ты запрыгнула в его кровать по доброй воле?

«Даже не думай о том, чтобы убежать, Вайолет. Ничего не пытайся сделать, просто стой и терпи. Не беги, даже не двигайся, или он причинит вред Риверу, Нили, Люку и Джеку, не моргнув и глазом...»

Броди провёл ножом по моему животу. Тот порвал сорочку и пронзил мою кожу. Это была всего лишь царапина. Поначалу она даже не кровоточила. Тем не менее, я закрыла глаза. Мне нельзя было терять сознание. Кровь гудела в ушах, из-за чего я почти не слышала воду в чайнике. Я прислушалась. Ничего. Пока ничего. Сколько понадобится времени, чтобы вода закипела? Что он сделает со мной до этого?

— Да. О да.

Я открыла глаза. Рот Броди слегка приоткрылся, и он быстро втягивал воздух сквозь зубы. Его взгляд был направлен на мой живот, на царапину, из которой начали выступать красные бусинки...

«Держись, Ви. Скоро вода закипит, и тогда Броди остановится. Он просто веселится. Скоро ему станет скучно, так что крепись, не падай в обморок, это его разозлит, сделает ещё более безумным, чем сейчас, просто крепись. Нет, это не чайник свистит, просто кровь гудит в ушах, держись, держись...»

— Скажи, что любишь меня, Софи, — прошептал Броди. Он посмотрел мне в глаза, и они были ярко-зелёными и блестящими от слёз, и безумными, безумными, безумными, безумными. — Скажи, что любишь меня.

— Я люблю тебя, — но поскольку я плакала, и слёзы затекали мне в рот, пока я произносила эти слова, они прозвучали фальшиво и неискренне.

Броди схватил меня за левую руку, завёл её за спину и поднял вверх. Затем прижался ко мне всем телом, сильно, сильнее, сильнее уже некуда. Так сильно, что я едва могла дышать. Так сильно, что кровь из моего живота потекла быстрее и начала скатываться на ноги.

— Я снова тебя порежу, Софи. И порежу всерьёз. Ривер, ты это слышал? Я сделаю её больно. И ты ничего не можешь с этим поделать. Пока что. Но я научу тебя. Научу, как быть сумасшедшим. Как резать. Со временем тебе это понравится, обещаю.

Ривер не оборачивался. Он просто смотрел на чайник, словно это была единственная важная вещь в мире.

Мелькнул скребок Броди, и на сей раз он погрузился глубоко. Мальчик порезал мне левое запястье, отпустил его, и порезал правое.

Потекла кровь.

Она была горячей, густой, влажной и, Господи, как же быстро она текла! Как она может течь так быстро? Я увидела пятна, и комната закружилась, и разум начал покидать меня...

«С двойным упорством и трудом, гори огонь, кипи котёл...»^[5] Я сходила с ума, пытаюсь услышать чайник и не потерять сознание, *хоть моя кровь текла и текла, и моя юбка становилась мокрой и чёрной, и откуда вообще во мне столько крови?*

Мой взгляд бегал из стороны в сторону, пока не остановился на Ривере, который продолжал стоять лицом к плите. Вода начала издавать булькающий звук. Скоро, скоро...

— Поцелуй меня, Софи.

Броди наклонился и прижался ко мне губами. Я пыталась бороться, отталкивала его, но внезапно почувствовала себя слабой, такой слабой...

Он взял меня за плечи и потряс.

— Поцелуй меня от чистого сердца, Софи. Или я убью твоего брата, а затем найду того маленького рыжеволосого сопляка и заставлю его выпить собственную кровь.

Господи, спаси меня. Я сделала, как он сказал. Обвила его окровавленными руками и прижалась к нему губами. Меня чуть не вывернуло наизнанку. Но это никак, *никак* не отразилось на поцелуе. Я целовала Броди, словно была пустыней, а он — прохладным весенним дождём. Словно я провела семь лет в море, а он — первый проблеск земли на горизонте.

Я целовала его, словно он — Ривер.

Глаза Броди закрылись.

Затем я наклонилась, нащупала пол и взяла тонкий осколок зелёного стекла.

Когда мои пальцы сомкнулись на нём, я закричала от боли и радости. Стекло глубоко впилось в ладонь.

Я замахнулась и ударила Броди по груди.

Из раны потекла кровь, пачкая его рубашку. Мальчик открыл глаза, посмотрел на неё и засмеялся. Его рубашка всё темнела, становилась алой, как у Даниэля Липа, а он продолжал заливаться смехом. Затем он схватил осколок и вытащил его из груди. Тот со звоном приземлился на пол. И тогда кровь потекла по-настоящему. Броди закричал. Он кричал вместе с чайником.

А затем всё потемнело.

Я должна была умереть.

Меня оставили умирать.

Вместо этого я очнулась в больнице с повязками на запястьях и иглой от капельницы. Рядом сидел Люк. Как только мои глаза открылись, он ласково взял меня за руку.

— Ви, как ты себя чувствуешь? — взволновано спросил он, хоть и пытался это скрыть.

Врачи подумали, что я пыталась убить себя. Меня одаряли обеспокоенными взглядами, номерами телефонов для помощи и брошюрами, но вскоре оставили в покое. На время. Но и за это я была благодарна.

Я потеряла много крови. *Очень много.* Чуть не умерла. Я *должна* была умереть. Но Ривер очнулся от искры Броди, а за ним и Люк, и они положили меня в машину, несмотря на то, что я испачкала все винтажные сидения кровью, и так я не умерла. Нили знал, что делать, и поддерживал во мне жизнь всё то драгоценное время в дороге.

К тому времени Броди уже давно ушёл. Давно-давно. Мы надеялись, что теперь он горел в Аду.

Саншайн пролежала в коме четыре дня.

Касси и Сэм очнулись, потёрли глаза и обнаружили свою бездыханную дочь на полу гостиной с кровавой раной на голове. Полиция решила, что это сделал один из бездомных, которые спрыгивают с поездов и организуют все преступления, когда-либо случающиеся в нашем городке. Мужчина ворвался в дом, чтобы что-то украсть, Саншайн испугала его, и он ударил её битой, лежащей неподалёку. Затем запрыгнул на поезд и исчез из города. Придумают же люди... И все им поверили.

Я была рядом, когда Саншайн очнулась в больнице. Ласково поинтересовалась, что она помнила о бите и мужчине, ударившем её.

Девушка отвернулась от меня и свернулась калачиком.

— Заткнись, — только и ответила она. А затем: — Полиция уже задавала мне вопросы, и я сказала им, что ничего не помню. Поэтому скажу теперь и тебе. *Я не помню, Ви.* А теперь принеси мне, пожалуйста, холодный чай.

Может, так работала искра Броди. Сияние Ривера тоже иногда заставляло всё забыть. Кто его знает. Лично я чертовски хорошо помнила, что Броди сделал со мной. Возможно, Саншайн тоже помнила. Но она никогда больше не говорила со мной о произошедшем.

Через пару дней после того как её выписали из больницы, мы пошли в город и встретили нескольких мальчиков по пути. На них были наряды Младшей безбольной лиги, и один из них — тощий паренёк с рыжими волосами, — кидал биту из руки в руку.

Саншайн передёргивало каждый раз, когда бита шлёпалась об его ладонь, и я увидела слёзы в её глазах. Но ничего не сказала. И она ничего не сказала. А затем мы пошли в кафе, и вскоре она уже улыбалась и флиртовала с Джанни за прилавком. Жизнь двигалась дальше, как всегда. Джанни перестал общаться со мной после пожара. Он даже не смотрел мне в глаза, когда вручал мой кофе. Полагаю, он боялся. Наверное, я напоминала ему о той ночи, когда он сошёл с ума... когда Нили заплатил ему, чтобы держал рот на замке.

Я гадала, пройдёт ли это когда-нибудь. Начнёт ли он снова на меня смотреть, если Нили и Ривер уедут. И хотелось ли этого мне.

Полиция обнаружила труп мальчика, пока шла вдоль железнодорожных путей и

пыталась найти хоть какие-то признаки мужчины, напавшего на Саншайн. Несчастный случай. Парень шёл по рельсам, не услышал поезд, его сбили, он скатился в канаву. Что ещё могло произойти?

Какая-то часть моего сознания побаивалась, что что-то случится. Что всех созовут на городское собрание, и люди соберутся в подвалах, чтобы дать клятву найти ответы и виновников, а также попытаться понять странное лето в Эхо с детьми, вооружёнными колами, дьяволами-похитителями, девочками, забитыми битами, и мёртвыми мальчиками у рельсов.

Но ничего не случалось. Люди жили дальше, как и Саншайн.

Иногда мне казалось, что она стала... другой после Броди. В её глазах появилось что-то такое, чего не было раньше. Она перестала сидеть на крыльце, попивая чай и ничего не делая. Начала читать книги об окружающей среде и выживании в условиях дикой природы. Сказала, что хочет пойти со мной в поход, только вдвоём, и я согласилась.

Как-то раз я спустилась на пляж, в своё тайное местечко для чтения, и обнаружила, что подруга там плавает. Она одиноко рассекала волны — только она и тот облегающий белый купальник, — и я не могла понять, плывёт ли она к чему-то, или от кого-то. Может, и то и другое. Мне нравилась новая Саншайн. Но мне также казалось, что мы обе немного скучали по прежней.

* * *

Я наблюдала, как Ривер собирает свои винтажные кожаные чемоданы.

Прошло уже несколько недель после Броди. С меня наконец сняли последние повязки, но мои шрамы выглядели красно и злобно, и я их ненавидела. Я потёрла багровые рубцы, а Ривер закинул последние вещи во второй чемодан, закрыл крышку и щёлкнул четырьмя застёжками. Я вздрагивала при каждом щелчке металла. Это был такой окончательный звук. Звук *конца*.

Ривер встал и взял в каждую руку по чемодану. Он выглядел точно так же, как в нашу первую встречу. Не считая не успевшую зажить рану от укуса на предплечье. И взгляда в его глазах.

Его глаза уже не были дерзкими, уверенными, безразличными и внимательными, как в первый день. В них появилось что-то новое. Что-то... *большее*. И мне было интересно, имеет ли это какое-то отношение ко мне.

Я на это надеялась.

Люди говорят, что время — понятие относительное, и, думаю, это объясняет, почему моя жизнь до Ривера казалась всего парой секунд — короткими вспышками незначительных событий, которые почти не запоминались. Но моя жизнь после Ривера была трёхтомной сагой. Эпичной. С загадками, злодеями, убийцами, неудачными решениями и людьми, которых разрывало на части.

— Хочешь выпить кофе? — спросил парень.

Что на самом деле означало: «Хочешь выпить кофе перед тем, как я отнесу вещи, сяду в машину, уеду и никогда не вернусь?».

— Да.

Поэтому он заварил последнюю порцию эспresso, и мы пили его обжигающе горячим у

кухонной раковины. Я посмотрела на парня: на его длинное стройное тело, как он прищуривался, делая глоток. Он больше не выглядел загадочными или экзотическим, или полным секретов. Он просто выглядел как Ривер. И этого было достаточно.

— Ты выглядишь как Ривер.

Он покосился на меня, не донесся чашку к губам.

— Это хорошо, — ответил он, отчасти серьёзно, а отчасти смеясь, — потому что я и есть Ривер.

А затем Ривер Уэст Уильям Реддинг III взял чемоданы, и я пошла за ним на улицу. Там нас ждали Нили, Джек и Люк. Вчетвером мы встали полукругом вокруг новой-старой машины Ривера. Её сидения до сих пор были запятнаны кровью.

Ривер посмотрел на Нили.

— Ты же понимаешь, почему я должен это сделать, верно?

Тот рассмеялся.

— Да. Давай, обуздай своё сияние, чтобы мы могли поехать за Броди и выбить из него всю дурь. Если он ещё жив.

— Жив, — уверенно ответил Ривер.

Я покачала головой.

— Я ранила его в грудь. Я видела кровь. *Слышала* его крики, — я уже говорила это прежде. Много-много раз. Теперь это начало звучать как молитва.

Ривер ничего не сказал.

Джек поймал мой взгляд.

— Он сбежал. Пока я продолжал лежать на земле после его пореза. Я не мог пошевелить ни руками, ни ногами, но всё видел. Он выбежал из гостевого дома.

Джек был прав. Мы много раз это обсуждали, и всё всегда заканчивалось тем, что Джек видел, как Броди убежал. Мы понимали, что он выжил. И ушёл, не оставив и следа. А мы их тщательно искали.

Люк по-мужски приобнял Ривера. Затем тот присел и крепко прижал к себе Джека. Их объятия не были прохладными и мужскими. Просто крепкими и искренними.

— Пойду, заварю ему кофе, — наконец сказал Люк. — Джек, может, посмотрим, что творится в городе? Вдруг какие-то ребята видели на площади банду зомби? Звучит как что-то, что могло случиться в нашем городке.

Джек улыбнулся. Затем отошёл от Ривера и, не оглядываясь, последовал за Люком по дороге в Эхо.

Остались только я и Нили с Ривером.

Ривер провёл рукой по волосам и прислонился к машине.

— Однажды дедушка мне кое-что рассказал. Я был ещё мальчишкой и не знал ничего о сиянии. Дедушка старел и часто погружался в воспоминания. Обычно он говорил о Фредди и об их молодости. Но в тот раз он посмотрел прямо на меня и сказал: «Ты должен воздержаться. Ты должен воздержаться, если оно начнёт выходить из-под контроля. Это единственный способ».

Какое-то время все молчали и думали над этими словами. Я слушала шелест листьев на деревьях и шум волн, бьющихся об скалы. Слушала, как моё сердце трещит, меняет форму, растёт, потому что оно больше не было маленьким, сморщенным и голодным.

— Если я поеду за Броди, — продолжил Ривер через минуту или около того, — то должен взять себя в руки. Мне нужно побыть одному. Совершенно. В ином случае... я себе

не доверяю.

— Броди сказал, что ты должен сойти с ума, чтобы сияние повиновалось тебе, — я взяла парня за руку и сжала её. — Что, если твой дедушка ошибался? Что, если, остановившись, ты ничего не добьёшься, а Броди станет только сильнее?

Ривер пожал плечами.

— Нужно попытаться, Ви. Либо я остановлюсь, либо продолжу, пока не стану таким же безумным, как он. Что бы ты выбрала?

Нили покачал своей светлой головой и хохотнул.

— Я бы предпочёл съехать с катушек, если бы это позволило мне убить этого маленького ковбоя. Я бы так его убил...

Ривер крепко обнял брата. Затем отпустил его и заключил меня в медвежьи объятия. Мы крепко держались друг за друга, так крепко, как только могли, и Ривер прижался губами к моему уху.

— Я исчезну, — прошептал он. — Если ничего не выйдет, и я использую сияние, Нили меня найдёт. Но если нет, значит, я делаю что-то правильно. Позвольте мне спрятаться. А когда я вернусь, то буду сильнее. Лучше.

Пальцы Ривера запутались в моих волосах, и он прижал меня ещё ближе.

— Броди думал, что ты умрёшь. Что он сделает, когда узнает, что это не так? Возможно, ему будет плевать. Но я не хочу больше рисковать. Нили останется в гостевом доме и дожждётся моего возвращения.

Я кивнула, и его рубашка задела мою щёку. Я не стала упоминать, что в прошлый раз Нили не удалось помешать Броди причинить мне вред.

Ривер поцеловал меня в щёку, лоб и мочку уха. Нили наблюдал за нами, радостно улыбаясь, но нам было всё равно.

— Как же я буду спать без тебя? — пробормотал Ривер мне в шею. — Ви, я никогда никого не боялся, но мой рыжеволосый ковбой-братец напугал меня до чёртиков. Это не имеет значения. Мне плевать, если придётся продать душу Дьяволу. Плевать, если Броди и есть Дьявол. Я убью его. Как он пытался убить тебя. И сделаю это так, чтобы все запомнили, упаси нас Господь.

А затем он поцеловал меня. В губы. Страстно. Я закрыла глаза и окунулась в поцелуй, пытаюсь ощутить то же, что и при первом поцелуе на кладбище.

Но тут на запястьях заболели шрамы. И перед глазами мелькнули рыжие волосы. И тогда я почувствовала губы Броди на своих, и как моя кровь начала пропитывать нашу одежду.

Я отпрянула. По глазам Ривера стало ясно, что мне не нужно ничего объяснять, совершенно ничего, потому что он понял.

Парень потянулся в карман и достал ещё одну закладку. Это была стодолларовая купюра, сложенная в форме звёздочки. Он вложил её мне в ладонь.

А затем сел в машину.

И уехал.

Ривер уехал. Нили остался.

Джек тоже окончательно переехал к нам. Он пережил дьяволов, самоубийства, чердаки, ведьм, пожары, ножи... но каким-то образом ему удалось остаться нормальным.

Нили развёл костёр во дворике гостевого дома, и мы впятером — Люк, Саншайн, Нили, я и Джек — жарили сладкие итальянские колбаски и кукурузу после наступления темноты. Так мы провели лето.

Иногда я спала в кровати Ривера в гостевом доме. Нили не возражал. Кроме того, мне нравился его смех. Нравилось, что он был похож на брата. Мы не говорили о Ривере и перестали читать газеты. Нам не хотелось знать. Ни о нём, ни о Броди — что они делали, кому причиняли боль. Пока нет.

В последнюю ночь августа, за неделю до того, как должен был начаться мой последний год в школе, я снова спала в кровати Ривера. Перекатилась на бок, и мне в лицо ударило яркое солнце.

Но меня разбудило не оно. А голоса снаружи. Я быстро оделась, моё сердце бешено колотилось в груди.

Не может быть!

Но может.

Я вышла наружу и увидела родителей, достающих чемоданы из такси. Мама заметила меня и уронила сумку. Я побежала к ней в объятия, и мы крепко вцепились друг в друга, словно это было так же необходимо, как воздух, а мы очень долго задерживали дыхание. Я закопалась носом в её длинные волосы и учуяла запах крепкого европейского кофе, элегантных французских духов и свежего парижского дождя. Но под всем этим был аромат скипидара, как всегда.

Я злилась, что она уехала, а затем вернулась, словно ничего не произошло. Словно ей ничего не нужно было объяснять, и у неё не было никаких обязательств. Но мои родители делали, что хотели, независимо от моего мнения. Мне ничего не оставалось, кроме как принимать их такими, какие они есть, и надеяться, что они так же отнесутся ко мне.

Мама говорила очень быстро. С той же скоростью, с какой в моей голове пролетали мысли, быстро, быстро, быстро. Она без устали рассказывала о Европе, музеях, выставках в Париже, но я слушала лишь отчасти, потому что обнимала отца и пыталась прийти в себя.

— Вайолет, ты меня слушаешь? — мама положила руку мне на плечо. — Твой отец распродал все картины с выставки в Париже, и, как ты думаешь, что это значит? Это значит, что у нас наконец-то есть деньги, вот, что это значит. О, а вот и Люк!

Люк бежал по ступенькам. Он даже слегка расплакался, и мне было странно на это смотреть, потому что я никогда не видела брата плачущим. В глазах папы был какой-то далёкий взгляд, когда он обнял сына, и я поняла, что безумно по нему скучала. Затем из дома вышли Нили с Джеком, и мы представили их родителям. Это привело к обсуждению искусства, что привело нас в сарай, а затем в гостевой дом, и мы обсудили всё, что произошло с момента их отъезда. То есть, практически ничего, потому что мы не рассказывали о Ривере, Броди, письмах Фредди и густой крови Джека, и о Саншайн с битой и о мальчике у рельс, и о моих дрожащих руках, несущих смерть, и о том, как я заколола Дьявола в грудь, и что я прятала под длинными рукавами в августе.

Позже я сидела в одиночестве на ступеньках, снова гадая, в каком забытом уголке сейчас забился Ривер. Ночь догоняла последний день лета, и на меня снова навалилась тоска, как всегда на закате. Я слышала смех Люка с Нили, пока они собирали ветки. Мы планировали заночевать на заднем дворе. Папа ставил пыльную зелёную палатку, которую нашёл в подвале Ситизена, а мама рисовала в сарае с открытой дверью, чтобы наблюдать за всеми. Джек взбивал мороженое в старой ручной машинке, а Саншайн сидела рядом с ним, шурясь в последних лучах солнца и пытаясь прочесть какое-то старое пособие для бойскаутов о том, как разводить огонь, которое она взяла в библиотеке.

Я гадала, удалось ли Риверу взять сияние под контроль. И не чувствовал ли он себя одиноким. Скучал ли по мне, как я по нему. Но затем ко мне подошёл Нили, протягивая палку с зефирками, и потребовал, чтобы я присоединилась к веселью. Я так и сделала. Жарила еду, ела домашнее мороженое, рисовала при лунном свете и спала в спальном мешке на земле. И ночь слилась в одну большую вспышку ничего и всего. Я была в безопасности. И спокойна, даже несмотря на тоску по Риверу.

Я оглянулась на Нили, лежащего на боку у костра. Мне казалось, что он спит, но тут парень открыл глаза и посмотрел прямо на меня, словно знал, о чём я думала. Он улыбнулся. И эта улыбка пронзила меня до самого сердца.

Фредди часто говорила, что нужно быть счастливым, когда выпадает такая возможность, потому что жизнь не стоит на месте. И она была права. К ней нелегко пришло это понимание. Фредди была обычным человеком и совершала ошибки. Но в процессе она научилась держаться за своё счастье. Она молилась Богу и держалась.

Я пробежалась пальцами по шрамам на запястьях. Жизнь была безопасней без Ривера. Менее захватывающей. Менее пугающей. Менее волнующей. Просто... менее.

«Чёрт. Я очень скучаю по тебе, Ривер».

Может, во мне говорили остатки сияния. Может, из-за него я так тосковала по Риверу... но чувства казались *реальными*. В любом случае, настоящие они или нет, они были единственным, за что я могла держаться. Ривер манипулировал людьми. И убивал. Он был злой. Не такой злой, как Броди... но всё же. Хорошо, что он уехал, убрался из моей жизни. Логически я это понимала. Но то, что я *чувствовала*, в глубине, в самых потаённых уголках своего сердца, было следующим: мне плевать, если Ривер злой. Он всё равно мне нравился. Может, я даже любила его.

И, возможно, это тоже делало меня злой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Нейту.

Джоанне Вольп — агенту, фанатке Стивена Кинга и такой же ночной совушке, как и я. Ты посмотрела «Дьяволиц» ради меня! Я твоя должница.

Джессике Гаррисон — ты в точности знала, как выжать всё добро из моей маленькой дьявольской книжечки. Если когда-нибудь захочешь сбежать от койотов, я знаю одно местечко.

Всем остальным из «Диал и Пингвин», особенно Кристин Смит за эту шикарную обложку.

Саймону Аландеру — за роскошное название, выведенное твоей рукой.

Сандре — за то, что позволяла мне читать по ночам.

Джейсону — за твою бурную фантазию. Она всегда мне нравилась.

Эрин и Тодду — за то, что играли со мной в египтян одной летней ночью. Лорен — за домик на дереве.

Джоли Хикс — за твою любовь к книгам.

Эрин Бауман — за то, что всегда была рядом.

«Счастливой тринадцатке».

«Пятнице тринадцатых» — за тот тренд о единорогах.

И рыжеволосому мальчику — за череп.

notes

Примечания

Флэт уайт — (Flat white, «плоский белый») — горячий напиток, готовится путем добавления вспененного паром молока в одну или две порции эспresso и схож с латте.

Рассказ Эдгара Аллана По, впервые опубликован в ноябрьском выпуске Godey's Lady's Book за 1846 год. История разворачивается в безымянном итальянском городе, в необозначенное автором время.

Мыс вдовы — линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз. Признак наследуется генетически и является доминантным.

«Moon river» (рус. Лунная река) — песня Генри Манчини на слова Джонни Мерсера, написанная в 1961 году. Она была исполнена Одри Хепбёрн в фильме «Завтрак у Тиффани» и была удостоена «Оскара» в номинации «Лучшая песня года».

Слова из песни пьесы Уильяма Шекспира «Макбет».